

Нуриддин ИСАЕВ

ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В КЫРГЫЗСТАНЕ - НАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАГЕДИЯ КЫРГЫЗСКОГО НАРОДА

К 100 – летию восстания кыргызского народа 1916 года

Бишкек - 2016

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Нуриддин Исаев

**ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В КЫРГЫЗСТАНЕ –
НАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАГЕДИЯ
КЫРГЫЗСКОГО НАРОДА**

*К 100 – летию восстания
кыргызского народа 1916 года*

Бишкек, 2016 г.

УДК 94.(47)
ББК 63.3(2 Ки)
И 85

Рекомендовано к изданию Ученым советом института философии и
политико-правовых исследований НАН КР

Ответственный редактор:

Почетный академик, член- корреспондент
доктор философских наук, профессор
Нарынбаев А.И.

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор
Маанаев Э. Дж.

кандидат исторических наук, профессор
Бедельбаев А.Б.

И 85 Исаев Нуриддин

Восстание 1916 года в Кыргызстане – национальная трагедия
кыргызского народа. – Б.: 2016, - 164 с.

ISBN 978-9967-12-563-6

В монографии автор, опираясь на многочисленные архивные документы и материалы, источники и литературу, на основе нового современного подхода предпринимает попытку объективно определить причины, характер и движущие силы восстания 1916 года в Кыргызстане, указать и на последствия колониальной аграрно-переселенческой, коррупционно-русификаторской политики царизма, которые стали главной причиной этого трагического события.

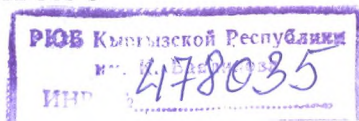
Работая над этой книгой, автор убедился, что, хотя о восстании 1916 года написано немало работ, не все проблемы ее изучены и решены до конца. Поэтому, как справедливо отмечается в указе Президента Кыргызской Республики «О 100-летию трагических событий 1916 года», несмотря на то, что после событий минуло целое столетие общество продолжает нуждаться в объективной исторической оценке причин и последствий произошедшего. Надеемся, что этот наш скромный труд станет толчком для дальнейшего более глубокого и всестороннего исследования этой важнейшей проблемы и вся общественность нашей страны в конечном счете получит объективную и историческую оценку по всем проблемам восстания 1916 года.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов вузов, а также для широкого круга читателей.

И 0503020911-16

ISBN 978-9967-12-563-6

УДК 94.(47)
ББК 63.3(2 Ки)
© Исаев Н., 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Глава I. Общественно-политические и социально-экономические предпосылки и причины восстания	9
1.Положение кыргызов в колониальный период и накануне восстания 1916 г.	9
2. Коррупционно-русификаторская политика царизма и ее влияние на жизнь кыргызов	19
3. Аграрно-переселенческая политика царизма – одна из главных причин восстания 1916 года	35
Глава II. Усиление социального и национального гнета в годы Первой мировой войны. Начало восстания	53
1. Царский указ о призыве коренного населения на военно-тыловые работы и начало восстания в Северных районах Кыргызстана	53
2. Ход восстания в Пишпекском уезде	65
3.Ход восстания в Пржевальском уезде	86
Глава III. Поражение восстания и его причины	97
1.Подавление восстания народных масс в различных районах Северного Кыргызстана	97
2.Бегство восставших кыргызов в Китай	127
3.Возвращение кыргызов из Китая на Родину	136
4.Характер, движущие силы, особенности восстания и ее политическое значение	147
Заключение	173

Выражаю глубокую благодарность Почетному академику, член-корреспонденту НАН Кыргызской Республики, доктору философских наук, профессору, заслуженному деятелю науки КР А.И.Нарынбаеву, а также профессорам К. Сулейманову, Э.Маанаеву, А. Бедельбаеву, которые прочитав рукопись работы, высказали мне много полезных, ценных советов и замечаний, которые автор учел в процессе исследования и при доработке рукописи, в результате чего появилась настоящая книга. Автор

Автор сердечно благодарит руководство и сотрудников Государственного Исторического музея и музея Изобразительных Искусств им. Г. Айтиева за предоставленные фотоматериалы и картины, в которых отражены трагические события 1916 года.

ВВЕДЕНИЕ

В 2016 году исполняется 100 лет народному восстанию кыргызов, которое произошло во второй половине 1916 г. Это событие в Кыргызстане известно еще под названием «Үркүн» - массовое бегство кыргызов в Китай. В связи с приближением 100-летия этих событий, Президент нашей республики Алмазбек Атамбаев 27 мая 2015 г. подписал указ «О 100-летию трагических событий 1916 года». В нем отмечается, что восстание 1916 г., сохранившееся в памяти народа как «Үркүн» (Великий исход), занимает особое место в истории кыргызского народа. Несмотря на то, что после этих событий минуло целое столетие, общественность республики продолжает нуждаться в объективной исторической оценке причин и последствий этого трагического события.

Если исходить из этого положения, восстание 1916 г. является крупнейшим событием в истории национально-освободительной борьбы народов Центральной Азии, которое с особой силой развернулось на территории Кыргызстана. Данное выступление было вызвано национально-колониальным гнетом царского самодержавия и отличалось широким масштабом, небывалым размахом, и охватило почти всю Центральную Азию. Оно очень остро протекало в Семиречье, особенно в северных районах Кыргызстана. Трудно назвать аил или кыштак, жители которого в той или иной степени не принимали бы участия в данном восстании.

Восстание произошло на третий год, в самый разгар Первой мировой империалистической войны, когда уже начали проявляться признаки ослабления экономической и политической мощи России и чувствовалось приближение революционной ситуации. В связи с этим в народных массах постепенно зарождалась, хотя и глухо, надежда на возможность, воспользовавшись той или иной ситуацией

мировой войны, наконец, скинуть гнет царской колониальной власти. И такой ситуацией явился увод из Туркестана и Кыргызстана большей части колониальных войск в театр военных действий.

Непосредственным поводом, послужившим началу восстания, был царский указ от 25 июня (старого стиля) 1916 г. о наборе рабочих на военно-тыловые работы из коренной национальности в возрасте от 19 до 43 лет. Царское правительство этой мерой хотело заменить массу русских солдат и рабочих, занятых на тыловых работах, мобилизованными «инородцами», считая их более покорной и «даровой» рабочей силой. В ответ на приказ царского правительства почти одновременно восстали народные массы по всей территории Центральной Азии, в том числе и в Кыргызстане.

Набор туземных рабочих на тыловые работы послужил лишь поводом к восстанию, но не причиной. Причина кроется в социально-экономических и политических противоречиях, сложившихся к тому времени во всей Средней Азии и Казахстане, включая и Кыргызстан.

Поэтому основными задачами работы являются не только выяснение положения кыргызов в колониальный период, но и на основе нового современного подхода исследовать ход событий, определить причины, характер, движущие силы восстания, указать и на последствия колониальной аграрно-переселенческой, коррупционно-русификаторской политики царизма, которые исторически подготовили это восстание.

Восстание, как уже отмечалось, очень остро протекало в Северных районах Кыргызстана, и они стали самыми крупными центрами национально-освободительного движения. Этого не хотели понять некоторые ученые и объявили эти районы Северного Кыргызстана очагами реакционных, антирусских, феодально-монархических и феодально-националистических движений. А автор данной

работы, наоборот, попытался доказать, что эти районы были не «очагами реакционных движений», а основными районами революционных национально-освободительных движений. Но самое главное, восстание в Северных районах Кыргызстана носило не антифеодальный, а антиколониальный характер по своему содержанию, и преодолев в определенной степени свою неорганизованность, поднялось на наивысшую стадию своего развития. Доказать все это - главная задача данной работы. В этом заключается отличительная особенность и то новое, что есть в этом исследовании.

Таким образом, восстание в Северных районах Кыргызстана – главное содержание данного исследования. Оно ограничивает и рамки изучаемой темы – это ход событий, главным образом, в Северных районах Кыргызстана.

Исследование о восстании 1916 г. имеет свою длинную историографию. Изучение проблем восстания началось вскоре после установления Советской власти. Одними из первых к изучению проблемы обратились и много сделали такие видные советские государственные деятели, как Т.Рыскулов и Ю.Абдрахманов. Т.Рыскулов написал и опубликовал ряд работ по данному вопросу: «Восстание туземцев в Туркестане», «О восстании казахов и киргизов в 1916 году», «Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 году» и др., которые представляют определенный интерес и по сей день. Под его редакцией выпущен также сборник архивных документов и материалов «Восстание 1916 года в Киргизстане», М.1937.

Особый интерес представляют собой и работы Ю.Абдрахманова: «О восстании 1916 года (по поводу статьи Т.Меницкого)», «Предвестник Октября (к 15 – летию восстания в Киргизии в 1916 году)» и, особенно, его работа «О восстании киргиз в 1916 году».

Наиболее ценными являются работы видных ученых К.Усенбаева «Восстание 1916 года в Киргизии», Фрунзе, 1967 и Х.Турсунова «Восстание 1916 года в Средней Азии и

Казахстане», Ташкент, 1962, которые использованы автором в качестве пособия и источников, дополняющие иногда те или иные вопросы изучаемой проблемы.

Многие официальные документы, хранящиеся в Центральных государственных архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Ташкента, Алма-Аты широко использованы К.Усенбаевым. Это дало и мне, автору данной работы, возможность при использовании этих документов ссылаться на указанную работу К.Усенбаева.

При исследовании данной проблемы были изучены и использованы сообщения, донесения, отчеты генерал-губернаторов Туркестанского и Степного краев и военных губернаторов областей, а также переписка генерал-губернаторов с военными губернаторами областей, с уездными начальниками и многие другие документы, собранные в специально изданном сборнике документов «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», М. 1960. Все эти документы, составленные царскими чиновниками и другими должностными лицами, безусловно, представляют определенный интерес при изучении исследуемой темы.

Определенная часть архивных материалов по изучаемому вопросу, а также воспоминания участников и очевидцев восстания и многие другие документы, собранные и хранящиеся в рукописном фонде ИЯЛ им. Ч.Айтматова НАН Кыргызской Республики, также заслуживают внимания. И они были использованы мною при написании настоящей работы.

ГЛАВА I.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРИЧИНЫ ВОССТАНИЯ

1. Положение кыргызов в колониальный период и накануне восстания 1916 г.

Завоевание царской России всей Центральной Азии было завершено, как известно, в 50-70-х гг. XIX в. Кыргызский народ даже в XIX в., т.е. до завоевания его Россией, не представлял единого политического целого. По этой причине завоевание его не могло быть единовременным актом. Кыргызы Иссык-Кульской котловины «добровольно» приняли русское подданство в январе 1855 г. Летом в 1862 г. кыргызы Чуйской долины восстали против кокандцев и с помощью российских войск кокандцы были изгнаны из своих крепостей. Кыргызы Центрального Тянь-Шаня приняли русское подданство в октябре 1863 г. Процесс присоединения северокыргызских племен в состав России завершился в 1867 г. Но Южный Кыргызстан еще оставался под гнетом Кокандского ханства. В 1873 г. началось народно-освободительное движение против Кокандского ханства, длившееся почти четыре года (1873-1876). В результате в начале 1876 г. пало Кокандское ханство. Это значительно облегчило задачу русских войск в завоевании Южного Кыргызстана. Таким образом, в 50-70-х гг. XIX в. завершилось присоединение всей территории Кыргызстана к России¹.

В результате завоевания данного региона были созданы две колониально-административные единицы – Туркестанское генерал-губернаторство с центром города Ташкент и Степной край с центром города Омск.

Под Степным краем подразумевались Акмолинская, Семипалатинская, Уральская и Тургайская области Казахстана. Этими областями царское правительство вначале управляло «Временным положением об управлении Степными областями» 1868 г., а затем дополненным новым «Степным положением» 1891 г. И на этой основе было создано Степное

генерал-губернаторство и окончательно юридически было оформлено превращение Казахстана в колонию Российской империи.

В состав Туркестанского генерал-губернаторства, находившегося в ведении военного министерства, вошли вся территория бывшего Кокандского ханства и часть земель Бухарского и Хивинского ханств, захваченные российскими войсками. Оставленные в урезанной части Средней Азии эти ханства, будучи лишь номинально самостоятельными, по существу находились в колониальной зависимости от царской России.

Таким образом, вся территория Туркестанского края и Степные области Казахстана, непосредственно охваченные восстанием 1916 г., достигала 3 374 555 кв.км, с населением численностью 10 155 726 человек. Восстание оказало определенное влияние и на соседние районы, в частности, на Бухарское и Хивинское ханства. Иначе говоря, восстание охватило почти всю территорию Центральной Азии.

Туркестан был многонациональным краем: среди них наиболее многочисленными были узбеки с населением 2 347 491 человек (или 39,2% населения края), казахи – 1 166 790 (19,5%), кыргызы – 809 524 (13,5%), таджики – 437 656 (7,3%), туркмены – 295 914 (4,9%), каракалпаки – 77 825 (1,3%), уйгуры – 63 465 (1%), дунгане – 20 700 (0,3%), русские – 542 509 (9,1%). Кроме них здесь были кыпчаки, курама и другие этнические группы².

Из приведенных данных видно, что общее количество кыргызов в Туркестане составляло 809 524 человек, из них в Ошском уезде проживали – 117 520 человек, в Андижанском уезде – 107 692, в Наманганском – 75 849, в Маргеланском – 63 626, в Кокандском – 109 333, а всего в южном регионе проживали 375 620 человек³. А численность кыргызов на севере Кыргызстана составляла 324 015 человек, из них в Пишпекском уезде – 178 291, в Прежевальском уезде – 145 791 человек⁴. А в Аулие-Атинском уезде в Сыр-Дарьинском области проживали – 109 889 человек.

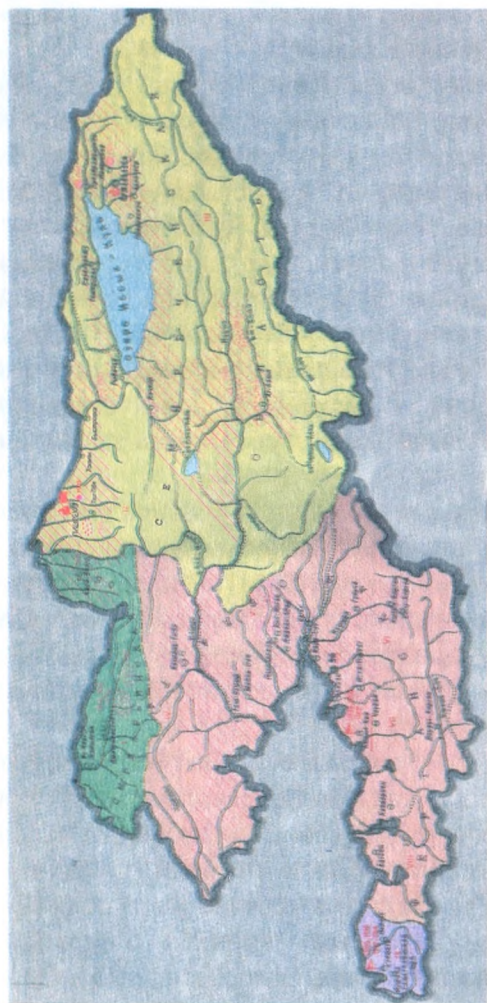
Территория Кыргызстана, как одна из типичных колоний царского режима, в то время находилась в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Туркестан делился на пять областей: Семиреченскую, Сыр-Дарьинскую, Самаркандскую, Ферганскую и Закаспийскую.

Области, в свою очередь, делились на уезды, уезды на участки, а участки на волости. Области управляли военные губернаторы. Во главе уездов стояли уездные начальники, участками управляли приставы, а волостями управляли волостные управители – волостные (Болуши – Болуштар).

Дореволюционное административное деление Туркестана и Степного края, проведенное в интересах колониальной политики царизма, противоречило сложившимся здесь экономическим и национальным отношениям. В результате все народы, без исключения, оказались искусственно разобщенными между отдельными губернаторствами и областями.

Так, северная часть Казахстана входила в Степное генерал-губернаторство, а южная – в Туркестанское генерал-губернаторство, западная часть – в Астраханскую и Оренбургскую губернии. Более половина узбеков находилась в составе Туркестанского генерал-губернаторства, часть – в составе Бухарского эмирата, другая часть – в составе Хивинского ханства.

Также обстояло дело и с кыргызами. Вся территория Кыргызстана хотя и входила, как уже отмечалось, в состав Туркестанского генерал-губернаторства, тем не менее была расчленена между различными областями этой губернии: южная часть Кыргызстана числилась в составе Ферганской и Самаркандской областей, западные районы (кыргызы Таласской долины) – в составе Аулие-Атинского уезда Сыр-Дарьинской области, северная часть Кыргызстана (кыргызы Чуйской, Иссык-Кульской долины и Центрального Тянь-Шаня) пребывала в составе Семиреченской области.

У С Л О В Н Ы Е О Б О З Н А Ч Е Н И Я

Курские в период с 1905 г. до февраля 1917 г.

- дш Курские и группы РСДРП
- Митинги и сходки в 1905 г.
- Воскресийская забастовка связистов в ноябре 1905 г.

- 1905 Заставки рабочих
- 1913 Выступления дышан
- 1914 Выступления крестьян-переселенцев
- Национально-освободительное восстание 1916 г.

Примечание. Транскрипция наименований дана по письменным источникам начала XX века.

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ

- дш Центры уездов
- Кочевья
- Прочие населенные пункты

- Границы областей Российской империи
- уездов

- СОВРЕМЕННЫЕ ГРАНИЦЫ
- Государственная ССР
- Куртасской ССР

ЦИФРАМИ НА КАРТЕ ОБЪЕДИНЕННЫ УЕЗДЫ:

- I Аулие-Атинский
- II Пишпекский
- III Пржевальский
- IV Наманганский
- V Анджанский
- VI Ошский
- VII Скобелевский
- VIII Кокандский
- IX Хорезмский

Территория Кыргызстана в начале XX века.

Приведенные факты показывают, что административное устройство края носило сугубо колониальный характер. Кыргызстан входил в состав 4х областей (Семиреченская, Сыр-Дарьинская, Самаркандская, Ферганская) и 9 уездов (Аулие-Атинский, Пишпекский, Пржевальский, Наманганский, Андижанский, Ошский, Скобелевский, Кокандский, Ходжентский) Туркестана.

Во всех областях и во многих уездах кыргызы были в меньшинстве. Так, в Андижанском уезде они составляли 27% местного населения, в Наманганском – 19%, в Скобелевском (ныне Фергана) – 14%, в Кокандском - 4% ⁵.

Только Пишпекский, Пржевальский и Ошский уезды были населены в основном кыргызами. Из этого видно, что население Кыргызстана было разбито на мелкие части и не соответствовали ни территориальным, ни этническим, ни бытовым условиям, но зато они облегчали угнетению народных масс колонизаторами и мешали коренному населению объединиться и бороться за социальную и национальную независимость.

Кыргызстан после завоевания российскими колонизаторами превратился, как показывают приведенные данные, в один из отсталых и раздробленных колониальных окраин царской империи. В его общественно-политической жизни сохранились почти в неприкосновенности патриархально-родовые отношения. Кыргызы вели тогда исключительно кочевой образ жизни, кочевали целыми родами с одного места на другое, вместе защищались от врагов и вместе нападали на них. Во главе родов стояли еще патриархи – аксакалы (старший в роду) и бии (народные судьи из почтенных и лучше знающих родовые обычаи и адаты лиц). Наряду с родовым строем у кыргызского народа тогда существовали уже незначительные зачатки и феодальных отношений.

Незначительные зачатки феодализма так и не развились, не укрепились ввиду кочевых условий жизни кыргызского народа. Но и на протяжении более полувека (1855-1916 гг.), когда кыргызский народ находился под колониальным гнетом царизма, особо больших изменений в родово-племенных отношениях в среде кыргызов не произошло.

Если во многих районах Туркестана начало развиваться мелко-товарное производство, то в Кыргызстане продолжало преобладать натуральное хозяйство. Но, тем не менее, проникновение товарно-денежных отношений, развитие земледелия и оседание кочевников не могли не оказать влияние на социально-экономические отношения кыргызского общества. Шли процессы формирования социально-классовых отношений, т.е. появились социальные слои имущих и неимущих. Но они еще окончательно не порвали с родовым бытом и подразделялись на ряд категорий и сословий в зависимости от их социально-экономического положения. Например, верхние слои – джакшылар (лучшие люди) делились на такие категории как бай, манапы, бии, казы и т.п. В состав неимущих слоев – букары (кара-букара) входили малаи, джатаки, джалчы, томоаки, байкуши, коншу и другие представители бедноты. Говоря об этих категориях и сословиях, Ю.Абдрахманов в своей работе «О восстании 1916 года», глубоко анализируя общественно-экономический уклад жизни кыргызов доколониального периода, отмечал: «Появление на арене общественной жизни сословия «букары» можно объяснить разложением родовой общины и полуфеодальным характером строя общественной жизни киргиз. Этот полуфеодальный строй в связи с колонизацией края царизмом, законсервировался, не пошел дальше в смысле образования чисто феодальных отношений»⁶.

Основные средства производства сосредотачивались в руках баев и других представителей класса имущих. В целом, картина была такова: бай и манапы составляли не более 5%

сельского населения, зато владели 55% всей земли и 65% всего скота⁷. Из этого видно, как отмечал Ю.Абдрахманов: «Огромная масса скота была сосредоточена в руках сравнительно незначительной группы баев и манапов и давала им возможность держать абсолютное большинство киргизского населения в своем подчинении. Этому, в значительной степени, способствовали и сохранившиеся пережитки родовых отношений среди киргизского населения. Будучи в плену пережитков родовых отношений, зависимые в материальном отношении от своих сородичей – баев и манапов, трудящиеся массы киргизского населения по существу были рабами своих родовых вождей, беззащитно ими эксплуатируемыми»⁸.

Говоря о рабском труде обездоленных масс, следует сказать, что особенно тяжелым и изнурительным был труд малаев. Днем они пасли скот, ночью охраняли его. Они помогали и в домашнем хозяйстве баев. Малаев очень плохо кормили, скверно одевали: им доставались только объедки и изношенная одежда. Их били за малейшие проступки.

Однако не все баи пользовались услугами малаев. Некоторые из них предпочитали пользоваться даровыми услугами «сородичей», жившими по соседству (Коншу) с баем, чем услугами чужеродца-малая, которому нужно было платить. Коншу со своими семьями, кочуя вместе с баями - «сородичами», выполняли у них всевозможные хозяйственные работы: при перекочевках перевозили вещи, устанавливали юрты, иногда пасли скот и охраняли его ночью; женщины доили овец, коров и кобыл, стирали белье, собирали топливо, разводили костер и готовили пищу; дети ухаживали за байскими ягнятами и телятами. За всю работу коншу получал одну-две коровы или несколько дойных овец, имел право пользоваться их молоком и кумысом и т.д.

Баи, манапы и другие состоятельные люди, ведущие полукочевой образ жизни, пользовались услугами джатаков. Джатаками (буквально «лежачий», т.е. некочующий, оседлый)

называли бедняков, лишившихся скота, а значит не имеющие возможность вести кочевое хозяйство. За свою работу (за обработку земли) джатаки получали от своих «сородичей», т.е. хозяев посевов, «саан» - корову, с правом пользоваться молоком и «күч унаа», т.е. верховую лошадь во временное пользование.

Из сказанного ясно, что джатак, работая на феодала, считал, что он оказывает помощь в хозяйстве своему «сородичу», а хозяин посевов, предоставляя джатакам «саан», «күч» и т.д., выдавал себя за «родственника-добродетеля». Таким образом, их социальные взаимоотношения были построены на основе принципов патриархально-родовых отношений. Следовательно, джатаков следует отнести, во-первых, к числу своеобразных сельских пролетариев, еще не успевших освободиться от феодально-родовых пережитков. Во-вторых, поскольку джатаки в основном вели оседлый образ жизни и занимались земледелием, очень важно отметить, что именно они составляли основу будущего крестьянского хозяйства.

В оседлых районах, в частности на юге Кыргызстана, крупные землевладельцы (баи) сами не вели свое хозяйство, а преимущественно занимались торговлей и ростовщичеством. Все их земли обрабатывались чайрикерами (издольщиками) и временными поденными рабочими - мардикерами (поденщиками). Чайрикер дословно означает дехканин, получающий $\frac{1}{4}$ часть урожая (от слова чайрек (чейрек) - четвертая часть), но фактически они вынуждены были идти к хозяину, отдавая ему половину, даже более половины урожая.

В отличие от чайрикеро-мардикеры нанимались на сельхозработы на определенный срок, даже на несколько дней, особенно в период посевной и уборочной кампании. За свой труд они получали деньгами, а не натурой, как чайрикеры. Однако, мардикеры не всегда могли найти работу. Многие из них вынуждены были ходить из кыштака в кыштак и работать на любых условиях, лишь бы была работа. Заработанных денег

им не хватало даже на пропитание. Поэтому мардикеры, как и чайрикеры часто попадали в кабалу к ростовщикам, баям и другим представителям феодальной знати.

О чем говорят эти факты и примеры, приведенные выше? Они говорят о том, что под влиянием колониальной политики царизма в социально-экономической жизни кыргызов происходят определенные изменения, в частности, в жизнь общества проникают некоторые элементы товарно-денежных и капиталистических отношений, и в соответствии с этим, меняются и формы эксплуатации. Но эти изменения, в частности переход от феодальной формы эксплуатации к капиталистической, не были еще типичными явлениями. В своей основе у кыргызов были по-прежнему докапиталистические отношения, а в отдельных районах, особенно в кочевых, т.е. в северных районах, патриархально-родовые отношения продолжали оставаться господствующими.

В этих условиях царская власть, учитывая интересы местной байско-феодальной знати, которые станут им верной опорой, сделала все, чтобы сохранить существующие патриархально-феодальные отношения и умело приспособливала их к новым условиям. Используя все формы экономического принуждения и патриархально-родовые обычаи, колониальные власти вкупе с баями и манапами эксплуатировали букару и батраков, доводили их до полного обнищания. Их экономическое положение становилось крайне тяжелым.

Из колониального прошлого Киргизии
(С картины С.А. Чуйкова 1932-1934гг.)

Таким образом, огромная масса мелких дехканских хозяйств и вся аильная беднота, задавленная постоянной нуждой, должна была неминуемо подняться на открытую борьбу против жестокой эксплуатации, против всех угнетателей, и прежде всего, против царских колонизаторов. Иначе говоря, стихийно назревало пламя будущего народного восстания.

Источники и литература:

1. Данный вопрос подробно освещен в работе академика Б.Д. Джамгерчинова - Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963.
2. Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962.- с.48.
3. Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе. 1967.- с.124
4. Усенбаев К. Указанная работа. – с.83-84.
5. Усенбаев К. Указанная работа. – с.86.
6. Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину. Фрунзе, 1991.- с.240.
7. Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе. 1967.- с.20.
8. Абдрахманов Ю. Указанная работа. - с. 237-238.

2. Коррупционно-русификаторская политика царизма и ее влияние на жизнь кыргызов

Вся система управления в Туркестане, в том числе и в Кыргызстане, имела ярко выраженный военно-колониальный характер. Все бразды управления в областях и уездах сосредоточивались в руках военно-полицейской колониальной администрации. Поэтому во всех национальных районах стояли царские военные гарнизоны, готовые в любое время подавить невооруженное местное население за их робкие попытки защитить свои национальные интересы.

Царская власть и ее чиновники прекрасно понимали, что проводя колониальную политику на местах нельзя опираться только на вооруженную силу, но и нужно было опираться на феодальную знать - местных баев и манапов. Поэтому колонизаторы принимали все меры, чтобы эти верхушки стали их социальной опорой. Именно с этой целью, как уже отмечалось, были созданы на местах так называемые «туземные администрации»: волостные управления, сельские старшины; судебные учреждения: казыйские суды, суды биев и прочие. *Эти местные власти, состоящие из представителей верхних слоев коренного населения, стали фактически царскими чиновниками и вся политика царизма на местах проводилась через них.* Но все же их политическое право было очень ограничено (они не могли претендовать на службу в более высоких государственных учреждениях). Они имели право занимать должность лишь на уровне местной власти и стать во главе волостей, айлов и сельских общин, а также стать бием, казы и т.д.

Должность волостного управителя, бия и казы считалась выборной. Однако «выборы» носили чисто формальный характер. Народные массы фактически не имели избирательного права и не могли принимать участия в выборах. Каждые пятьдесят кибиток или дворов выбирали

«элүү башы» - пятидесятника-выборщика. «Элүү башы» могли быть только манапы или другие влиятельные лица. Пятидесятники избирали волостных управителей («болушов») и биев сроком на три года.

При выборах в качестве представителя царской власти присутствовал участковый пристав, от которого зависела судьба кандидатов на должность волостного управителя – «болуша» и бия. Избранные волостные управители и бии утверждались начальником уезда.

Выборы, как правило, проходили в условиях острой борьбы между представителями феодальной знати, претендовавшие на должность волостного управителя – болуша, бия и казья. Каждый из них выдавал себя за защитника интересов своих сородичей, т.е. борьба за власть между кандидатами носила патриархально-родовую окраску. Но ее социальная сущность не менялась. Для достижения своих целей кандидаты не пренебрегали ничем. Они использовали всевозможные махинации, шантаж, запугивающие население, а также насилие, подкуп пятидесятников-выборщиков и царских чиновников. Часто предвыборная борьба имела кровавый исход, нередко заканчивалась даже убийством.

Во время выборов процветала коррупция - подкуп влиятельных лиц, в частности участковых приставов, уездных начальников, иногда и военных губернаторов областей, которые были непрочь обогатиться.

Волостных управителей, биев и казиев выбирали, вернее назначали только тех, кто давал большие взятки представителям колониальной власти. Так, например, в 1914 г. в Пишпекском уезде в период выборной кампании посредством подкупов и взяток, как отмечал К.Усенбаев, под давлением Пишпекского уездного начальника волостными управителями были «выбраны»: в Талкановской волости Ашир Узбеков, в Джамансартовской – Дардаил Абдулин, в Сусамырской – Туркмен Сарыпбеков, в Сокулукской – Асанкул Чолпонкулов, в

Атаке-Сарбагышевской – Кемел Шабданов – крупные манапы, отличившиеся своими подношениями высокопоставленным царским чиновникам¹.

Манап, заняв пост волостного управителя и став болушом, собирал у подвластных ему людей, прежде всего у трудящихся, средства, значительно превышающие затраченные им средства на выборах. Так, в 1909 году, сын известного манапа Шабдан Батыра – Самудин, став болушом, управителем Атаке-Сарбагышевской волости, под предлогом возмещения средств, израсходованных во время выборов, взыскал с населения: лошадей - 778, верблюдов - 57, баранов - 36, кошмы - 30 штук и 1255 руб².

Таким образом, система выборов способствовала разорению и обнищанию трудовых масс и обогащению представителей колониальной власти и их чиновников из числа местных феодалов. Однако из этого нельзя делать вывод, что трудящихся эксплуатировали, угнетали только волостные управители и другие царские чиновники на местах. Такие крупные манапы Пишпекского уезда, как Чолпонкул Тыналин, Дюр Соронбаев, Шабдан Джантаев, Кокумбай Чыныев (близкий родственник Анары Мамырбаевой - тещи автора данной работы Исаева Н.), Курман Лепесов, Чойбек Дыйканбаев и такие знатные люди Кунгей-Аксуйской волости Пржевальского уезда, как Молтой аке Касым уулу, Оторбай Абир уулу – оба из рода Калматай, Муса Молдо Атабек уулу (родной брат моего отца – Ыса Атабек уулу), из рода Олжобай – Чон-Чарык, Садыр аке из рода Кожояр, а также Кыдыр аке из юго-востока Иссык-Кульской котловины и многие другие не занимали официальных должностей, однако они были настолько авторитетными и могущественными, что волостные управители находились под их влиянием и всегда выполняли их волю. Эти влиятельные манапы, в сущности, правили народом безконтрольно через своих ставленников, всецело

обязанные им своим избранием на определенные должности в местной администрации.

Говоря об эксплуатации трудящихся местными царскими чиновниками, нельзя забывать о биях и казиях, в руках которых находилась местная судебная власть. Как уже отмечалось, выборы биев и казиев проводились одновременно с выборами волостных управителей, одними и теми же избирателями на тот же срок и в том же порядке. Биями и казиями могли стать только состоятельные люди. Биев избирали кочевые и полукочевые хозяйства, а казиев – только оседлые. Разница между ними заключалась в том, что бии в судебном производстве руководствовались адатом – обычным правом, а казии – шариатом (Кораном). Но и те и другие выражали прежде всего интересы феодалов и были послушным орудием колониальных властей.

Судебный процесс велся с учетом социального и имущественного положения сторон. При разборе дел и бии, и казии исходили из интересов господствующих классов. Обиженный и пострадавший трудящийся не находил у них защиты. Здесь уместно привести слова В.Воронкова, одного из дореволюционных исследователей деятельности судебных органов Кыргызстана, который отмечал: «В киргизском народном суде бедняк никогда не может найти защиту своих интересов и добыть себе правосудия, так как все судьи, будучи или из манапов или их ставленников, находятся не только под влиянием манапов, но все дела, как уголовные, так и гражданские, решаются по их указанию...»³.

Некоторый анализ деятельности судебных органов Кыргызстана в период колониального гнета дает повод сказать несколько слов о судебной системе сегодняшнего Кыргызстана, в период суверенного и демократического его развития. Если говорить откровенно, то с полным основанием можно говорить, что в этой сфере власти мало что изменилось. Например, в прежних условиях все судьи, как мы уже видели,

будучи ставленниками манапов, все судебные дела решали по указанию этих манапов. То же самое происходило и происходит сейчас в современном Кыргызстане. Потому что, как в период управления президента Акаева (1993-2005 г.г.), так и в период управления президента Бакиева (2005-2010 г.г.), судей назначали и снимали сами президенты. По этой причине все судьи, будучи их ставленниками, все виды уголовных дел решали по их прямому указанию. Возникает вопрос, почему в условиях демократического развития в судебной сфере ничего не изменилось?

Дело в том, что в основе деятельности судебных органов Кыргызстана, как в условиях колониального периода, так и в сегодняшних условиях – в условиях так называемого свободного демократического развития, укоренилась сильно развитая и процветающая коррупция. Поэтому, вопиющая несправедливость в деятельности судебных органах как колониального периода, так и сегодняшнего периода по отношению к трудовому народу, не могла не вызывать недоверие и даже ненависть у них к судебным органам. Недоверие простых граждан страны стало настолько велико, что нынешняя власть Кыргызстана вынуждена была объявить и начала осуществлять реформы в судебной системе. Но результатов пока не видно.

А в прошлом, в период колониализма, подсудимые рядовые кыргызы, не доверяя биям и казиям, часто обращались к царским чиновникам с просьбой рассмотреть их дела в судебных органах, призванных обслуживать русское население. Так, в прошении жителей аила №7 Узунгырской волости Пишпекского уезда от 20 сентября 1910 г. отмечается, что «в наших судах нет никакой правды, а тем более при данных наших обстоятельствах, где нет никакой пощады, хотя мы правы... От суда не отказываемся, но лишь только судил нас русский суд, а не наш»⁴. Подобные просьбы трудящихся не удовлетворялись администрацией колониальных властей,

старавшиеся не обидеть биев и казиев, которые верно служили ей. Трудовые массы напрасно искали справедливости в судебных органах царских колонизаторов.

Таким образом, на основе вышеприведенных примеров и фактов можно сделать вывод: вся система колониальной власти, в том числе судебная и их органы, должны были стать и стали одним из основных источников обогащения царских колонизаторов и местных феодалов и средством эксплуатации трудящихся масс. И на этой основе во всех районах Туркестана, в том числе и в Кыргызстане, созревали все необходимые предпосылки освободительного движения народных масс в области социально-политической жизни.

Царская Россия, как известно, в результате завоевательной политики в течении XVI-XIX вв. превратилась в огромное многонациональное государство, состоящее из десятков разноязычных народностей и национальных групп. Отличие России от большинства западных колониальных держав состояло в том, что в ней метрополия и национальные районы и колонии составляли одно географическое целое, не были разделены труднопреодолимыми природными преградами. Поэтому, в условиях России облегчалось и ускорялось общение, взаимопроникновение народов метрополии, национальных окраин и колоний. А в условиях западных колониальных держав отдаленность колоний от метрополий сильно затрудняла, замедляла этот процесс. В России же, ввиду целостности страны, из центральных его губерний в национальные окраины переселялись миллионы крестьян – русских, украинцев, белорусов – страдавших от безземелья. Они шли в Сибирь, на Кавказ, Забайкалье, Дальний Восток, в Среднюю Азию и Казахстан, в том числе Кыргызстан и другие национальные районы страны.

Царизм подвергал завоеванные народы жестокому национальному и колониальному гнету, особенно бесчеловечному гнету подвергались народы национальных

окраин. В связи с этим, здесь уместно привести слова В.И.Ленина, который, изучив и анализирував экономические и политические положения народов национальных окраин, отмечал: «Нигде в мире не было такого угнетения большинства населения страны, как в России: великороссы составляют только 43% населения страны, т.е. менее половины, и все остальные бесправны, как инородцы. Из 170 миллионов населения России около 100 миллионов угнетены и бесправны»⁵.

Царизм десятилетиями и столетиями проводил великодержавно-шовинистическую политику по отношению к угнетенным народам, поэтому царская Россия не случайно называлась «тюрьмой народов». Царская Россия, где 57% населения составляли нерусские народности, что делало межнациональные отношения в ней очень сложными. Отсутствие элементарных демократических свобод, экономическое и политическое закабаление угнетенных и зависимых народов, лишение их условий для культурного развития, разжигание межнациональной розни, кровавые погромы – все это были неотъемлемой частью реакционной внутренней политики господствовавших классов Российской империи. Такая политика, направленная на сохранение царского режима, в конечном счете, вела к экономическому застою страны, к угнетению и усилению эксплуатации самого русского народа. Все нерусские национальности царизмом именовались презрительной кличкой «инородцы», «туземцы». Их не считали за людей и нещадно эксплуатировали. То же самое можно сказать и по отношению к народам Средней Азии и Казахстана. Народы этого края лишались даже собственного национального имени. Узбеков и уйгуров называли «сартами», кыргызов пренебрежительно именовали «кара-киргизами» или «ди́кокаменным» народом, а казахов – «киргизами». В этой связи видный общественный и политический деятель Казахстана Д.А.Кунаев в свое время отмечал: «Дикие законы и

обычаи унижали достоинства народа, сковывали его творческие силы и духовные возможности. Все, что было органически связано со старым миром насилия и зла, тормозило экономическое, социальное и культурное развитие казахского народа, у которого царизм отобрал даже имя»⁶.

Колониальная, в частности национально-шовинистическая политика царского правительства нашла свое яркое проявление в секретном циркулярном распоряжении Туркестанского генерал-губернатора от 31 октября 1911 г., где прямо сказано: «Быть всегда особо твердым в сношениях с туземцами, помня, что *всегда и во всем русское имя и русские интересы должны главенствовать...* У нас на первом плане *должны быть казаки* и с ним крестьяне и мещане, а на втором плане – *туземцы...* В программу нашей всей служебной работы следует положить тот простой взгляд, что *мы живем не в Азии*, где русский элемент еще слаб и лишь начинает водворяться, а в русской области, где временно еще доживают старые азиатские обычаи и нравы, судьба коих может быть только одна: или слиться с общеимперской гражданственностью, или исчезнуть. Туземцы нас должны интересовать только как материал, из коего в близком будущем должны выработаться обычные русские крестьяне, хотя и мусульманского вероисповедования. Поэтому их надо ввести в дух строжайшего уважения ко всему русскому. Те из них, кто вздумает этому не подчиниться, испытают, несомненно, печальную судьбу: они или останутся безземельными нищими и перемерут, или Россия с ними расстанется»⁷.

Следует сказать, что унижения коренного населения и издевательства над ним носили повсеместный характер и стали системой колониального правления. Они порождались и обуславливались природой колониальной власти. Царские колонизаторы, пытаясь сломить свободолюбивый дух кыргызского и других народов Туркестанского края, не останавливались и перед физической расправой. Один из

видных буржуазных исследователей Г.Гинс, побывавший во многих районах Семиреченской области, отмечал враждебное отношение русских крестьян-кулаков к коренному трудовому населению. Он писал: «Русские крестьяне часто относятся к последним с презрением. Это презрение доходит иногда до полного отрицания в киргизах человеческой личности. Бывают на этой почве случаи бесчеловечной и бессмысленной жестокости. Крестьяне безжалостно убивают киргизов и не чувствуют угрызений совести... Бывает и хуже. Мужик работает в саду, видит, что через забор тянется к яблоне киргиз, берет ружье и убивает киргиза наповал... Даже не тронется с места, чтобы подобрать убитого. С таким убийцей мне пришлось однажды встретиться»⁸. «Приведенная выдержка характеризует подлинное лицо мироеда-переселенца» - отмечает К.Усенбаев.

Здесь можно привести и другой пример, как царские чиновники-колонизаторы унижали коренных жителей и без угрызений совести шли на все, даже до оскорбления семьи простых людей, их детей и девушек. Об этом свидетельствует деятельность и поведение начальника Копальского уезда Семиреченской области Петрова, чем он занимался в период выборов. Все это очень ярко отмечено в показаниях известного инженера Тынышпаева, данное по требованию прокурора Верненского окружного суда (показания снимались 6-24 февраля 1917г.).

В своем показании он отмечал: «В 1897 или 1898 гг. на выборах в Копальском уезде уездный начальник Петров приказал доставить молоденьких девочек-киргизок. Приказание было исполнено, одна из девочек не выдержала мучений и умерла, другая после долгой болезни выздоровела. Циничное и хвастливое письмо Петрова по этому поводу к одному приятелю в Верном, благодаря покойному Тудыбеку Сыртанову, получило широкую огласку и, насколько помнится, было следствие, но стараниями чиновника особых поручений

Пантусова дело было замято»⁹. О чем все это говорит?! Это говорит о том, что народ стал понимать, какие люди находятся во главе уездов и какие люди сидят в уездных управлениях и чем они занимаются. И этих фактов было уже достаточно, чтобы народным массам поднять восстание против колонизаторов.

Большинство населения в царской России, как уже отмечалось, примерно 57% составляли нерусские народности, лишенные элементарных политических прав. Они не пользовались даже свободой родного языка, их насильственно русифицировали. Русификаторская политика активно и настойчиво проводилась и в Туркестане, и в Кыргызстане, как и в других колониях России.

Царизм сделал все, что было в его силах, чтобы задержать культурный рост народов Туркестана, в том числе и кыргызов. Здесь интересы царизма были направлены в поддержании невежества среди населения, ибо темный народ легче держать в подчинении, чем просвещенный. Если делались какие-либо попытки насаждения школы, просвещения, то они были направлены по линии обрусения.

Существовавшие школы были сосредоточены в городах и селениях, исключительно с русским населением. Были и некоторые русско-туземные школы. В начальный период в эти школы принимались или посылались дети нищих слоев населения, зачастую круглые сироты, за судьбы которых никто не отвечал. Позже положение изменилось, в них стали обучаться главным образом, дети манапов, баев и торговцев, которые срослись с местной царской администрацией и имели возможность дать взятку. Целевая установка этих школ – подготовка переводчиков – будущих русификаторов. Став таковыми, они не отставали в грабеже кыргызского населения от своих учителей – царских чиновников-колонизаторов.

Русификаторская политика царизма в Туркестане нашла свое отражение во многих архивных документах и работах

некоторых дореволюционных авторов. Так, О.Шкапский писал: «Деятели переселенческой политики взглянули на переселение крестьян не как на акт аграрной политики в целях развития производительных сил окраин, а как на акт стремления сделать Туркестан русским не только по принадлежности его России, но и по составу населения. В обрусении края эти деятели считают осуществление задачи прочного присоединения Туркестана к империи»¹⁰.

Русификаторская политика активно проводилась через русско-туземные школы, гимназии и другие учебные заведения и одновременно запрещались национальные языки. Делопроизводство и переписки во всех учреждениях, даже в волостных и других низовых административных управлениях велись только на русском языке, непонятном тогда широким народным массам.

Царизм, чтобы не дать объединиться угнетенным народам, сознательно сеял национальную вражду, разжигал взаимное недоверие между русским и другими народами, натравливал русский народ на коренное население. Преследуя свои колониальные интересы, царские чиновники часто распространяли слухи о том, что коренное население якобы собирается напасть на русских и изгнать их. Пользуясь этими слухами, администрация Туркестанского генерал-губернаторства усиленно вооружала русских переселенцев и пыталась настроить их против коренных жителей. В 1912 г. в вооружении у русских переселенцев находилось по Семиреченской области – 15 282 винтовок, 1 568 200 патронов и 1 025 шашек, а всего по Туркестанскому краю - 31 401 винтовок, 2 812 935 патронов и 6 100 шашек¹¹. В это же время колониальные власти стали разоружать коренное население. Туркестанский генерал-губернатор в телеграмме от 25 июля 1916 г. от Семиреченского военного губернатора требовал: «...Пересмотреть списки туземцев, коим выдано разрешение на приобретение холодного и огнестрельного оружия. Оружие

должно быть немедленно отобрано у всех туземцев кроме должностных лиц»¹². Подобное распоряжение было дано всем другим областным военным губернаторам.

Царские чиновники, осуществляя колониальную политику, политику грабежа, часто использовали народные традиции коренных жителей. Например, одним из лучших традиций кыргызского народа является гостеприимство. Этой народной традицией злоупотребляли царские чиновники и колонизаторы. Царские чиновники, как мелкие, так и крупные, довольно часто совершали поездки по аилам коренных жителей. Каждой поездке этих чиновников предшествовала большая подготовительная работа. Прием этих гостей был связан с большими хлопотами: нужно было разравнивать и полить дорогу на всем пути следования ожидаемых гостей, заготовить топливо, собрать денег и баранов, выделить людей для обслуживания и т.п. Высокопоставленных гостей, начиная от генерал-губернатора, военных губернаторов до уездных начальников и других должностных лиц, сопровождала целая свита из джигитов, стражников, а также мелких и средних царских чиновников. Заранее, в местах предполагаемых остановок, ставились самые лучшие белоснежные юрты, готовилось обильное угощение и вся эта компания пьянствовала целую неделю. Чиновники колониальной власти, как отмечает Г.И.Бройдо в своих показаниях, всюду чувствовали себя хозяевами положения. Так, токмакский участковый пристав Кутуков, находясь в гостях у коренного населения в Кемине, посылал киргизов в Верный то за коробкой сардинок, то за пивом и т.п.¹³.

В приеме и угощении царских чиновников были заинтересованы представители местной феодальной знати, в частности, волостные управители, айльные старшины и т.п. Это им давало возможность с одной стороны укрепить свои социальные позиции и заручиться поддержкой высокопоставленных лиц, а с другой - они извлекали для себя

немалую материальную выгоду. Для покрытия расходов на угощение гостей волостные управители и айльные старшины собирали средства со всего населения, что способствовало разорению и обнищанию трудящихся.

Одним из обычных и широко распространенных явлений в царской России и ее колониальной системы являлось взяточничество и подкуп должностных лиц. Колониальные власти не отличались особой чистоплотностью по части взяток. Взятки брали все: начиная от военных губернаторов областей и кончая участковыми стражниками и переводчиками уездного управления. Без них не обходились и местные должностные лица - волостные управители, айльные старшины, все баи и манапы, словом, взятка являлась одним из связующих звеньев между киргизской феодальной знатью и царскими чиновниками.

Существовали разные формы и методы получения взяток. Одни брали взятки открыто, другие проявляли определенную осторожность. Например, Пржевальский уездный начальник Иванов через доверенных представителей киргизской феодальной знати в долг брал у туземцев очень много, сколько именно определить трудно, и он фактически был должен почти всем влиятельным и богатым манапам. Иванов никогда не возвращал долг. А если кто-нибудь напоминал ему о долге, то последнему приходилось глубоко и долго сожалеть об этом. Как указано в одной из жалоб коренных жителей от 15 января 1916 г., Иванов возвращался из каждой поездки по кыргызским аилам не менее чем с 20 тыс. рублями в кармане ¹⁴.

Многие царские чиновники брали взятки открыто, причем не только деньгами, но и натурой. Так, Токмакский участковый пристав Ильин, как указывается в жалобе от населения Токмакского участка от 12 ноября 1908 г., брал у коренных жителей лошадей, овец, деньги, пушнину, ковры, дрова, сено и т.п. Вот далеко не полный перечень того, что он взял у подвластных ему лиц: у Исмаила - 22 ягненка и 100 руб.,

Кондубая Утегенова – одну лошадь и 100 руб., Мухомедходжи Тугалака Ходжаева – 200 снопов клевера и 200 снопов курая, Чалинова – одну корову с телянком и 200 руб., Кадыралы Калкина – 25 ягнят, несколько бричек дров и дойную корову с телянком, Султана Далбаева – 6 куниц и 100 руб., Кемеля Шабданова – 500 руб., Каната Абукина – 150 руб. и т.д. Этот же Ильин от населения Нарынского участка, где он раньше исполнял должность пристава, получил более 5000 рублей, свыше 100 лошадей и около 300 шкур барса, волка, куницы и лисицы¹⁵.

Взятничеством занимались и чиновники карательных и следственных органов, особенно судьи. Так, Токмакский мировой судья Шустов, превратил взятки в один из основных источников дохода. Взятки вручались ему через его сподручных, как из числа царских колонизаторов, так и из числа представителей местной феодальной знати. В погоне за взятками Шустов дошел до того, что обвинял в преступлениях невиновных, сажал их в тюрьмы, а затем, подержав некоторое время за решеткой, запугивая судом, вымогал взятки.

Взятки брали стражники и переводчики. Самый мелкий чин – это стражник, переводчик и т.д. Но все они стали состоятельными людьми. Благосостояние этих людей, главным образом, было основано на сплошном взяточничестве. Стражники часто составляли фиктивные акты и тем самым, заставляли местных жителей давать им взятки. В противном случае дыйкане подвергались большим штрафам, а иногда привлекались и к уголовной ответственности.

Что касается переводчиков, то они предлагали свои услуги представителям коренного населения, которым по тем или иным делам приходилось обращаться к царским должностным лицам. Переводчики обещали быть посредниками, оказывать содействие и помощь в решении дел, за что брали взятки. Например, переводчик Т.Серикбаев только в 1910 г. в виде

взятки с коренного населения получил более 3 тыс. рублей, 13 лошадей и т.п.¹⁶.

Взятки царским должностным лицам давали не только рядовые кыргызы, но и представители местной власти. Однако они, особенно волостные управители и айильные старшины, возмещали все свои расходы, собирая с подвластного им населения «чыгым» и другие виды платежей. Произвол, насилие, вымогательство и взяточничество представителей колониальной власти и местной феодальной знати вынуждали рядовых кыргызов обращаться к высокопоставленным царским сановникам с жалобами, в которых разоблачались должностные лица, злоупотреблявшие служебным положением. Но, как и следовало ожидать, царские власти бюрократически относились к этим жалобам. И эти жалобы во многих случаях направлялись тем же должностным лицам, на которых были написаны эти жалобы. В таких случаях лица, подавшие жалобы, подвергались, разумеется, жестоким преследованиям и подвергались наказанию. Так, рядовой киргиз Байзак Мурзин был избит и взят под арест на несколько дней приставом Ат-Башинского участка за то, что написал жалобу на него военному губернатору Семиреченской области. Пристав наложил на Мурзина штраф 37 рублей и взыскал его в свою пользу¹⁷.

Местные должностные лица, подкупая высокопоставленных представителей колониальной власти и, заручаясь их поддержкой, творили произвол и бесчинства. Об этом говорится в многочисленных жалобах населения, где разоблачались должностные лица, злоупотребившие служебным положением. Взятки и подкуп, порожденные самой природой управленческой системой колониального Туркестана, были обычным и широко распространенным явлением. Это признавали даже некоторые царские чиновники. А некоторые из них вынуждены были прямо и открыто говорить о действительном положении дел. Например,

сотрудник мирового судьи третьего участка Пржевальского уезда В.Руновский в своем показании от 27 января 1917 г. отмечал: «К причинам бунта киргиз (т.е. причиной восстания 1916 г. – Н.И.) я отношу малоземелие, и систематическое взяточничество местной администрации, начиная с денщика и кончая уездным начальником, на что мне неоднократно жаловались киргизы»¹⁸. Туркестанский генерал-губернатор также признавал эти факты и 23 июня 1916 г. в своем дневнике записал: «Низшая администрация берет взятки. Народ в кабале»¹⁹. Однако он сознательно умалчивает о том, что занимались этим делом и высшие, и средние чины царской администрации.

Таким образом, произвол и насилие, вымогательство и взяточничество царских чиновников и местных должностных лиц еще больше углубили противоречия между угнетателями и угнетаемыми, между колонизаторами и коренными жителями. Следовательно, активная борьба народных масс против колониальных властей, против местной феодальной знати, которые служили царизму, назревала не только с каждым днем, но и с каждым часом.

Источники и литература:

1. Подробно об этом см. Усенбаев К. Указанная работа.- с.33-34,35.
2. Усенбаев К. Указанная работа.- с.35.
3. Воронков В. К вопросу о поземельном устройстве туземного киргизского населения Семиреченской области. «Семиреченские областные ведомости», 1908, №27.
4. ЦГА Республики Казахстан, ф.44, оп.2, д.8650, л.12-13; Усенбаев К. Указанная работа.- с.38.
5. Ленин В.И. ПСС т.26.- с.318.
6. Кунаев Д.А. Советский Казахстан, М. 1982.- с.
7. Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907-1914 гг. Сборник документов и материалов, составленных Ф.Н.Киреевым и др. Алма-Ата, 1957.-с.361; см. также Усенбаев К. Указанная работа, с.90.
8. Гинс Г.Г. В киргизских аулах (очерки из поездки по Семиречью). «Исторический вестник», 1913, №10.-с.331(Цитировано по работе Усенбаева К., Указанная работа.- с.90).

9.См.Восстание 1916 года в Киргизстане. Документы и материалы.М,1937.- с.135 (Тынышпаев – выходец из казахской байской семьи,в 1900 году окончил Верненскую гимназию,в 1906 году окончил Петроградский институт инженеров путей сообщения, в 1907 году избран членом Гос. Думы;он один из лидеров контрреволюционной организации казахского байства «Алаш Орды», был комиссаром Временного правительства и членом правительства буржуазной Кокандской автономии в Туркестане в 1917-1918 гг. См.Восстание 1916 года в Киргизстане. Документы и материалы.- с.132,166, примечание 18).

10.Шкапский О. Прошлое и настоящее Туркестана. «Вестник Европы», 1915,№6.-с.142(Цитировано по работе Усенбаева К.,Указанная работа.-с.91).

11. Данный вопрос подробно рассмотрен в работе Галузо П.Г. Вооружение русских переселенцев в Средней Азии (исторический очерк). Ташкент,1926.- с.69; см. Усенбаев К. Указанная работа.-с.91.

12. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб.документов.- с.39 (док.№18).

13.Бройдо Г.И. Материалы к истории восстания киргиз в 1916 г. «Новый восток». 1924, №6.- с.418.

14. См. Усенбаев К. Указанная работа.- с.99.

15. См. Усенбаев К. Указанная работа.- с.100.

16. См. Усенбаев К. Там же.- с.102.

17.Более подробно об этих и других фактах см.Усенбаев К. Указанная работа.- с.102-103,104.

18.ЦГА Кыргызской Республики, ф.75, оп.1, д.2, л.58;

19. Восстание 1916 года в Средней Азии. «Красный архив», 1929, №3(34).- с.46.

3. Аграрно-переселенческая политика царизма – одна из главных причин восстания 1916 года

В кочевых и полукочевых районах Туркестана, заселенных главным образом кыргызами и казахами, царизм проводил усиленную деятельность по линии земельной колонизации, т.е. по захвату земли коренного населения.

Важную роль в осуществлении земельной колонизации в крае сыграла переселенческая политика царского правитель-

ства. Эта политика и стала одной из социально-экономических причин восстания 1916 г.

Поэтому, прежде чем рассматривать вопрос о последствиях переселения, как одной из причин восстания 1916 г., очевидно, нам следует дать хотя бы краткий обзор об истории возникновения крестьянского переселения в крае и в Кыргызстане.

Переселение русских крестьян в Центральную Азию, которое началось еще с конца 60-х гг. XIX века, было вызвано целым рядом социально-экономических причин, связанных с процессом развития российского капитализма.

Хотя развитие капитализма после отмены крепостного права (1861г.) шло в России довольно быстро, но все же к концу XIX и началу XX вв. Россия продолжала оставаться страной аграрной, отсталой в экономическом отношении по сравнению с другими капиталистическими странами. В стране большинство населения было занято сельским хозяйством.

Помещикам в России по-прежнему принадлежали огромные земельные богатства и власть. Первым и самым крупным помещиком являлся сам царь. В одной только царской семье было в Европейской части России 7 миллионов десятин земли. Это было больше, чем у полумиллиона крестьянских семей. В 70-80х годах из общего количества 91,5 миллиона десятин частновладельческих земель дворянам-помещикам принадлежало 73 миллиона десятин¹. Отсюда ясно, что крупное помещичье землевладение явилось основой полукрепостнической эксплуатации. Помещики по-прежнему продолжали грабить и угнетать крестьянские массы (высокая арендная плата, выкупные земельные платежи, отработки, штрафы и т.п.). Под влиянием капитализма шел процесс разложения крестьянства: выделялись кулаки (сельская буржуазия) и беднота (деревенские пролетарии и полупролетарии).

Поскольку отмена крепостного права не обеспечила крестьян землей, в центральных губерниях России обострился аграрный вопрос и усилилась борьба русских крестьян за землю. В этих условиях, особенно после революции 1905 г., царское правительство рассматривало переселение крестьян на Восток как одно из средств предотвращения крестьянских волнений в Центральной России.

Переселенческий вопрос в России являлся подчиненным по отношению к аграрному вопросу в центре страны. И только полное устранение остатков крепостничества – конфискация и раздача помещичьих земель крестьянам, позволило бы решить аграрную проблему. Однако, царское правительство, защищая интересы помещиков и кулаков, пыталось решить аграрный вопрос в стране, проводя переселенческую политику на окраинах.

Суть решения аграрного вопроса состояла в том, что царизм пытался решить вопрос о земле по-новому, решить так, чтобы дать землю не всем крестьянам и не за счет помещиков, а за счет земель, захваченных в национальных районах. Иначе говоря, царизм пытался приспособиться к капиталистическому развитию России и создать себе опору в лице деревенской буржуазии, кулаков как в центре России, так и в национальных окраинах. Это нашло свое яркое выражение в аграрной политике главы царского правительства Столыпина, закрепленной в указе от 9 ноября 1906 г. и в Законе от 14 июня 1910 г. (указ 9 ноября 1906г., основной документ реформы рассматривался более 3 лет, и был принят как закон только 14 июня 1910г.). Эти новые царские аграрные законы в истории, как известно, получили название «Столыпинщины».

Как относились современные российские ученые к аграрным реформам Столыпина?

Современные российские историки, хотя у них не было единого мнения, в целом склонны положительно относиться к реформам Столыпина и, в особенности, к аграрной реформе.

Основными направлениями реформы, по их мнению, были передача надельных земель в собственность крестьян, постепенное упразднение сельской общины как коллективного собственника земель, широкое кредитование крестьян, скупка помещичьих земель для перепродажи крестьянам на льготных условиях. В то же время они указывали и на то, что реформы не были осуществлены полностью. Сам Столыпин утверждал, что ему нужно двадцатилетнего мирного внутреннего и внешнего развития, чтобы были осуществлены все задуманные им реформы. Война и революция не дали осуществиться этим реформам.

Таковы вкратце суждения современных русских историков о столыпинских реформах². Но они ничего не говорят о попытках царизма решить аграрный вопрос за счет земель, захваченных в национальных окраинах, в частности, за счет земель коренных народов Средней Азии и Казахстана, как отмечалось это выше. Вместо этого они лишь вскользь говорят, что «Столыпин выступал за поощрение переселений крестьян из Центра в Сибирь и на другие неосвоенные земли³. То же самое говорится и в другой работе о том, что «Столыпин в 1910 г. предложил переселить безземельных крестьян в Сибирь, где пустовали аграрные территории»⁴.

Новая аграрная политика царизма, разработанная Столыпиным, предусматривала выселение как можно большего числа крестьян из районов «земельной тесноты» и на этой основе ослабления крестьянских движений против помещиков. В этом состояла главная суть политики переселения крестьян на Восток – в национальные окраины. На переселение крестьян царское правительство возлагало большие надежды. Оно призвано было, по мысли столыпинцев, если не разрешить радикально, то по крайней мере, значительно притупить и обезвредить аграрный кризис. Но переселение крестьян могло бы иметь большое значение для России, если бы оно было осуществлено при наличии

свободных земель на восточных окраинах страны, годных для переселения. Следует отметить, что именно это обязательное условие не выполнялось тогда царским правительством. Никаких заранее подготовленных удобных или свободных земель не было, а царская власть и не заботилась их готовить.

Вместо освоения действительно свободных земель, требующих значительных сил и средств, царизм направил свои усилия для захвата земель коренного населения окраин. И здесь, важно отметить, как и когда начался этот захват и переселение крестьян из России?

Переселение крестьян в Туркестан, в частности, в ее кочевые и полукочевые районы началось, как отмечалось выше, с конца 60-х гг. XIX-го столетия. Вначале оно было стихийным. Переселенческое движение то увеличивалось, то уменьшалось в зависимости от положения в центре России и изменения аграрной политики царизма. Главным вопросом в переселении крестьян являлось создание переселенческого земельного фонда, который создавался путем захвата обжитых земель у коренного населения.

Насильственная переселенческая политика царского правительства получила свое отражение открыто в таких документах, как «Степное положение», утвержденное в 1891 г. и принятое позже «Туркестанского положения». Согласно статьям «Степного положения»(119, 120) и «Туркестанского положения» (270, 279) все земли кочевников, в отличие от оседлых районов, были объявлены государственной собственностью. В сущности эта политика противоречила жизненным интересам народных масс и была направлена на удовлетворение потребностей колонизаторов. Поэтому царское правительство направило все свои усилия на захват готовых и обработанных земель коренного населения на окраинах.

В целях быстрого заселения Туркестанского края русскими крестьянами и образования здесь помещичье-кулацких

хозяйств, царское правительство установило большой земельный надел. Так, еще в 1869 г., когда началось переселение, Туркестанским генерал-губернатором был определен земельный надел в 30 десятин (1дес.=1,2га) на каждую мужскую душу. Кроме этого, переселенческим хозяйствам в то время предоставляли определенные льготы, давали ссуды, оказывая помощь, словом, создавали необходимые условия для возникновения крепких переселенческих хозяйств, на которые можно было бы опереться царизму в проведении колониальной политики. Но, по мере сокращения площадей, так называемых излишних земель, и увеличения числа переселенцев, царское правительство в дальнейшем уменьшило размеры земельного надела.

В составе царской России Туркестан, в т.ч. Кыргызстан, как национальные окраины, запечатлел в себе все специфические признаки типичных колоний и представлял собой, с одной стороны, как обширный объект рынка сбыта продуктов промышленности и источника сырья, а с другой - использовался как объект для решения задачи аграрной колонизации – задачи переселенческой политики.

Следует отметить, что после того как царизму удалось разгромить Кокандское ханство, захватить наиболее важные экономические и стратегические центры Туркестанского края, одной из целей царизма было – захват кыргызских земель для образования первых русских переселенческих поселков.

Таким образом, аграрная колонизация Туркестанского края началась с колонизации кыргызских территорий, не случайно, первые русские поселки были образованы на землях, отнятых у кыргызов. Так, в 1874 г. было образовано первое русское селение – Кара-Балта, ставшее в годы Советской власти центром Калининского района, а в последующие три года до 1877 г. возникли еще три поселка, и снова на кыргызских землях – Чалдовар, Дмитриевское (Талас) и Михайловка. А

через пять лет были образованы в Таласе четыре немецких поселка: Николайполе (Ленинполь, ныне Бакай-Ата), Романовка, Андреевка и Владимировка. Кыргызы южных районов тоже были первоприемниками русских переселенцев. Первый русский поселок Покровский был организован в 1893 г. в урочище Куршаб. Наибольшее скопление переселенцев в Фергане было в Кугартской долине Джалал-Абадского района⁵.

Все дальнейшие процессы колонизации края так же шли, как отмечал Ю.Абдрахманов, главным образом, за счет захвата земель в Семиреченской области, особенно в северных районах Кыргызстана. Если сравнить количество заселенных крестьян в Семиречье с остальными областями Туркестана, то картина была такова: заселенных в Семиречье крестьян было почти столько же, сколько их было во всех областях Туркестана. Число русских крестьян-переселенцев резко увеличилось в 1891-1892 гг. За эти два года (в годы неурожая и голода на значительной части европейской территории России) в Туркестанский край прибыло около 12 тысяч самовольных переселенцев и образовали 23 русских поселка, а в Семиречье прибыло 1769 семей самовольных крестьян, что составило 85% русского сельского населения данной области⁶.

Царское правительство, руководствуясь своими экономическими и политическими интересами, в основном, активно поощряло переселенческое движение крестьян, но нередко и препятствовало ему, иногда даже запрещало переселение из-за отсутствия пригодных для поселения земель. Так, с 1896 по 1905 гг. Средняя Азия официально считалась закрытой для переселения. Однако, вопреки официальному запрещению, накануне революции 1905 г. значительный размах приняло самовольное переселенческое движение и переселенцы двинулись, главным образом, в Семиреченскую область. В 1902 г. сюда прибыло 2787 самовольных переселенцев, из них почти половина – 1205 семей устроились в Пишпекском уезде. Если в 1902 г. в этой

области насчитывалось 16 тысяч переселенцев, то в 1905 г. число их возросло до 23 тысяч ⁷. Иначе говоря, кочевые районы Семиреченской области, особенно северные районы Кыргызстана, явились основными территориями, куда царское правительство направляло переселенцев.

Переселение крестьян и захват кыргызских и казахских земель усилилось особенно в годы столыпинской реакции. В край хлынула мощная волна переселенцев. Так, в 1906 г. в Средней Азии насчитывалось 77174 переселенцев, из них в Семиреченской области – 39751, в Сыр-Дарьинской – 27221, в Закаспийской - 3829, в Ферганской – 3794 и в Самаркандской области – 2579⁸. Как показывают приведенные данные, основная часть переселенцев поселилась в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях - главным образом, в кочевых и полукочевых районах, населенных кыргызами и казахами, это примерно 83% переселенцев.

В 1908 г. из-за земельной тесноты и по ряду других причин царское правительство вновь объявило Туркестан закрытым для колонизации краем. Нужно было определить колониальные возможности Туркестана. Поэтому, в целях проведения ревизии в Туркестане, а также для проверки работы переселенческих учреждений и выявления излишка земель для колониационного фонда, была организована специальная комиссия во главе с сенатором, графом К.К.Паленом. Эта комиссия в 1908-1909 гг. проделала большую работу в интересах царизма. Экономические и политические цели переселенческой политики царского правительства очень четко сформулированы в отчетах сенатора К.Палена: «Если не считать мотивов политического характера, имевших значение при завоевании Туркестана, - писал сенатор, - этот край, с первых же дней присоединения его к России, представлял для русского правительства двоякий интерес: 1) с точки зрения финансовой политики, как источник государственных доходов и как новый рынок для продуктов внутреннего производства,

2) с точки зрения колониационной политики, как новая область для перемещения избытков населения из центральных губерний»⁹.

В своем заключении комиссия указала на возможность продолжения колонизации края. И на этой основе в 1912 г. Туркестан снова был объявлен открытым для переселения крестьян из России. Но аграрные отношения в Туркестане, особенно в Семиречье, продолжали оставаться тяжелыми и вопросы переселения были сложными. В Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях с целью найти «излишние земли» были созданы переселенческие земельные управления и организации. А в уездах этих областей были созданы временные земельные комиссии, организовывались экспедиции и по их решению у коренного населения изымались большие и малые земельные массивы. В наиболее плодородных землях стали создаваться переселенческие земельные фонды, и в этот фонд вошли земли Чуйской долины, Иссык-Кульской котловины, юго-восточной части Ферганы и других плодородных районов Кыргызстана. Чтобы осуществить в жизнь задачи обрусения края, в особенности Семиреченскую область, царским чиновникам удалось очень много сделать в смысле захвата земель коренного населения. Достаточно сказать, что до 1913 г. в Семиречье было экспроприировано 4 101 873 десятин земли, т.е. больше половины пригодных земельных угодий. В пользовании коренного населения осталось лишь 3 398 852 десятины. По решению переселенческого управления подлежало изъятию еще 4 млн десятин пригодной земли, т.е. фактически те пригодные земли, которые остались еще у коренного населения¹⁰.

Отчуждение земель активно проводилось в Пишпекском и других уездах северного Кыргызстана. Согласно постановлению временной комиссии в одной только Аламединской волости Пишпекского уезда было отмежевано

21747,5 десятин «излишних» земель; в 1905 г. было образовано два переселенческих участка, и вскоре на этих участках появились села Ново-Покровское и Молдовановское¹¹.

По указанию царского правительства у коренного населения изымались не только «излишние» земли, но и намечалось изъять у них большой массив орошаемой земли, а жители, которые обрабатывали эту землю, подлежали выселению. Например, не только в Чуйской долине, но и в других районах Кыргызстана, целые айлы сгонялись с насиженных мест. В пользовании коренного населения оставались земли, расположенные, главным образом, в горной местности, непригодные или малопригодные не только для земледелия, но и для ведения скотоводческого хозяйства. Для этого достаточно привести один пример. В жалобе кыргызов Качкинской волости Пишпекского уезда от 12 мая 1913 г. говорится: «В 1910 году прибыл к нам производитель работ переселенческого управления господин Мазуренко, и в один год расстроил весь наш хозяйственный уклад. Он отобрал у нас все долины с нашими зимовьями и образовал на них семь участков под русское поселение. А нас изгнал на окружающие горы, на которых снег лежал со второй половины сентября до половины мая, а нередко бывает, что горная капризная непогода наносит снег в июле и августе. На этих горах по их высоте и крутизне никакая жизнь невозможна и только от трех до четырех летних месяцев пастухи карабкаются по ним со скотом»¹². Подобных примеров можно привести множество.

Следует сказать, что недовольство и выступление кыргызских скотоводов были вызваны всей аграрно-переселенческой политикой царского правительства, а не только разрушением отдельных кочевых хозяйств.

Приведем некоторые данные, показывающие результаты этой политики. К 1916 г. русские переселенцы составляли 6% населения в Туркестанском крае. Было образовано до 941 русских поселков и станиц. В их распоряжении числилось 1900

тыс.десятин или 57,6% обрабатываемой земли. А коренные жители, составляющие 94% населения, владели лишь 42,4% пахотной земли. Иначе говоря, на каждого живущего в Туркестане русского приходилось 3,17 десятин обрабатываемой земли, а на каждого коренного жителя (узбека, кыргыза, казаха, таджика, туркмена) приходилось только 0,21 десятины, т.е. в 15 раз меньше ¹³.

Не лучше обстояло дело в районах Северного Кыргызстана. В 1910 г. 11% русского населения Пржевальского уезда сосредоточивало в своих руках 23,8% пахотной земли уезда, а в 1916 году – 24,1% русского населения уезда уже сосредотачивало в своих руках 67,3% всей пахотной земли, а в 1920 году по земреформе 34,1% русского населения имело 84,7% пахотной земли. Такая же картина была и в Пишпекском уезде, где в 1916 году 38,1% переселенческого населения сосредоточивало в своих руках 57,3% всей пахотнопригодной земли данного уезда¹⁴. Такое же положение было в отношении водопользования. Если кыргызским дехканам и русским переселенцам приходилось пользоваться из одного арыка, кыргызам приходилось пользоваться только по воскресным дням, и то не всегда, иначе говоря кыргызы были фактически лишены права на воду ¹⁵.

Таким образом, в результате грабительской аграрно-переселенческой политики царского правительства коренное местное население лишилось основного, порой единственного источника средства существования. Кыргызский народ и все другие народы края накануне восстания 1916 г. оказались в таком положении, с которым не могли больше мириться.

Следует также отметить, что колониальная власть всеми силами стремилась насадить край богатыми казаками и кулацкими элементами с целью создания в их лице надежной опоры царизма в русифицировании края. Однако в Туркестанский край и Кыргызстан прибыли не только кулаки. Сюда шла огромным потоком обездоленная и разоренная

русская крестьянская беднота, в большинстве своем самовольно, что особенно беспокоило колониальную администрацию.

Так, во «Всеподданнейшем докладе» Туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 г. подчеркивалось: «...Крайняя необходимость колонизации края русскими. Но какими? Не вообще русскими, а более надежными для царизма кулацкими элементами». Поэтому массовое стихийное движение обнищавших русских крестьян в Средней Азии в поисках «приюта и счастья» серьезно беспокоило колониальную власть. В докладе указывалось, что «контингент переселенцев является в значительной части не вполне удовлетворительным для русской колонизации края»¹⁶.

Далее в докладе требовалась необходимость строгого проведения переселения в интересах русификации и выражалось недовольство, что край заселяется преимущественно бедными крестьянами, а не прочными кулацкими хозяйствами. Генерал-губернатор требовал, что «при приеме переселенцев в Туркестан соблюдать строгий отбор, с точки зрения их пригодности для колонизации. Без этого – указывал он – Туркестан не будет русской провинцией...»¹⁷.

Требования этого документа показывают, что царское правительство, осуществляя переселенческую политику, руководствовалось лишь интересами кучки крепостников-помещиков и интересами колонизаторов-русификаторов. Естественно, при таком подходе к переселенцам, не все крестьяне-переселенцы, особенно самовольные, не всегда могли оказаться в лучших условиях жизни на местах поселения. В большинстве случаев они не могли устроиться на новых местах, где лучшие земли уже были захвачены кулаками и казаками. А царское правительство, оказывавшее всяческую поддержку и помощь последним, не считало нужным заботиться о землеустройстве самовольных переселенцев.

Наоборот, нередко местная администрация встречала самовольных переселенцев враждебно и вынуждала их покидать подведомственные ей районы. Многие прибывшие переселенцы долгое время оставались неустроенными и разбредались в поисках свободных земель. Поэтому число неустроенных переселенцев продолжало быстро расти.

В 1909 г. в Семиреченской области насчитывалось 24896 крестьян, не имевших земельного надела, в том числе по Пишпекскому уезду – 11356 и Пржевальскому – 3570. В 1913 г. в одном только Пишпекском уезде число семей безземельных переселенцев достигало 3 тысячи, или почти 15 тысяч человек¹⁸.

Приезжавшие на новые земли переселенцы не имели средств для налаживания хозяйства, устройства жилищ и приобретения нужного инвентаря и скота. К.Пален, тщательно проверив состояние переселенческого дела в Туркестанском крае, отмечал, что «экономическое положение многих переселенцев оставалось крайне тяжелым»¹⁹.

По данным К.Палена к 1908 г. число «самовольцев» только в Семиречье дошло до 30 тыс. человек. Из них лишь немногие (5 тыс. человек) были обеспечены небольшими наделами, а остальные ждали земельного устройства. По этому вопросу К.Пален даже с тревогой отмечал: «Остальные нуждаются скорее в репрессивных мерах, нежели в даровом наделе»²⁰.

Архивные документы и многие другие исторические материалы свидетельствуют о том, что большинство крестьян-переселенцев с трудом сводили концы с концами и оказались фактически в тяжелом экономическом положении. Они также, как трудовое коренное население, страдали от безземелия. Это признавали даже сами царские чиновники. В отчете чиновника особых поручений при Министре внутренних дел А.А. Половцева отмечалось, что многие безземельные и малоземельные русские крестьяне прошедшие громадные расстояния до мест водворения, устроившись на новых

переселенческих участках, в большинстве случаев находились «в состоянии полной нищеты». Поэтому огромные массы переселенцев, не устроившиеся на новых местах и окончательно разорившиеся, вынуждены были возвращаться на родину. Так, только за 1911-1912 гг. из Степного и Туркестанского краев обратно переселились на родину 64186 человек мужского пола (данных о женщинах нет)²¹. А в 1913 году отправились в Россию из Пишпекского уезда 512 семей бедняков-переселенцев²². Но не всегда и не все переселенцы добирались до родных мест, многие из них погибали в пути.

Таким образом, аграрно-переселенческая политика царизма была злом не только для трудового коренного населения, но и для переселенческой бедноты. Недовольные и озлобленные аграрной политикой царизма, жестким гнетом, бедные слои русского крестьянства также, как и беднота коренных национальностей, готовы были подняться на революционную борьбу. Поэтому рядовые переселенцы во многих случаях были солидарны с кыргызским народом и поддерживали его освободительную борьбу за социальную и национальную свободу.

Составной частью колонизации наших краев царизмом, как указано в работе Ю.Абдрахманова, является «внедрение в экономику хозяйства кыргызского населения товарно-денежных отношений и рост влияния на экономику торгово-ростовщического капитала»²³. Эта форма капитала, как известно, не создает новых материальных ценностей, а присасывается к хозяйственному организму так, что вытягивает из него все соки, обескровливает его таким образом, что процесс воспроизводства в дальнейшем вынужден совершаться во все более и более суженных рамках.

Ростовщический капитал, расширяя свою деятельность, закабалял широкие народные массы. Носителями торгово-ростовщического капитала явились пришельцы – русские кулаки, узбекские и татарские купцы, которые, расселившись в

наших краях, вступали в связь с местным имущим элементом. Они устраивали базары и торговые поселения в местах скопления масс или в узловых торговых пунктах. Появились и кыргызские кулаки и ростовщики, дававшие деньги под проценты. Ростовщический капитал в кыргызской среде принял такие уродливые формы, как например: купец-ростовщик весной раздавал населению по 50 копеек ссуды, а осенью за это брал по поярку (годоваловому ягненку). Или: осенью раздавал ссуду в 1 руб. 50 копеек, а весной получал годовалового теленка. Приведем и другой пример: в Кунгей-Аксуйской волости один ростовщик, торговец-кыргыз, занимавшийся развозной торговлей мануфактуры, дал в кредит одному хозяйству пару галош и по истечении трех лет за эту пару галош он взял у этого хозяйства одного верблюда с верблюжонком и коня²⁴. Приведенные примеры – это не одиночные случаи. Подобные факты, как правило, можно было встретить тогда на практике в торгово-ростовщическом капитале сплошь и рядом. Из сказанного ясно, что наряду с царской колониальной администрацией, с ее системой взяток, подкупов, грабежа и т.д., и обосновавшийся торгово-ростовщичекый капитал делал свое дело, в смысле форсирования роста нищеты и недовольства среди коренного населения.

К этому можно добавить и то, что результатом колонизаторской политики царизма явилась постепенная убыль коренного населения. С 1902 по 1913 гг. население сократилось на 8,9%, зато количество переселенцев возросло более чем на 10% ²⁵.

Таковы кратко, в общих чертах, некоторые итоги переселения русских крестьян в Туркестан и Кыргызстан. И на основе анализа и изучения аграрно-переселенческой политики царизма можно сделать следующие выводы.

1. В результате завоевания Центральной Азии царизм, в известной степени, достиг своей цели - создать в этом крае

собственную крепкую опору из русских крестьян, в большинстве своем материально-обеспеченных, т.е. создано здесь кулацкое хозяйство.

2. Царизм создал в этом крае такой тип переселенческого кулацко-крестьянского хозяйства, который мог бы свободно отнесен к категории эксплуататорского общества, следовательно, – хозяйства, заинтересованного в сохранении царизма для своего дальнейшего хозяйственного (экономического) роста, для расширения своих прав и возможностей на основе эксплуатации всего коренного населения этого региона.

3. Колониальная политика царизма и система его управления привели к усилению антагонизма наций между переселенцами и кыргызами, который переплетался со своеобразными социально-экономическими и политическими противоречиями, т.к. кулацкое русское крестьянство и казачество вели хозяйство хищническим способом, и благополучие их основывалось и росло, главным образом, за счет эксплуатации кыргызских батраков. Кыргызские батраки, как справедливо отмечал Ю.Абдрахманов: «...Внешне свободные, но прикрепленные к земле и стадам, принадлежащим кулакам – эксплуататорам (кулакам-колонизаторам – Н.И.) и местным царским чиновникам, по существу мало чем отличались от крепостных»²⁶.

4. По своей социальной природе у трудящихся переселенцев и кыргызов не должно было быть таких взаимоотношений, как ненависть друг к другу, но это оказалось неизбежным в результате политики царского правительства, которое все сделало для взаимоотчуждения народов. Поэтому переселенцы-крестьяне, как представители господствующей нации, воспитанные царизмом в духе ненависти к угнетенным нациям, не смогли создать нормальные взаимоотношения с коренным населением. Но «было бы неверно вывести, – как справедливо отмечает

Ю.Абдрахманов, - это недружелюбное отношение между новоселами и туземцами», только из того, что они принадлежали к различной расе и т.д. Это недружелюбное отношение между ними вытекало скорее всего из их борьбы за землю, за воду, за определенные экономические позиции в крае». И все это тоже стало одной из главных причин восстания 1916 года.

Из сказанного становится ясно, что общее положение народных масс, психология и моральное состояние людей, их безысходность, нужда, нищета - все это породило у них вполне законную ненависть к царизму и колониальной власти. Исходя из этого, можно сделать вывод. Лишение основной массы кыргызского народа основного средства производства – земли, пастбищ и воды, гнетущая их нищета, обреченность на голодную смерть, желание освободиться от гнета объединенных сил: кулака, царского администратора, ростовщика, бая и манапа, которые служили царизму – вот объективные предпосылки и главные причины восстания 1916 года.

Источники и литература:

1. См: История КПСС. М. Госполитиздат, 1959.- с.9-14.
2. Россия:Автобиография.Составители М.А.Федотова, К.М. Королев. М.: Экс мо.: СПб.: Мидгард,2009.-с.971-983; Е. Анисимов. История России от Рюрика до Медведева. Люди. События. Даты. 3-е изд., доп.-СПб.: Питер,2011.-с.353.
3. См.: Анисимов Е. Указанная работа.- с.353.
4. Россия: Автобиография.- с.982.
5. Абдрахманов Ю. Указанная работа.- с.241.,Восстание 1916 в Киргизстане. Документы и материалы. М.1937, с.5
6. Шкапский О. Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области. «Вопросы колонизации»,1907,№1.-с.20-21; Усенбаев К. Указанная работа.- с.105-106.
7. Шкапский О. Указанная работа. см. «Вопросы колонизации», 1907, №1.- с.21

8. Шарова П. Переселенческая политика царизма в Средней Азии в 1906-1916 гг. «Историк марксист», кн.6 (82), 1940.- с.91-92.

9. Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края... Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1910. - с.8; Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, М. «Знание», 1966.- с.4.

10. Румянцев П.П. Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства.Т.7., вып.2.-с.25; Васильев В.А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг.1915.- с.81; Усенбаев К. Указанная работа. - с.114 - 115.

11.Велецкий. Положение переселенческого дела в Семиреченской области. «Туркестанские ведомости». 1907, №133; Усенбаев К. Указанная работа.- с. 114.

12. Цитировано по работе УсенбаеваК. Указанная работа. - с.118.

13. Восстание 1916 года в Киргизстане.Документы и материалы.- с.5.

14. Абдрахманов Ю. Указанная работа.- с.246.

15. Абдрахманов Ю. Указанная работа. - с.223,246.

16. Цитируется по работе Х.Турсунова «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», Ташкент,1962.- с. 128.

17. Турсунов Х. Там же.- с.128.

18. ЦГВИА РФ, Азиатская часть, 1914г., д.118, л.4-5; Усенбаев К. Указанная работа.- с. 110.

19. Пален К. Отчет по ревизии Туркестанского края... Переселенческое дело в Туркестане. СПб.,1910.- с.22; Усенбаев К. Указанная работа.- 110.

20. Пален К. Там же.- с.18-19, 57-58; Турсунов Х. Указанная работа.- с. 129.

21. Турсунов Х. Указанная работа.- с.130.

22. Усенбаев К. Указанная работа.- с.112.

23. Абдрахманов Ю. Указанная работа.- с.263.

24. Об этом подробнее см.: Абдрахманов Ю. Указанная работа.- с.263.

25. Там же.- с.264.

26. Там же.- с.264.

ГЛАВА II.

УСИЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ГНЕТА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. НАЧАЛО ВОССТАНИЯ

1. Царский указ о призыве коренного населения на военно-тыловые работы и начало восстания в Северных районах Кыргызстана

Социально-экономическая и политическая обстановка в Туркестане, в т.ч. в Кыргызстане накануне восстания 1916 г. была тесно связана с Первой мировой империалистической войной и ее последствиями. Эта война началась в результате резкого обострения противоречий и вследствие агрессивных устремлений империалистических держав к перекройке границ уже разделенного мира. Войну готовила империалистическая буржуазия всех капиталистических стран в тайне от своих народов. Особенно воинственен был германский милитаризм, который считал себя «обделенным» в отношении колоний.

Война, которая началась 19 июля (1 августа) 1914 г., (когда Германия объявила войну России), с особой силой вскрыла военно-техническую и экономическую отсталость России. Россия, как известно, вступила в войну плохо подготовленной, при острой нехватке оружия, боеприпасов, обмундирования, продовольственных запасов. По своей военно-технической оснащенности русская армия значительно уступала армиям других империалистических государств. Царская Россия по требованию своих союзников-кредиторов (Англия и Франция), послала на фронт самую крупную армию, численностью свыше 5 млн 400 тысяч человек¹. А всего число мобилизованных в годы войны достигло 19 млн человек. Только первые итоги изнурительных сражений к концу 1915 года – царская Россия понесла огромные потери - около 3,5 млн.человек убитых, раненных и пленных. Основная масса кадровой армии оказалась уничтоженной. Материальные запасы армии

окончательно истощились. Наряду с военно-технической отсталостью России сказались также невежество, бездарность значительной части офицерства и генералитета, предательство со стороны командования царских войск, гнилость государственного аппарата.

В то время, как русские войска вели кровопролитные бои, англо-французская армия почти бездействовала. Воспользовавшись этим, германское командование сосредоточило свои основные ударные силы на главном направлении – Восточном фронте против России. В результате положение царской России становилось крайне тяжелым. В огромных боях, по своим масштабам, русские войска продолжали нести неисчислимые жертвы.

Война подрывала экономическую жизнь страны, подрывала производительные силы, закрывались заводы и фабрики, резко сократились посевные площади, не хватало хлеба, цены на продовольственные и промышленные товары быстро росли, трудящиеся массы голодали.

В годы войны еще более усилился социальный и национальный гнет народов колониальных окраин, в частности Туркестанского края. Война вызвала новые поборы с коренного населения. Забирали все, что можно было взять под видом «добровольных сборов» на нужды армии: одежду, кошму, шерсть, кожу, масло, мешки и т.д., которые целиком и полностью легли на плечи трудящихся масс.

Как собирались эти сборы? Уездные начальники или участковые приставы собирали волостных управителей и объявляли, что нужно собирать на нужды воинов действующей армии. Те в свою очередь собирали аульных старшин, а они никого не собирая, просто делали разверстку по отдельным хозяйствам и устанавливали твердые сроки сдачи.

По данным отчета Куропаткина в годы войны на нужды армии из Туркестана было отправлено 40 899 244 пуда хлопка, 28 004 квадратных аршина кошмы, 3 109 000 пудов хлопкового масла, 229 000 пудов мыла, 300 000 пудов мяса, 473 928 пудов

рыбы, 50 000 пудов клещевины, 70 000 лошадей, верблюдов 12 797 голов, юрт 13 441 штук². Кроме этого, только из Семиреченской области в 1914 году было вывезено скота и продуктов животноводства на сумму 33 833 000 рублей³. И все лошади, верблюды и все животноводческие продукты также вывозились из Семиречья, главным образом, из Северных районов Кыргызстана.

Как и у кого брали эти вещи, например юрты? Баи и манапы не давали юрты, хотя и имели по несколько, но зато у бедняка и середняка отнимали последнюю. То же самое было и с лошадьми. Если отборочной комиссии нравилась у бедняка лошадь, то эту лошадь без всякой церемонии отбирали. Из сказанного видно, что положение трудящегося коренного населения в годы войны было невыносимо. Они должны были нести материальные жертвы на нужды войны не только за себя, но и за баев и манапов, за приспешников колонизаторов. Плюс к этому они должны были работать и для семей солдат, не получая за свой труд ничего.

Таким образом, кыргызский народ в условиях войны еще больше томился под гнетом не только царских колонизаторов, но и «своих» феодалов, которые служили царизму. Война еще больше ускорила, углубила нищету трудящихся масс кыргызов.

В Кыргызстане, как и во всем крае, разрушалось хозяйство, сокращались посевные площади и поголовье скота. Резко снизился урожай хлеба, сократился ввоз товаров из Центральной России. Не хватало предметов первой необходимости: сахара, соли, мыла, керосина, спичек и т.д. Быстро увеличилось число спекулянтов, неудержимо росли цены на товары. Тяжелое положение населения усугублялось стихийными бедствиями, такими как засуха и жут – массовый падеж скота от бескормицы. В результате отсутствия элементарных санитарных условий в стране свирепствовали эпидемии оспы, тифа, туберкулеза и других болезней, и они уносили сотни и тысячи человеческих жизней.

Из сказанного ясно, что общее положение трудящихся масс, психология и моральное состояние людей, их безысходность, нужда, нищета - все это породило у них вполне закономерную ненависть к царизму и колонизаторской власти. У кыргызского народа чаша терпения была переполнена и он уже был готов перейти к решительным действиям.

Затянувшаяся грабительская война требовала все новых и новых пополнений в действующую армию. Поэтому царское правительство вынуждено было снимать рабочих с фабрик, заводов, железных дорог, даже с промышленных предприятий, снабжавших армию оружием, боеприпасами, обмундированием и т.п. И это создавало катастрофическое положение в тылу, парализовывало действующую армию, лишая ее всем необходимым для ведения войны. В этих условиях царское правительство обратило свои взоры на народы колониальных окраин, которые еще не призывались в армию. Царское правительство не доверяло угнетенным народам и не хотело обучать их военному делу и вооружать, считая, что они могут повернуть оружие против него самого. И не случайно этот вопрос – вопрос о мобилизации в армию жителей коренных национальностей долго обсуждался, были споры и различные мнения в высших кругах царской власти.

Однако, в связи с создавшимся положением, оно сочло возможным использовать инородцев на военно-тыловых работах для того, чтобы русских рабочих и крестьян направить непосредственно на фронт. Именно в этой критической обстановке и ситуации 25 июня 1916 г. был подписан царский указ о призыве коренного мужского населения Туркестана и других национальных районов на военно-тыловые работы в возрасте от 19 до 43 лет.

Согласно материалам царского указа, предполагаемое число мобилизованных рабочих по Туркестанскому краю составило 250 тысяч человек, из них по Сыр-Дарьинской области – 87 тысяч, по Семиреченской – 60 тысяч, по Ферганской – 50 тысяч, по Самаркандской - 38 тысяч, по

Закаспийской – 15 тысяч человек. А из Пишпекского и Пржевальского уездов намечалось направить на военно-тыловые работы всего 34 042 человек, из них по Пржевальскому уезду – 15 520, по Пишпекскому уезду – 18 522, по городу Пишпек – 199, по городу Токмак – 215. А по волостям уездов Северного Кыргызстана число лиц, подлежащих набору, распределялось следующим образом (см. таблицу) ⁴.

	Число юрт и дворов	Число лиц подлежащих набору
1	2	3

ПРЖЕВАЛЬСКИЙ УЕЗД

Пржевальский участок

Тургенская волость	2338	889
Кенсуйская *	972	372
Бирназарская *	878	339
Курментинская *	1476	566
Кунгей-Аксуйская *	1225	470
Бакачинская *	1078	416
Курткамергенская *	488	191
Семизбельская *	1178	451
Улахольская *	1033	248
Джаныбековская *	1080	415
Джамбаевская *	993	381
Торгоевская *	1164	447
Барскоунская *	705	273
Заукинская *	1128	284
Восточно-Джеты-		
Огузская *	1014	390
Западно-Джеты-		
Огузская *	1347	516

Селения

Шамыровское	138	44
Тенизбаевское	48	32
Каменское	62	14
Темировское	407	153
Дархан	103	39
Ак-Кочкор	120	45
Урюкты	130	46
Чиракское	92	35

1	2	3
Высокое	58	23
Мариинская волость	515	300
Аил сарт-калмаков	483	225
Всего по участку	21521	9944

Ат-Башинский участок

Шаркратминская волость	1314	504
Он-Арчинская *	1831	699
Нарынская *	831	321
Шатеновская *	801	310
Саяковская *	1126	434
Чоринская *	1139	438
Барукчинская *	730	284
Джуван-Арыкская *	1224	471
Чаш-Тюбинская *	1083	417
Чериковская *	1078	415
Исенгуловская *	856	330
Аджинская *	720	278
Мунагельдинская *	648	248
Ниязбековская *	534	204
Бугенековская *	607	233
Всего по участку	7522	5576
Всего по уезду	29043	15520

ПИШПЕКСКИЙ УЕЗД

Беловодский участок

Джамансарттовская волость	741	343
Багышевская *	477	247
Момоконовская *	408	186
Кара-Балтинская *	1320	617
Тулбердинская *	1206	554
Сокулукская *	523	242
Джангарачевская *	576	268
Ново-Чуйская *	662	309
Старо-Чуйская *	1195	558
Джеланкузовская *	1014	474
Сейкимовская *	1087	515
Дулатовская *	815	379
Куркурекская *	674	315
Балхашевская *	657	354
с. Александровское	448	225
Всего по участку	11954	5622

1	2	3
---	---	---

Пишпекский участок

г.Пишпек	280	199
Канаенвская волость *	924	423
Байтиковская *	268	124
Кунтуевская *	976	443
Узунгырская *	1090	516
Татинская *	187	89
Каракиинская *	1202	557
Иссык-Атинская *	1006	463
Ботпаевская *	382	179
Кыбраевская *	522	245
Калгутенская *	1059	472
Восточно-Ргайтинская *	585	276
Чумичевская *	776	365
Всего по участку	9217	4351

Токмакский участок

г.Токмак	303	215
с.Николаевское	953	540
Шамсинская волость	1443	677
Буранинская *	342	159
Нурмамбетовская		
(б.Булекпаевская) *	1043	480
Байсеитовская *	405	190
Тынаевская *	1756	813
Джанышевская *	688	327
Кара-Булакская *	534	249
Атекинская *	973	458
Сарыбагышевская *	1546	728
Кочкорская *	1121	523
Джумгалская *	902	424
Курманкоджинская *	996	458
Темир-Булатовская *	1201	569
Абаильдинская *	940	438
Кара-Кечинская *	1026	478
Сусамырская *	746	343
Качкинская *	595	282
Черикчинская *	415	198
Всего по участку	17388	8549
Всего по уезду	38559	18522
Итого по двум уездам	67602	34042

Порядок проведения набора тыловых рабочих носил ярко выраженный отборочно-классовый характер. Освобождались от мобилизации волостные управители, айльные старшины, их джигиты (вооруженная охрана), духовенство, «почетные граждане». Кроме того, колониальная администрация дала указание, что любой туземец может нанять другого человека и послать вместо себя на работу по наряду, чем и воспользовалась эксплуататорская верхушка. Словом, основная тяжесть воинской повинности легла на плечи трудящихся. Верхние слои населения под покровительством царской администрации фактически освобождались от набора. Например, составление списков было поручено волостным управителям и айльным старшинам. При отсутствии таких документов, как метрические свидетельства, паспорта, книги записей о рождении и строгого учета численности населения, возраст призываемых определялся ими произвольно.

А это создавало большие возможности для взяточников и вымогателей. Составители списков за взятки уменьшали или увеличивали возраст призываемых. Байских сынков они выдавали за подростков или глубоких стариков, а подростков из семей бедняков они вносили в списки как вполне взрослых, а стариков – как молодых.

Порядок организации отбора рабочих, разработанный и предложенный колониальными властями, на первый взгляд, носил справедливый характер. Согласно ему айльные и сельские общества на сходе должны были решать кого направить на военно-тыловые работы и кого освободить от них. В действительности, этот вопрос решался лишь должностными лицами, а это способствовало процветанию взяточничества и коррупции.

Даже здесь, в этом вопросе появились новые возможности для усиления произвола и насилия должностными лицами над коренным населением. Это вынужден был признать даже сам Туркестанский генерал-губернатор Куропаткин, который

проявил некоторую озабоченность. В приказе с его подписью от 19 сентября 1916 г. говорится: «Из личного ознакомления во время моих поездок... выяснилось весьма большое число злоупотреблений лиц туземной администрации. Совершенно забывая, что наряд туземцев производится по высочайшему повелению государя императора, волостные управители, сельские старшины и действующие по их указаниям пятидесятники... позволили себе вымогать с населения взятки и прибегать в некоторых случаях к насильственным мерам воздействия вплоть до арестов отдельных туземцев, не пожелавших подносить им требуемую сумму, собираемую без всякого контроля и ведения чинов администрации»⁵. Аналогичные сведения содержатся и в других документах, рассказывающих о резком усилении взяточничества и вымогательства во время набора на военно-тыловые работы. Поэтому взяточники и вымогатели все больше нагнали и в открытую обирали бедняков. Все это еще более усиливало ненависть трудящихся масс к царской власти и ко всем должностным лицам, и подняло их на решительную борьбу против них.

Таким образом, как уже отмечалось, царский указ о наборе рабочих явился той каплей, которая переполнила чашу народного терпения и послужила толчком к возникновению восстания 1916 г. в Кыргызстане и в других районах Туркестана.

Первым по времени, 4 июля 1916 г., восстало население Ходжента (при Союзе Ленинабад) Самаркандской области. Весть о нем быстро распространилась в соседние районы, и вскоре, в течение двух месяцев – в июле и августе – охватило всю Ферганскую долину, Семиреченскую, Закаспийскую области Туркестана и Степные области Казахстана. Так, восстанием 1916 г. была охвачена вся колониальная окраина России в Центральной Азии – весь Туркестан и Степной край

Казахстана – со свыше 10 миллионным многонациональным населением.

Весть о Ходжентском восстании дошла и до районов Северного Кыргызстана (здесь сразу заметим, районы Южного Кыргызстана целиком находились тогда в составе Самаркандской и Ферганской областей, которые также были охвачены восстанием).

Восстание в районах Северного Кыргызстана вспыхнуло в начале августа 1916 г. и быстро охватило всю Семиреченскую область. Но самым характерным является то, что восстание здесь началось значительно позже, чем в остальных областях Туркестана.

Непосредственным поводом этих выступлений послужил царский указ о мобилизации коренного населения на военно-тыловые работы. Никто, конечно, не верил, что набор идет на тыловые работы. Почти все были уверены в том, что под этим предлогом набирают в солдаты. Служить же солдатом в царской армии никому не хотелось. Поэтому трудящиеся массы кыргызов, как и все народы национальных окраин не хотели принимать участие в грабительской войне и проливать кровь за царское самодержавие – душителя и палача трудящихся масс. Именно в этом можно видеть одну из существенных причин отказа коренного населения от мобилизации на военно-тыловые работы.

В то время, когда трудящиеся массы активно выступали против мобилизации в трудовую армию и активно готовились к открытому выступлению, совершенно иную позицию занимали верхние слои населения - особенно их представители в местной администрации (волостные, айльные и сельские старшины). Многие из них сделали все, чтобы поддержать царский указ, тем самым еще раз подчеркнув свою преданность царскому правительству. Они пустили в ход все средства воздействия на массы вплоть до угрозы «силою русского оружия», чтобы обеспечить проведение мобилизации. Иначе

говоря, волостные управители не приступали к составлению списков, пока не пришли к ним на помощь войска и полиция.

Определенная часть местной феодальной знати занимала выжидательную позицию. А некоторые крупные манапы, например Кыдыр-аке и другие, побывавшие в столичных городах России (в Санкт-Петербурге, во время празднования 300-летия династии Романовых), говорили, что они своими глазами видели мощь русской армии и убеждали население, что бороться с этой силой нельзя, невозможно. «Нельзя воевать с русскими, которые хорошо вооружены. Перестреляют нас, как куропаток и т.д.»⁶. Такие разговоры стали обычным методом убеждения против восстания.

Байсары уулу Кыдыр аке (1843-1926 гг.) – общественный деятель, выходец из рода бугу. В 1861 г., в 18-летнем возрасте, избирается волостным. О его большом авторитете среди народа говорит тот факт, что его шесть раз подряд избирали на должность волостного, выборы которого проходили один раз в три года. В 1913 г. как представитель Пржевальского уезда Семиреченской области принимал участие в торжествах, посвященных 300-летию царской династии дома Романовых и преподнес царю в дар живого тигренка. Кыдыр аке был награжден большой золотой памятной медалью на Анненской ленте и удостоен чина полковника. Он единственным от кыргызов Семиреченской области был избран членом Государственной Думы Российской империи. За свою исключительную справедливость пользовался в народе огромным уважением и авторитетом.

Трудовые массы были не просто против «реквизиции» в трудовую армию, они активно готовились к вооруженному восстанию и начали вооружаться. Кузнецы ковали пики и подковы, подковывали лошадей, изготавливали самодельные фитильные оружия, шашки, кинжалы, отливали пули, запасались продуктами питания и другими предметами первой необходимости и т.д.

Предвидев неизбежность восстания, и колониальные власти приняли заранее все подготовительные меры. В это время два непримиримых врага коренного населения – генерал-губернатор Туркестанского края А.Н.Куропаткин, сидя в Ташкенте, и военный губернатор Семиреченской области М.А. Фольбаум, находящийся в городе Верном, постоянно переписывались и детально разрабатывали план военных действий на случай возникновения восстания, заранее определили, где должно вспыхнуть восстание, изучали все горные перевалы и ущелья, через которые бунтовщики могут проскользнуть. Генерал Фольбаум еще до восстания произвел учет всех военных сил и расставил их в тех пунктах, где можно было ожидать беспорядки.

Другим важнейшим моментом в военных планах этих двух генералов было по возможности поголовное вооружение русского крестьянского населения, что также подтверждается всеми архивными и другими документами. Одновременно с этим намечалось, где возможно больше отбирать скот и земли у коренного населения, чтобы совершенно обезличить их экономически. Этот адский план истребления кыргызов и казахов царскими колонизаторами был приведен в исполнение, как известно, очень четко и жестоко в дни восстания 1916 г.

Источники и литература:

1. Верховский Д.В. Первая мировая война 1914-1918 гг. Воениздат. М.1954.- с.22.
2. Эти данные привожу по указанной работе Ю.Абдрахманова, с.265.
3. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов.- с.77 (док.№48).
4. Усенбаев К. Указанная работа.- с.145-147.
5. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов. - с.55 (док.№34).
6. См. Абдрахманов Ю. Указанная работа. - с. 267.

2. Ход восстания в Пишпекском уезде

Одним из первых за оружие взялись кеминские кыргызы Атекинской и Сарбагышевской волостей Токмоцкого участка Пишпекского уезда. Пользуясь громадным влиянием среди кыргызов, они без труда привлекли на свою сторону родственные им волости, входившие в состав Токмацкого участка, а также своих соплеменников рода «бугу» и «саяк», занимавших котловину озера Иссык-Куль и ряд племен казахов в южной части Джаркентского уезда Казахстана¹.

Повстанческие действия Сарбагышевцев и Атекинцев начались 8 августа внезапным нападением на кулацко-переселенческое селение Ново-Российское (ныне Шабдан), расположенное в долине Большого Кемина. К вечеру это селение было сожжено, за исключением трех-четырех домов, имущество разграблено, а скот угнан повстанцами. Организатором этого выступления был кыргыз из Атекинской волости Алымкул Табалдин. Кстати, К.Усенбаев в своих работах характеризует Алымкула Табалдина как рядового кыргыза Атекинской волости, а фактически он был одним из представителей знатных людей, пользовавшийся большим авторитетом. Поэтому он сумел создать и руководить вооруженным отрядом в количестве 100 человек². Их число быстро росло. К ним присоединились многие бедняки, особенно молодежь, подлежавшая набору. В своем рапорте от 28 ноября 1916 г. начальник Пишпекского уезда Ф.Г.Рымшевич указывал: «Организатором шаек был... Алымкул Табалдин, он первый подстрекал атекинцев не повиноваться распоряжению власти о призыве на работы в тыл действующей армии киргизов». В то же время, стараясь усилить ненависть русских к кыргызам и разжечь вражду между ними, он подчеркивал, будто Табалдин специально устроил бата и клялся: «На войну не идти, лучше умереть в борьбе с русскими»³.

*Киргизское восстание против царизма в 1916 году
(с картины Чуйкова С.А., 1934-1936 гг.)*

Вскоре народное движение в этих волостях вылилось в открытое вооруженное выступление. Восставшие заняли большую часть территории Малого и Большого Кемина до Боомского ущелья, выставили отдельные наблюдательные отряды, которые зорко следив за появлением карательных отрядов, охраняли безопасность повстанцев. Повстанцы еще пытались захватить казацкую станицу Самсоновку (Бурулдай), ставшую штабом карательных отрядов, но эта попытка не увенчалась успехом из-за слабости вооружения повстанцев.

Подобные выступления повстанцев все больше ширились и в начале августа охватили почти все аилы и волости Чуйской долины. Как показывают изученные документы, управитель Атекинской волости Белек Солтоноев и управитель Сарбагышевской волости Кемель Шабданов сделали все, чтобы предотвратить восстание. Они «стали убеждать толпу в бесплодности этого выступления», говорили о могуществе царского самодержавия ⁴. Но ни Кемелю, ни Белеку, ни другим манапам не удалось удержать народные массы от выступления. Волнение и возмущение народных масс усиливались с каждым днем и с каждым часом.

8 августа недалеко от станции Джел-Арык группа повстанцев напала на здание почты и захватила его.

9 августа у восточного выхода из Боомского ущелья в село Көк-Мойнок, недалеко от Рыбачье (ныне город Балыкчы), отряд повстанцев Сарбагышевской волости во главе с Ибраимом Тулеевым захватили обоз с оружием – 178 винтовок системы «Берданек» и свыше 35 тысяч патронов, следовавший из Верного в Пржевальск, предназначенный для карательных отрядов⁵. (О количестве захваченных винтовок имеются разные сведения: в рапорте генерал-губернатора Туркестанского края Куропаткина Николаю II от 22 февраля 1917 года указано, что повстанцами был захвачен 170 берданок и 40 тыс. патронов. См.: «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», Сб.док. М.1960.- стр.89, 347, 387. А в сборнике

"Восстание 1916 года в Киргизстане". Документы и материалы. под ред.Т.Рыскулова, М.1937. - на стр.165, примечание 13, указано 172 винтовки и 34 тыс.патронов).

Транспорт шел в сопровождении одного лишь солдата, причем ни участковый пристав, ни уездный начальник в Пишпек о движении этого транспорта ничего не знали. Уездный начальник узнал о транспорте с оружием лишь по прибытии его в Пишпек. Считая передвижение оружия без охраны ненормальным явлением, он назначил для сопровождения транспорта конвой в количестве двух дружинников и одного солдата, ехавшего в отпуск в Пржевальск. 5 августа транспорт вышел из Пишпека и 8 числа в 4 часа дня прибыл на станцию Кок-Мойнок и остановился на ночевку в Караван-сарай.

В эти дни Самудин Шабданов и многие другие влиятельные феодалы были вызваны в Пишпек для того, чтобы решить наболевший вопрос о призыве рабочих на военно-тыловые работы. И здесь, во время этого совещания он заметил обоз и ему удалось срочно сообщить об этом Ибраиму Тулееву, специально послав к нему своего джигита⁶.

Группа повстанцев около 25 человек во главе с Ибраимом Тулеевым догнали обоз с оружием и завладели им. Это событие одно из ярких и героических страниц истории восстания 1916 г. На снимке Ибраим Тулеев, внук Жантай-хана.

Здесь, хочется заметить, К.Усенбаев в своей статье, опубликованной в «Кыргызстан маданияты», утверждает, что Ибрагим Тулеев был рядовым кыргызом. А правнучка Шабдана Баатыра Жаңыл Абдылдабек кызы (Абдылдабек сын Самүдүна Шабданова)

отмечает: «Как мог быть Ибрагим рядовым кыргызом, когда отец Ибраима - Туле ажы был сыном Жантай хана»)⁷.

Большая часть захваченного оружия была передана восставшим жителям Пишпекского и Пржевальского уездов. Это событие сыграло большую роль в развитии повстанческого движения не только в Сарбагышевской волости, но и в других районах Северного Кыргызстана, т.к., захватив оружие, повстанцы в определенной степени вооружились. Слух о захвате оружия облетел быстро всю Семиреченскую область и вдохновил коренное население на более решительные действия. Кстати, это событие составляет одну из ярких и героических страниц истории восстания 1916 г.

Все эти события не могли не повлиять и на поведение влиятельных кругов феодальной верхушки, особенно на позиции многих волостных управителей. Так, Кемель Шабданов и Белек Солтоноев, осознав невозможность держать народные массы в повиновении и покорности, сами вскоре окончательно перешли на сторону восставшего народа.

Солтоноев Белек Солтонкелди уулу
(1878-1938) - кыргызский историк, литератор и поэт. Родом из Кемина, уже в 7-8 лет умел читать и писать. Затем 3 года учился в Каракольской русской школе, 2 года – в Пишпекской кыргызской школе садоводов. С 1900 г., увлекшись историей, собирал родословные были и предания, изучал труды мусульманских и русских историков. В 1916 г. был избран волостным в волости Атаке-бия. После восстания 1916 г. во время исхода

кыргызов в Китай бежал с родичами, в 1917 г. вернулся. В 1918-1920 гг. проводил агитационную работу за советскую власть в Алматы. Затем до 1924 г. работал в учреждениях по ликвидации неграмотности населения в Кыргызстане. В 1927-1937 гг. занимался научными исследованиями при Совете Народных Комиссаров

Кыргызской АССР. Невинно репрессирован и расстрелян. Реабилитирован в 1955 г.

Так, управитель Атекинской волости Белек Солтоноев, если раньше принимал все меры к тому, чтобы предотвратить восстание, а теперь, выступая с речью в специально организованном собрании двух волостей – Атекинской и Сарбагышевской, говорил: «Надо русских грабить, прогнать их до Ташкента, лучше умереть на позициях»⁸. Его поддерживал не только Кемель, но и все сыновья Шабдана. Они выступали под влиянием повстанчески настроенных народных масс. Но в этом вопросе главную роль играл известный манап Атекинской волости Султан Далбаев, а Кемел Шабданов и Белек Солтоноев всегда находились под его влиянием.

9 августа произошло еще одно важное событие. В этот день сарбагышевцы и атекинцы вместе в проведенном собрании по народной традиции на крови животных совершили «бата» (молитвенное пожелание успеха), и по древнему кыргызскому обычаю Мокуша Шабданова, внука Джантая, подняли на белой кошме и провозгласили ханом и выдавали его за руководителя восстания на Севере Кыргызстана⁹.

После этого события выступление народных масс еще больше нарастало, ширилось, охватывая все новые и новые районы, создавая существенную угрозу для колониальных властей. А раздача и рассылка сарбагышевцами винтовок и патронов из отбитого ими транспорта послужила своего рода призывом к поднятию открытого восстания во всех основных районах Северного Кыргызстана. Так, 9 августа почти одновременно с атекинцами и сарбагышевцами подняли восстание кыргызы, населявшие Чуйскую долину, Иссык-Кульскую котловину, районы Центрального Тянь-Шаня и Таласа. Хотя связь между ними была очень слабой и не имела фактически единого руководства, тем не менее, восстание в течение одного-двух дней быстро распространилось по всему

Северному Кыргызстану. Таким образом, хочется еще раз отметить, 8-9 августа поднялся практически весь север Кыргызстана с восставшим народом численностью свыше 100 тысяч человек¹⁰. Иначе говоря, восстание началось одновременно почти во всех районах Северного Кыргызстана, словно по единому сигналу и командованию.

В эти же дни восстание перекинулось в Кастек, Каскелен, Курдай и докатилось до самой южной части Джаркентского уезда Казахстана¹¹. *Разве это не свидетельствует о том, что восстание преодолевает определенную степень своей неорганизованности и становится уже организованной силой, охватив не только все районы Северного Кыргызстана, но и почти всю Семиреченскую область.*

Теперь кратко рассмотрим, как развивалось в эти дни повстанческое движение в выше указанных районах Северного Кыргызстана, и как оно жестоко подавлялось карательными отрядами колониальной власти края.

Самой ожесточенной и кровавой была борьба за Токмак и Покровку. В этой борьбе участвовало, как отмечает К.Усенбаев, все население Токмакского участка, т.е. жители почти всех 20 волостей этого участка. Только жители Николаевской (дунганской) и Кара-Булакской волостей не принимали активного участия в восстании.

Восстание жителей указанных волостей Токмакского участка продолжалось с 9 августа до конца сентября, число повстанцев здесь достигло до 20 тысяч человек¹². Подвергались нападению Быстрорецкое (Быстровка, ныне Кемин), Белопикетское, Орловское, Юрьевское, Покровское, Ивановское, Ново-Александровское, Дмитревское, Краснореченское и др. села. Между восставшими и карательными отрядами произошли ряд столкновений, в которых повстанцы несли большие потери, но иногда и они одерживали победу. Они взяли село Юрьевку, а восставшие Иссык-Атинской волости убили царского чиновника. Во время

наступления на Токмак и Покровку со стороны повстанцев было убито примерно 200-300 человек и ранено 200, из них многие умерли¹³.

В связи с этими событиями представители колониальной власти, стремясь разжечь национальную вражду, усиленно распространяли слухи о том, что киргизы – «бунтовщики режут всех русских, громят русские села и поголовно истребляют их жителей и т.д». В действительности же ничего подобного не происходило. Очевидец восстания Г.И.Бройдо по этому поводу писал: «Оригинально то, что село Краснореченское, покинутое жителями, не имевшее баррикад и дружины, не подвергалось даже разграблению со стороны киргизов». Такие ложные слухи распространялись и о Токмаке. По этому поводу Г.И.Бройдо сообщал: «Когда я 16 августа выехал из Пишпека,... официально сообщено о том, что Токмак окружен и осажден 10 тысячами киргизами. Наутро мы приехали в Токмак. Нигде ни души, ни осады, ни киргизов»¹⁴. Таких примеров можно привести немало. Они свидетельствуют о стремлении колониальных властей поднять русских переселенцев против коренного населения.

К Токмакским событиям мы еще вернемся ниже, а здесь немного расскажем как происходило восстание в других районах Чуйской долины и как оно жестоко подавлялось царскими карателями.

Когда шла ожесточенная борьба за Токмак, почти одновременно восстали жители Кунтуйской, Узунгырской, Канайской и других волостей, расположенных к югу и юго-западу от Пишпека. Восстанием Кунтуйской волости руководил Ашыралы Нуралиев, он убил волостного управителя, отличавшегося своей алчностью и жестокостью.

10 августа произошло крупное восстание трудящихся Тулебердинской волости Беловодского участка: в селе Белогорка и кыштаках Токто и Чыны в районе реки Сокулук. Это восстание было подавлено с особой жестокостью и

кровополитием. В тот день, рано утром, в селе Белогорка, расположенном в верховьях реки Сокулук, прибыли волостной управитель Суеркул Чолпонкулов, его писарь и конно-полицейский стражник, чтобы произвести реквизицию лошадей для действующей армии и составить списки призывников для военно-тыловых работ. Здесь их встретили около 300 человек, вооруженные палками, шашками и отчасти ружьями. Руководил ими Егемберди Сарыков. Восставшие гневно кричали и строго спрашивали: «Почему в список призываемых занесены только бедняки и их сыновья? Это несправедливо! Убьем всех вас и вам подобных». Они набросились на волостного управителя и его спутников. Последние обратились в бегство. Повстанец Есеналы Абаданов догнал писаря и ударом шашкой по голове сшиб его с коня, а жена Очокбая (к сожалению ее имя и фамилия не упоминаются – Н.И.) стащила с него сапоги и передала повстанцу Рыскулу, а пистолет писаря достался Аманалы Суванову. Волостного управителя и стражника восставшие догнать не смогли.

Отец волостного управителя - крупнейший манап Чолпонкул Тыналин, получив сведения о произошедшем, поспешил к месту событий, привычно рассчитывая на свое влияние на местных жителей. Однако его ожидания не оправдались. Вечером 10 августа повстанцы пришли в село Татыбек, где в мечети остановился Чолпонкул с сыном Суеркулом и с сопровождавшим их манапом Джантаем Кенесариным. Окружив мечеть, восставшие требовали: «Давайте сюда Чолпонкула и Джантая, они виноваты в составлении приговоров по сдаче нас и детей наших в солдаты. Никого не отдадим в солдаты».¹⁵ Мечеть была окружена высоким забором. Повстанцы бросали через забор камни. Они осаждали мечеть всю ночь. Только утром ушли в горы, остановились в урочище Кашка-Суу и стали готовиться к решительным действиям.

Волостной управитель и Беловодский участковый пристав, опасаясь столкновений с повстанцами, решили пойти на обман. 11 августа участковый пристав в сопровождении карательного отряда из 12 солдат приехал в Белогорку. Вместе с ним прибыли стражники и некоторые представители местных баев и манапов. Кроме того, на сторону карателей был привлечен вооруженный отряд в количестве 50 человек из числа кулаков-переселенцев, живших в этом селении.

Участковый пристав, ведя переговоры с повстанцами через своего представителя, сообщил им, что набор рабочих прекращен, никто из участников выступления не будет наказан за их «проступки». Всем, кто явится в Белогорку, будут выданы обелительные знаки. Однако, как только повстанцы спустились с гор, каратели окружили и разоружили их.

Повстанцев под конвоем повели в село Беловодское. Среди них была и та женщина, которая отобрала сапоги у писаря волостного управителя. Ее растерзали жены кулаков-переселенцев, натравленные этими же переселенцами-мародерами¹⁶. По дороге начальник карательного отряда, указывая на людей взятых под стражу, сказал манапу Чолпонкулу Тыналину: «Все они без единого исключения будут убиты. Если среди них имеются люди, находившиеся с вами в дружественных и близких отношениях, я могу их освободить и спасти им жизнь». На это манап совершенно равнодушно и цинично ответил: «Они мятежники и ваши враги. Раз ваши враги, значит и мои враги. Среди наших врагов нет и не могут быть мои близкие и друзья. Делайте с ними, что хотите»¹⁷.

Каратели зверски расправились с восставшими. К вечеру их пригнали в село Беловодское и заперли в очень тесном и темном подвале. За ночь от недостатка воздуха задохнулось 30 человек. Утром 12 августа повстанцев вывели во двор и палачи прежде всего расправились с Егенберди Сарыковым. Ему отрубили руки и ноги. Егенберди погиб как настоящий герой.

Затем царские колонизаторы замучили и убили 154 человек. Из 167 арестованных только 13 удалось бежать¹⁸.

Не менее зверски расправились каратели и с другой группой повстанцев из Тулебердинский волости. 13 августа по распоряжению беловодского участкового пристава под конвоем вооруженного отряда 138 человек были отправлены в Пишпек для заключения их в тюрьму. В Пишпек привели только 35 повстанцев, а 103 человек были убиты по дороге, якобы «за попытку к побегу»¹⁹. Так, дорога от Беловодска до Пишпека была усеяна трупами арестантов. Приведенных арестантов по приказу уездного начальника закололи штыками. Некоторые из них были еще живы, но их вместе с трупами вывезли за город и закопали. Кровавая расправа повстанцев вызвала новые, более мощные волны народного гнева.

Под влиянием этих событий в середине августа поднялись на борьбу жители Джамансартовской, Кара-Балтинской, Булекбаевской и др. волостей, расположенных в западной части Пишпекского уезда. 10 августа житель Тулебердинской волости Мырзакан Бекбоев прискакал на лошади в местность Төмен-Суу Джамансартовской волости. В его руках был окровавленный кинжал. Показывая на него, он сказал: «Вот этим кинжалом я зарезал беловодского участкового пристава и стражника»²⁰. Он призвал коренное население к активной борьбе против местных угнетателей – предателей и царских колонизаторов. Жители указанных волостей, особенно джамансартовцы, живо откликнулись на его призыв. Во время открытого выступления в Беловодском участке кем-то были убиты два русских крестьянина-кулака. Кем были они убиты – повстанцами или русскими выяснить не удалось. Но здесь кроме кулаков никто из русских не пострадал. Этого было достаточно, чтобы жители этих волостей, опасаясь преследований карательного отряда, откочевали в горы и, расположившись в урочищах Бултике, Минтокум, Кок-Дюбе,

стали готовиться к более решительным выступлениям. Во главе повстанцев был Аден Ысмаилов. В рядах восставших этих волостей насчитывалось несколько тысяч человек. Они представляли серьезную угрозу для царских колонизаторов. Поэтому, они и на этот раз пошли на обман, распространили слух, что их не тронут, если они получают удостоверение от пристава с короткой надписью «мирный»²¹. В рядах восставших произошел раскол. Многие из них были за то, чтобы остаться на местах и продолжить подготовку к решительным боям. Некоторые из них были за то, чтобы получить удостоверение. После долгих споров они все-таки спустились в долину в надежде получить обелительный документ. Однако они сразу же были арестованы карательным отрядом. В этом деле предательскую роль сыграл крупнейший манап Абдылда Узбеков²².

12 августа под конвоем карательного отряда все арестованные в количестве 517 человек были доставлены в село Беловодское, где их заперли в сарае. Участковый пристав Грибановский дал команду «быстрее покончить с арестованными» и уехал, не приняв никаких мер к прекращению побоища²³. Кулаки и солдаты карательного отряда стали выводить по два-три человека, и тут же у выхода сарая расправлялись с арестованными повстанцами. Некоторые повстанцы сопротивлялись. Так, Макебай, вырвав из рук кулака-переселенца палку, убил его этой палкой. Все арестованные были зверски перебиты. Только некоторым из них, в частности Мураталы Токсобаеву, Алымкулу Манапову и другим, всего 7-8 человек, чудом удалось спастись. Они, преодолевая боль и истекая кровью, перепрыгнули через дувалы и скрылись в зарослях²⁴.

После этой варварской расправы над повстанцами была организована настоящая охота на людей. Каратели расстреливали кыргызов-бедняков (независимо от того, участвовали они в восстании или нет) повсюду: на полях и

пастбищах, в домах и во дворах. Они не щадили, ни стариков, ни женщин, ни детей. Всего в этих вышеуказанных трех волостях было убито более 1100 человек, но никто из русских в этих участках не пострадал²⁵.

Жестокость царских карателей не сломила свободолюбивый дух кыргызского народа. Восстание продолжало усиливаться. Восстанием были охвачены районы Каинды, Чалдовара и соседние районы Казахстана – Мерке и Луговой. Были нарушены почтово-телеграфные связи между Пишпекским и Аулие-Атинским уездами и др.

Вскоре восстание перекинулось в долину Талас. Жители региона, готовясь к открытому выступлению, усиленно вооружались. Они попытались установить связь с восставшими жителями Чуйской долины. Но восстание в Таласе широкого размаха не получило. Чиновники колониальной власти приняли все меры к тому, чтобы предотвратить выступление трудящихся Таласа. Восстание во всех четырех волостях Таласа было быстро подавлено. Войска, вызванные из г. Аулие-Ата, оставались здесь значительное время.

9 августа выступили и кыргызы, населявшие Центральный Тянь-Шань, в частности, жители Загорных волостей и долины рек Нарына и Ат-Баши. По свидетельству архивных документов и работ отдельных авторов-ученых, организаторами и самыми активными участниками восстаний в этих местах была молодежь, прежде всего сыновья бедняков, подлежавшие призыву. Волнение, начавшееся среди молодежи, быстро охватило почти все районы нынешней Нарынской области.

Особенно бурными и острыми были выступления трудящихся Черикчинской волости. Узнав о том, что в список призываемых внесены только бедняки и их сыновья, они решили убить волостного управителя, которому, однако, удалось бежать, но был убит писарь волостного управителя.

Не меньшую опасность для колонизаторов представляли жители Аджинской волости и волости Он-Арча. В восстании

Аджинской волости принимало участие около 700 человек, а в Он-Арче в начале выступило около 100 человек, но их число быстро росло и превысило за 1000, затем достигло до 2000 человек. Ими руководили такие джигиты, как Кулмат и Мамыркан. Повстанцы и в этих волостях были слабо вооружены – пиками, палками, чоюн-башами, лишь у некоторых были ружья, но, несмотря на это, они храбро сражались с карательными отрядами колонизаторов²⁶.

Значительное выступление имело место в Куланаке и районах Ак-Талаа, Ат-Башы, Тогуз-Торо и Сусамыре. Таким образом, весь Центральный Тянь-Шань был охвачен пламенем народного восстания.

В восстании участвовали самые широкие слои народных масс. На сторону восставших стали переходить даже верхние слои населения. К повстанцам примкнули такие крупные манапы, как Канат Абукин, Кокумбай Чыныев, Курман Лепесов, Балбак Тилекенов, Тезекбай Толкуев, Чолук Курманкоджоев и многие другие. Эти манапы, как утверждает К.Усенбаев, за исключением Курмана Лепесова и Чолука Курманкоджоева, провозгласили себя ханами отдельных волостей и пытались направить восстание по антирусскому руслу²⁷. Трудно согласиться с этим утверждением ученого, т.к. изученные материалы показывают, что многие из них, наоборот, стояли во главе восставшего народа и, подняв запылившиеся знамена своих предков, стремились под ними повести повстанцев против царского режима, против колониальных властей. Под их руководством повстанцы стали захватывать русско-казацки села и хутора, находившиеся в Загорных волостях Центрального Тянь-Шаня. Так, 9 августа около полутора тысяч восставших овладели казачьей станицей Белоцарской (ныне Чаек), расположенной в Джумгальской долине. Повстанцы здесь расправились прежде всего с чиновниками колониальных властей, кулаками-переселенцами, затем сожгли станицу. Была перебита казацкая верхушка, а 10-го августа был

убит заведующий полицейской частью в Загорных волостях Меньшиков, а также конный полицейский и четыре писаря волостного управления. А конвой заведующего с голоду вынужден был сдаться повстанцам, не выдержав 9 дней. Во взятии станицы участвовали жители Джумгальской, Кара-Кечинской, Курманкоджинской, Абаильдинской волостей²⁸.

В тот же день 10 августа повстанцы Ниязбековской, Борукинской, Джуван-Арыкской, Абаильдинской волостей окружили село Столыпино (ныне Кочкор), расположенное в Кочкорской долине. Повстанцами, численность которых достигала 5 тысяч человек, руководил Канат Абукин. В Столыпино в это время находился небольшой отряд, состоявший из 18 казаков и нескольких солдат. А вечером на помощь осажденным прибыл Ат-Башинский участковый начальник с 20-ю казаками. Это значительно укрепило оборону села. Ночью повстанцы прекратили осаду, но утром следующего дня возобновили ее с новой силой. Казаки и солдаты целый день пытались отбивать яростные атаки повстанцев. И убедившись, что дальнейшее сопротивление из-за недостатка патронов непосильно, собрав всех жителей (около 500 человек), они под покровом ночи покинули село, бежав через Боомское ущелье по направлению к Токмаку, куда часть из них прибыла лишь на третьи сутки – 13 августа. Другая часть карательного отряда и все столыпинские крестьяне прибыли в село Михайловское, затем через перевал Кастек направились в Верненский уезд. В те дни было убито более 100 повстанцев, один унтер-офицер, 4 казака, около 30 переселенцев. Карательный отряд потерял убитыми, ранеными и без вести пропавшими 53 человек, а село Столыпино было сожжено повстанцами²⁹.

Как уже отмечалось выше, в начале августа повстанцы вели ожесточенные бои за взятие города Токмак и села Покровка. А в середине августа восстание приняло особенно широкий размах. Число восставших доходило до 20 тысяч человек. Это

вызвало панику в высших кругах колониальных властей. Колониальные власти вынуждены были принять срочные меры. 11 августа из Верного в Токмак прибыл карательный отряд из 100 казаков и 70 солдат, здесь к нему присоединились 350 дружинников – из них двое пеших и одна конная дружина³⁰.

Повстанцы (примерно 1,5 тысяч человек – ударная сила), возглавляемые Маасымом, Коджо, Мамбеталы и Бакатай-батыром, смело вступили в бой с вооруженным царским карательным отрядом. Причем, перейдя в атаку, повстанцам удалось прорваться к автомобилю, на котором был размещен пулемет. Часть казаков была окружена киргизами и один из них был убит³¹. Особую отвагу проявил повстанец Аалы (его фамилия в документе не указана – Н.И.). Он направил своего коня на автомобиль, в котором сидели казаки, и выбил одного из них пикой. Его не испугал ни пулемет, которого он не видел раньше, ни град пуль. Конь Аалы был убит, а вместе с конем и он упал на землю. Каратели поспешили отрубить смельчаку голову³².

Храбро сражались фактически все участники выступления. В результате этого героического сражения пулемет карателей был выведен из строя, а сами каратели, бросив поле боя, бежали в Токмак. Об этом поражении карательного отряда заведующий Токмакской полицейской частью писал: «Киргизы дали казакам бой, и казаки были вынуждены вернуться со степи в Токмак, не очистив окрестностей Токмака от засевших там киргизов»³³.

Повстанцы по следам карательного отряда подошли к Токмаку, где скрывались начальник Пишпекского уезда, участковый пристав и ряд других царских чиновников. Повстанцы отчаянно штурмовали Токмак. Началась осада города. Она продолжалась десять дней – с 13 по 22 августа. Борьба за Токмак стала одним из кульминационных моментов восстания 1916 г. Восставшие неоднократно пытались взять

город приступом. Осажденным с трудом удавалось отбивать атаки повстанцев. Вот, что пишет по этому поводу в своем рапорте начальник Пишпекского уезда: «С 14 по 22 августа ежедневно с 9 утра до 7 часов вечера приходилось сдерживать атаки киргизов в разных пунктах»³⁴.

В осаде Токмака принимали участие жители Тынаевской, Шамшинской, Буранинской, Курманбетовской, Байсеитовской, Иссык-Атинской, Кочкорской, Курманкоджинской, Абайльдинской, Кара-Кечинской и др. волостей - всего более 20 волостей. Это было фактически почти все население Токмакского участка, включая население некоторых волостей (Иссык-Атинская и др.) Пишпекского участка.

Каждая волость имела своего руководителя и свое знамя. Так, во главе восставших стояли в Шамшинской волости - Мамбеталы, Максимкоджо и Мыктыбек, в Буранинской - Субанбек и Балбык, в Тынаевской - Бексултан Тобай и Олжобай, в Кочкорской волости - Сарбай, Карач и др.³⁵. Восставшие каждой волости имели не только своих руководителей, но и свои флаги - для удобства командования. У повстанцев Шамшинской волости был белый флаг, Абайльдинской - красный флаг и т.д. По данным источников у восставших было 24 флага. Среди участников осады были такие известные и влиятельные манапы, как Канат Абукин, Токтосун Бектенов, Карыпбай Канатов, Кокумбай Чыныев, Курман Лепесов, Мырзабек Дыйканбаев и др.

Трудно назвать хотя бы приблизительно число участников осады, т.к. в источниках и работах отдельных авторов приводятся разные сведения. По сведениям официальных архивных документов их численность определена в 5 тысяч³⁶, а по сведению руководителей восставших в осаде принимало участие 20 - 40 тысяч человек³⁷.

20 августа атаки восставших были настолько яростны, что несмотря на огонь пулемета, сметавшие целые ряды, они три раза бросались в атаку, но *взять Токмак не смогли*. В связи с

этим, некоторые ученые, в частности К.Усенбаев, неверно утверждают, что при осаде Токмака восставшие, как и раньше, не имели единого руководства. По их утверждению, Канат Абукин пытался взять в свои руки руководство восстанием, но это ему не удалось³⁸. Трудно согласиться с такой точкой зрения, так как в отдельных документах четко указывается, что восставшими кыргызскими волостями за Токмак командовал почетный кыргыз Абаильдинской волости – Канат Абукин, и не случайно: все военачальники и волостные управители его называли ханом³⁹, т.е. признавали его авторитет, а царские чиновники, не случайно, считали его главным мятежником, даже - главнокомандующим повстанцев в масштабе всего Северного Кыргызстана⁴⁰.

В двадцатых числах августа повстанцы во главе с Канат-ханом предприняли последнюю попытку взять Токмак. Наступление велось, главным образом, со стороны Покровки, которая была слабо вооружена⁴¹.

Решительный натиск повстанцев вызвал панику и растерянность среди осажденных царских чиновников, руководивших обороной города. 22 августа осажденные в Токмаке получили серьезное подкрепление. Из Ташкента прибыл карательный отряд из четырех рот, одной сотни казаков и полвзвода саперов. Отряд имел четыре пулемета и одну батарею⁴². Военный губернатор Семиреченской области в своем рапорте от 4 марта 1917 г. отмечал: «Около 9 часов утра мятежники собрались с силами и снова бросились на приступ со всех сторон, но встреченные сильным оружейным, пулеметным и артиллерийским огнем, были отброшены и рассеяны». Повстанцы не смогли устоять против хорошо вооруженных царских карателей, сняли осаду и вынуждены были отступить.

Главной причиной неудачи восставших были не только неорганизованность, но прежде всего слабая вооруженность. Каждая волость имела лишь по 30 ружей, в числе их были

берданки, кремневые и фитильные. Пороху и свинца было по 10-15 зарядов на ружье. Остальные бойцы были вооружены пиками с железными наконечниками и топорами, насаженными на длинные палки⁴³. Но даже, если бы у всех были винтовки, то все равно не устояли бы они против опытных и хорошо вооруженных царских карательных отрядов. Так оно и происходило. Они отступали с боем, неся громадный урон, а затем ушли в Центральный Тянь-Шань: Кочкор, Джумгал, Нарын и Тогуз-Торо.

Источники и материалы:

1. Восстание 1916 года в Киргизстане. Документы и материалы, М.1937.-с.161(см. примечание 7).

2. Там же.- с.68.

3. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов.- с.387 (док.№261); Восстание 1916 года в Киргизстане. Док. и материалы.- с.68.

4. Воспоминания участника восстания Кудайбергена Кошоева. Рукописные фонды ИЯЛ им.Ч.Айтматова НАН Кырг. Республики, инв. №1519(2), л.75-77; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов.- с.387(док.№261).

5. ЦГВИА РФ, ф.400, А 3 часть, оп.IV, д.40, л.321; Восстание 1916 г.в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов.-с.387(док.№261).

6. Солтоноев Белек. Кызыл кыргыз тарыхы (История киргизов на киргизском языке, 2-я книга.- с.105), 2-китеп. Бишкек, 1993.- 105 бет.

7. Шабдан баатыр. Сборник статей на кыргызском языке. Гл. редактор К.Жусупов. Составитель Н.Капаров. Бишкек, 1992.- с.28.

8. Восстание 1916 года в Киргизстане. Документы и материалы.- с.68.

9. Там же.- с.69.

10. Правда о восстании 1916 года. «Вечерний Бишкек», 11 августа 2006г.- с.11.

11. ЦГА Кыргызской Республики, ф.75, оп.1, д.34, л.8-18; оп.1, д.42, л.3-6; Более подробно об этом см. так же Усенбаев К. Указанная работа.- с.177-178, с.183 – 185, 186-193, 194-205.

12. ЦГА Кыргызской Республики, ф.87, оп.1, д.4, л.2; ф.75, д.34, л.16-17; Усенбаев К. Указанная работа.- с.184-185.

13. ЦГА Кыргызской Республики, ф.75, д.34, л.8-18; д.42, л.3-6.
14. Бройдо Г.И. Материалы к истории восстания киргиз 1916 г. «Новый восток», 1924, №6.- с.427, 429-430.
15. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов.- с.383(док.№260).
16. Подробно об этом см. Усенбаев К. Указанная работа.- с.189.
17. Воспоминания Осмонкула Алымбекова и др. Рукописные Фонды ИЯЛ им.Ч.Айтматова НАН Кыргызской Республики, инв. №1519 (9-6), л.2-4.
18. ЦГА Кырг.Республики, ф.75, д.18, л.39-40; д.19, л.4,16; д.45, л.94, 110,120-121,135; см.так же, Усенбаев К. Указанная работа.- с.189-190.
19. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов.- с.385-386(док.№261).
20. Воспоминания Кадыркула Чокоева и др. Рукописные фонды ИЯЛ им.Ч.Айтматова НАН Кыргызской Республики, инв.№ 1519 (9-6), л.19-28.
21. Восстание 1916 года в Киргизстане. Документы и материалы.- с.147.
22. Воспоминания Кадыркула Чокоева и др. Рукописные фонды ИЯЛ им.Ч.Айтматова НАН Кырг.Республики, инв.№1519 (9-6), л.26-28.
23. Восстание 1916 года в Киргизстане. Документы и материалы.- с.163-164 (примечание 11).
24. Усенбаев К. Указанная работа.- с.193.
25. Восстание 1916 года в Киргизстане. Документы и материалы.- с.147.
26. Воспоминания Джунуша Борсунбаева. Рукописные фонды ИЯЛ им.Ч.Айтматова НАН Кырг. Республики, инв.№1519(п), л.3-6.
27. См.К.Усенбаев. Указанная работа. - с.198;а так же «Воспоминания Рысалы Солтонбекова и др.». Рукописные фонды ИЯЛ им. Ч.Айтматова НАН Кыргызской Республики, инв.№ 1519(2), л.25-38; инв. №1519 (10), л.1-13, 65-71; инв.№1519(11), л.22-23,72-75.
28. ЦГА Кыргызской Республики, ф.75, д.34, л.16-18; Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов.- с. 388 (док. 261).
29. ЦГА Кыргызской Республики, ф.75, д.15, л.43-44; д.34, л.22-23; д. 92, л.247-249; ф.77, д.15, л.43; Воспоминания Ибрая Джандоолетова и Садыбакасова Кобогона. Рукописные фонды ИЯЛ им.Ч.Айтматова

НАН Кыргызской Республики, инв.№61, л.32; инв.1519(11), л.50-58, 72-74.

30. РГИА, ф.1405, оп.530, д.934, л.20-21; ЦГА Республики Узбекистан, ф.1, оп.31, д.1182, л.12-13.

31. См. Усенбаев К. Указанная работа.- с.202.

32. Воспоминания Медера Мергенбаева, Рукописные фонды ИЯЛ им.Ч.Айтматова НАН Кыргызской Республики, инв.№1519(2), л.39-50.

33. ЦГА Кыргызской Республики, ф.75, д.26, л.9.

34. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов.- с.385 (док.№261).

35. ЦГА Кыргызской Республики, ф.77, д.29, л.4-7; Восстание 1916 года в Киргизстане. Документы и материалы.- с.162-163.

36. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов. - с.385 (док.№261); ЦГА Республики Казахстан, ф.76, оп.1, д. 2139, л.86.

37. РГИА, ф.1405, оп.530, д.934, л.22; ЦГА Республики Казахстан, ф.44, оп.1, д.16920, л.74.

38. Усенбаев К. Указанная работа.-с.204.

39. Восстание 1916 года в Киргизстане. Документы и материалы.- с.162, 163.

40. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов. - с. 369(док.№252), с.397 (док.№265).

41. Восстание 1916 года в Киргизстане. Документы и материалы.- с.163.

42. ЦГВИА РФ, ф.400, Азиатск. часть, оп.IV, д.40, л.289; ЦГА Республики Узбекистан, ф.1, оп.31, д.1182, л.13. Усенбаев К. Указанная работа.- с.206;

43. Восстание 1916 года в Кыргызстане. Документы и материалы.- с.162.

3.Ход восстания в Пржевальском уезде

Выше уже отмечалось, что зачинщиками восстания в Северном Кыргызстане явились кыргызы Сарбагышевской и Атекинской волостей. И это восстание, начатое с 8 и 9 августа, перекинулось в Пржевальский уезд и быстро распространилось по Северному и Южному берегам озера Иссык-Куль.

Восстание народных масс и в этом регионе назревало давно. Во всех волостях коренные жители готовились к решительным действиям: начали вооружаться, заготавливали продовольствие, подковывали лошадей, косы и серпы переделывали в пики и т.д. С конца июля и в начале августа во многих аилах и волостях состоялись собрания, сборы, которые проводились закрыто и тайно от колониальных властей. В этих собраниях принимали участие самые различные слои населения, в том числе крупные баи и манапы. Жители многих волостей, участвовавшие в восстании, имели свои знамена и своих руководителей. Наиболее крупными руководителями, восставших в восточной части Иссык-Кульской котловины, считались известные манапы Кыдыр-аке и Батыркан Ногоев.

В начале августа жители трех волостей племени Кунгейских Саяков (Бакачинская, Курткамергенская, Кунгей-Аксуйская) в местности Бактуу-Долоноту (местность между Чолпон-Ата и Бостери Иссык-Кульского района) проводили собрание, где крупного и влиятельного манапа Талканбая провозгласили ханом.¹ (В официальных документах о провозглашении Талканбая ханом и другие данные сведения о Талканбае отсутствуют, они даны авром впервые здесь). Здесь же обсуждался и решался главный вопрос – о наборе рабочих, ставший, как известно, непосредственным поводом восстания. По распоряжению хана Талканбая жители указанных волостей напали на селение Сарой (Курск), Карой (Долинка) и Чолпон-Ата. А 9 августа вооруженные кыргызы Кунгей-Аксуйской волости, в частности родо-племенные кыргызы Олжобай-Чоң-Чарык (жители с.Булан-Сөгөттү, Корумду), Калматай (жители с.Темировка), Кожояр (жители аила Оңжети-Карагай) внезапно напали на селение Григорьевка, на северном берегу озера

Иссык-Куль, в районе реки Кунгей Чон-Ак-Су, в 87 верстах от Пржевальска. А 10-го августа выступление народных масс распространилось к востоку, причем повстанцы, при активной поддержке жителей с.Чиркей, захватили Семеновку, Сазановку (ныне Ананьево), Каменку (ныне Джаркынбаево) и ряд других населенных пунктов до Преображенского, и стали угрожать Пржевальску. Так началось восстание в Пржевальском уезде.² (Эти данные также приводятся впервые в этой работе).

Известие о происшедшем облетело весь уезд и вызвало всеобщее волнение коренного населения Иссык-Кульской котловины. Волнением были охвачены Восточно-Джети-Огузская, Заукинская, Барскоонская, Западно-Джети-Огузская, Тонская, Улакольская, Тургенская, Кенсуйская, Курментинская, Кунгей-Аксуйская, Бакачинская, Курткамергенская, Семизбельская, Аджинская, Джуван-Арыкская, Чаштюбинская и др. – почти все волости Пржевальского уезда.³

Как и в других регионах, недовольство и волнение трудящихся Пржевальского уезда также были вызваны тем, что местные эксплуататоры не подлежали мобилизации. Когда стало известно, что сыновья баев и манапов фактически освобождаются от набора, резко усилилось негодование народных масс. Волнение охватило не только рядовых скотоводов и трудовых земледельцев в кыргызских аилах, но и батраков, работавших у русских кулаков-переселенцев. Получив сведения о волнениях, они бросали работу и уходили в родные аилы, и присоединялись к восставшим.

Во время восстания подверглись нападению почти все переселенческие села, расположенные вокруг озера Иссык-Куль и в Нарынкольско-Чарынском участке Джаркентского уезда Казахстана, граничащие с Пржевальским уездом. Нападения сопровождалось убийством русских переселенцев, прежде всего кулаков и представителей колониальных властей. Спасаясь от повстанцев, многие русские переселенцы покидали свои дома, даже целые села. Они сосредотачивались в более значительных местах, где уже были налажены центры не только для самообороны, но и для организации контратаки

против повстанцев. Такими центрами сосредоточения беженцев-переселенцев в Пржевальском уезде были – г. Пржевальск, села Преображенское (ныне с.Тюп) и Теплоключенское.⁴

В Пржевальске сосредоточились жители селений Покровского, Светлой Поляны, Иваницкого, Высокогорного, Богатырского, Липинского, Таврического, Владиславского, Мещанского и др. Жители селений Лизогубовского, Соколовского, Отрадного, Раздольного, Валерьяновского, Бобриково, Палено собрались в селе Теплоключинском. В селе Преображенском сконцентрировались жители Григорьевки, Семеновки, Сазановки, Каменки, Монастыря и др. сел северного берега Иссык-Куль.

На помощь селам, куда перебрались переселенцы-крестьяне, а также кулаки, было послано несколько военных отрядов. Но они не смогли сломить натиск многочисленных повстанцев и с трудом обеспечивали оборону этих сел. Села оставались на осадном положении почти до конца августа. Так, несколько тысяч восставших осаждали село Преображенское (Тюп). Осада продолжалась с 10 по 29 августа. 28 августа рано утром между повстанцами и осажденными завязался бой, который продолжался до позднего вечера. Во второй половине дня на помощь осажденным прибыл карательный отряд. Это изменило соотношение сил в пользу осажденных, которые перешли от обороны к наступлению. Потеряв около 800 человек убитыми и несколько сот ранеными, повстанцы отступили в горы. Карательный отряд отбил у повстанцев огромное количество скота и баранов. Значительные потери понесли и каратели.⁵

К открытому выступлению готовились и дунгане Мариинской волости, которые тоже присоединились к восставшим кыргызам. 10 августа кыргызы и дунгане вместе подошли к зданию уездного управления и потребовали отмены указа о наборе рабочих. Но они были встречены ружейным огнем со стороны организованного добровольческого отряда, состоявшего из местного чиновничества и отставных военных.⁶

10 августа повстанцы напали на помощника уездного начальника Канчева, который в то время находился в Кольцовке (ныне Бокомбаево), расположенном на южном берегу Иссык-Куля. Этот царский чиновник, имевший охрану из 10 солдат, попытался дать отпор нападавшим, но безуспешно, и ему пришлось бежать. Однако, он был настигнут повстанцами и убит. Из 10 конвоиров пятеро спаслись и с трудом добрались до Пржевальска.⁷ В тот же день восставшие напали на владельцев почты и других царских чиновников, живших в поселке Рыбачье. Между участниками выступления и жителями Рыбачьего произошло столкновение. Рыбачинцы были вынуждены покинуть поселок, и лишь через несколько дней с трудом на лодках переправились в Пржевальск.⁸ Весь поселок, особенно дома содержателей, почти все были разгромлены. В грабеже активное участие принимали извозчики, работавшие на почтовых линиях.

Не менее серьезное столкновение восставших с царским карательным отрядом произошло 25 августа в местности Талды-Булак (вернее это – Талды-Суу), за Тюпом. Сражение длилось весь день. Участник сражения Исмаил Коконбаев убил царского офицера. Овладев его оружием, он меткой стрельбой приостановил на некоторое время наступление карателей. Однако, слабо вооруженные восставшие не могли одержать победу над вооруженным отрядом и потерпели поражение. Начальник карательного отряда в своем рапорте от 28 августа отмечал: «Имущество вместе с юртами (штук 200-300) сожжено, а скот весь у них захвачен и угнан нами».⁹

10 августа несколько десятков тысяч восставших (по сведениям некоторых участников восстания и очевидцев - 40-50 тысяч) подошли к Пржевальску и окружили его. Осада города продолжалась в течении 20 дней. В нем участвовали повстанцы почти всех волостей (т.е. более 15 – Н.И.) Иссык-Кульской котловины Пржевальского уезда. Повстанцы каждой волости при осаде города выступали под родовыми знаменами и со своими руководителями. Среди них наиболее влиятельными были Кыдыр-аке и Батыркан Ногоев. Кыдыр-аке,

хотя не был сторонником восстания, в конечном счете был вынужден не только принять участие, но и фактически руководить всеми действиями восставших при осаде города Пржевальск.¹⁰ По словам и рассказам очевидца и активного участника осады, отца автора данной работы Атабек уулу Ыса, в осаде города самое активное участие принимали повстанцы Кунгей-Аксуйской волости, в их рядах насчитывалось несколько тысяч человек. Во главе Кунгей-Аксуйских повстанцев стояли такие влиятельные люди, как Молтой-аке, Абир уулу Оторбай (из села Темировка), сыновья Атабека, родные братья моего отца - Муса Молдо, Акмат, Абдыра и сам Ыса, а также Темир Молдо Усуп уулу, сельский старшина Кабатай уулу Саадабай (из села Корумду) и многие другие.

Слева - отец автора Атабек уулу Ыса (1881-1978), а справа - его брат Атабек уулу Абдыра (1889-1962) - активные участники восстания 1916 г. Во время бегства в Тоңских сыртах от рук карателей пали их самые близкие люди: супруга отца с двумя детьми-близнецами, их родной брат Акмат с супругой, (их трехлетний сын Ахмедов Мукаш остался круглой сиротой). В последствии, они стали трудящимися советскими людьми.

Отец Иса долгое время работал чабаном в совхозе Орго chor Джети - Өгузского района. За ударный труд награжден Почетной грамотой, Абдыра аба (дядя) работал председателем сельсовета, затем руководителем полеводческой бригады колхоза «Иссык-Куль» в селе Корумду Иссык-Кульского района республики.

Кунгейаксуйцы, как уже отмечалось, фактически были зачинщиками восстания в Иссык-Кульской котловине.

Упорные действия повстанцев вызывали у осажденных растерянность и панику. В своем отчете за 1916 г. военный губернатор Семиреченской области писал: «Горожане были охвачены паническим страхом».¹¹ Об этом также говорит в своем показании от 21 сентября 1916 года и межевой техник И.А.Поцелуев: «10 августа, с наступлением темноты начались страшные дни для пржевальских обитателей. Всякий шум, всякий конный топот вызывали тревогу, и заставляли хвататься за оружие. Мы, жители беста, укрепились: забаррикадировали тяжелыми шкафами парадные двери,заперли ворота, калитку заставили телегой, заперли ставни, женщин и детей поместили в комнате выходящей окнами на двор,распределили огнестрельное оружие между собой... С раннего утра (11 августа-Н.И.) народ повалил на казарменную площадь... Казармы быстро наполнились жителями, ищущими в них убежище. Часов в 9 была полная неразбериха. В толпе царило возбуждение и хаос... Нелепые слухи росли. Из всех разговоров я мог вынести только одно заключение: пожар мятежа окружал нас все теснее и теснее».¹² Паникой и растерянностью были охвачены прежде всего состоятельные слои горожан, кулаки и представители колониальной власти,против которых было направлено восстание. Уездный начальник и другие царские чиновники пытались предпринять ряд мер, направленных на укрепление обороны города.

Начальник Пржевальского уезда полковник Иванов призывал осажденных к активной обороне и, пытаясь поднять их боевой дух, говорил: «Повстанцы хотя и многочисленны, но слабо вооружены, еще слабее организованы и поэтому опасность для города совершенна ничтожна». Далее он говорил: «Киргиз ловок и подвижен только верхом-спешенный же не представляет абсолютно никакой опасности, и поэтому нужно, не теряя дорогого времени, поскорее создать на улицах такие преграды, которые не позволили бы киргизам войти в город верхом».¹³ Но эти призывы царского чиновника желаемых результатов не дали. На эти призывы не откликнулись ни городские низы, ни крестьяне, переселившиеся из сельской местности. Росло возмущение и негодование даже у осажденных русских против своих высокопоставленных лиц, особенно против уездного начальника полковника Иванова. По утверждению очевидца восстания П.И.Ливатова, уездный начальник «доверием у жителей города не пользовался».¹⁴ А по словам межевого техника И.А.Поцелуева, также очевидца восстания, «в толпе все чаще и чаще стали называть виновником всех бед уездного начальника Иванова. Обвинения против полковника Иванова сыпались как из рога изобилия».¹⁵ Опасаясь гнева и ненависти горожан и крестьян, этот царский чиновник некоторое время даже скрывался.

Положение осажденного города осложнялось еще и тем, что 12 августа восстали кыргызы, казахи и дунгане, заключенные в тюрьме. Согласно рапорту начальника городской тюрьмы, главари заключенных настойчиво требовали выпустить их на прогулку, грозили в случае отказа выломать двери. Получив отказ, заключенные во главе с Закиром Сеитовым выломали двери и выбежали из тюрьмы. Но, к сожалению, им не суждено было спастись и присоединиться к повстанцам. Только немногие спаслись. Почти все заключенные, около 80 человек, были расстреляны.¹⁶

Уездный начальник и царские чиновники решили воспользоваться случаем. На следующий день 13 августа началось избиение коренных жителей осажденного города. Царские чиновники всячески поощряли тех, кто отличался жестокостью по отношению к кыргызам, дунганам и узбекам. По словам очевидца И.А.Поцелуева рассказ, что «я убил столько-то сартов или дунган, считался доблестью, а рассказчик становился героем... Убийства приняли массовый характер, ... нет пощады никому. Из трупов убитых туземцев сложены призмы не в одну сажень протяжением».¹⁷ Имущество убитых (главным образом, у дунган) было «свалено на площади в огромную кучу, без всякого порядка, под открытым небом. Здесь были: самовары, сундуки, экипажи, лампы, посуда, меха, одежда и даже кучки шелковой материи. Эта куча разнообразных ценностей разжигала аппетит у беженцев (это были русские крестьяне-кулаки, бежавшие из разных поселений, спасаясь от повстанцев, скопившиеся в г.Пржевальск - Н.И.), и они незаметным образом потаскивали те или иные предметы, а потом «вошли во вкус» и явно начали расхищать «реквизированное» добро. Тащили из этой кучи не только темные и бедные, но и состоятельные и культурные... Все это имущество моментально исчезло».¹⁸

Здесь же указано: «Обладателей этого имущества - дунган, сартов и др. мусульман (значит и кыргызов – Н.И.) – прогоняли на площадь поодиночке и целыми группами, по требованию отдельных лиц из толпы беженцев (крестьян-кулаков – Н.И.), без всякого суда и следствия, уводили за казармы и там убивали их».¹⁹

Расправа над коренным населением (избиение, массовое убийство, грабеж и т.д.) не могли не ожесточить восставших. Повстанцы, продолжая осаду, сделали ряд попыток овладеть городом Пржевальск. Создавалась серьезная угроза для города. 13 августа начальник уезда полковник Иванов и другие представители колониальной власти, стремясь укрепить

оборону города, организовали так называемый особый Военный Совет, в которые вошли отставные генералы (Корольков, Нарбута, Краснободский), несколько офицеров и врачей.²⁰

Руководителем Совета и командующим обороной города был назначен генерал Корольков. Совет руководил обороной города, создавал карательные отряды, занимался снабжением населения продовольствием и боеприпасами. По решению военного совета все улицы, имевшие стратегическое значение, были забаррикадированы сваленными деревьями и проволочными заграждениями. Из-за нехватки солдат осажденный город охранялся небольшим военным отрядом, состоявший из 80 солдат, вооруженные 42 берданками. Кроме того, к защите города было привлечено 200-250 солдат и офицеров, находившихся в отставке, вооруженные лишь вилами, дроколями. Из отставных кавалеристов и добровольцев сформировался конный отряд, вооруженный 73 охотничьими ружьями, изъятыми у населения, и 13-ю берданками, а также несколькими револьверами, взятыми в архиве уездного управления. В распоряжении отряда имелись и самодельная пушка, сделанная из чугунной трубы, и снаряды из осколков битых казанов.²¹ А число защитников города не превышало 1000 человек и, как видно из сказанного, были слабо вооружены.²²

Положение в осажденном городе оставалось тяжелым. 15 августа по распоряжению военного губернатора Семиречинской области из Каркары в г.Пржевальск прибыл карательный отряд ротмистра Кравченко, состоящий из одной роты и 30 казаков хорунжего Фон Берга. А через несколько дней прибыла еще одна казачья сотня. Эти карательные отряды предприняли ряд вылазок против повстанцев, но они не увенчались успехом, город продолжал оставаться на осадном положении. Длительная осада пограничного города Пржевальск создавала серьезную угрозу в глубоком колониальном тылу царского самодержавия. В конце августа в

районы Северного Кыргызстана стали прибывать карательные отряды из Ферганы, Ташкента, Оренбурга, Верного и других городов царской России. И вскоре положение изменилось коренным образом – с 27 августа по 2 сентября один за другим в Пржевальск вступили карательные отряды.²³ Между карателями и восставшими произошли ряд серьезных столкновений. Слабо вооруженные и неорганизованные повстанцы вынуждены были снять осаду и отступить к высокогорным сыртам. Однако волнения коренного населения Пржевальского уезда продолжались до середины ноября, как это было в Пишпекском уезде. В целом же восстание шло на убыль. Большая часть коренных жителей Северного Кыргызстана, как будет показано ниже, покинув родные места, бежали в Китай, преследуемые царскими карательными отрядами.

Источники и литература:

1. Данный фактический материал взят из дневника участника восстания Турдакунова Жунушбая, который хранился у его сына Касыма Жунушбаева, жителя с.Корумду Иссык-Кульского района.

2. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб.документов.- с.67 (док.№ 46); Восстание 1916 года в Киргизстане. Документы и материалы.-с.49-50.

3. Рукописные фонды ИЯЛ им.Ч.Айтматова НАН Кыргызской Республики, инв.№1488-а, л.1-2; Усенбаев К. Указанная работа.-с.207.

4. Сообщение из газеты «Семиреченская жизнь».Сентябрь 1916года См.Восстание 1916 года в Киргизстане. Документы и материалы. - с.50.

5. ЦГВИА РФ, ф.400, Аз.часть, оп.40,л.308-309; Усенбаев К. Указанная работа.- с.209.

6. Восстание 1916 года в Киргизстане. Документы и материалы.- с.37 (см.примечание ниже под звездочкой - *).

7. ЦГА Республики Узбекистан, ф.1, оп.31, д.1182, л.14-15; д.1138-а,л.52; Усенбаев К. Указанная работа.-с.209.

8. ЦГА Кыргызской Республики, ф.75,д.28,л.1;Усенбаев К. Указанная работа.- с.209.

9. ЦГА Кыргызской Республики, ф.7, д.34, л.41-42; Воспоминания Шаршенбая Галиева. Рукописные фонды ИЯЛ им.Ч.Айтматова НАН Кыргызской Республики, инв.№1519(1), л.18-19.

10. Воспоминание К.Мадылбекова. Рукописные фонды ИЯЛ им.Ч.Айтматова НАН Кыргызской Республики, инв.№61, л.24-25; Абдрахманов Ю. Указанная работа, с.267.

11. ЦГА Республики Узбекистан, ф.1, оп.31, д.1182, л.15; Усенбаев К. Указанная работа.- с.210.

12. Протокол допроса свидетеля И.А.Поцелуева в книге «Восстание 1916 года в Киргизстане». Документы и материалы.- с.40-41.

13. Там же.-с.41.

14. Воспоминания П.И.Ливатова. Рукописные фонды ИЯЛ им.Ч.Айтматова НАН Кыргызской Республики, инв.№61, л.12.

15. Восстание 1916 года в Киргизстане. Документы и материалы.- с.42.

16. Там же.-с.53.

17. Там же.-с.44.

18. Там же.-с.58-59.

19. Там же.-с.59.

20. Там же.-с.51.

21. ЦГА Кыргызской Республики, ф.75, д.34, л.3-4; Воспоминания П.И.Ливатова. Рукописные фонды ИЯЛ им.Ч.Айтматова НАН Кыргызской Республики, инв. №61, л.12; Усенбаев К. Указанная работа.-с.214.

22. ЦГА Республики Узбекистан, ф.1, оп.31, д.1136, л.207; Усенбаев К. Указанная работа.-с.213-214.

23. ЦГА Республики Узбекистан, ф.1, оп.31, д.1182, л.15; д.1138-а, л.55; д.1136, л.209; Усенбаев К. Указанная работа.- с.214-215.

ГЛАВА III.

ПОРАЖЕНИЕ ВОССТАНИЯ И ЕГО ПРИЧИНЫ

1. Подавление восстания народных масс в различных районах Северного Кыргызстана

Длительная осада пограничного города Пржевальска, непрерывные выступления народных масс во всех волостях Иссык-Кульской котловины, как часть восстания всего коренного населения Северного Кыргызстана, создавали серьезную угрозу в глубоком колониальном тылу царского самодержавия.

Аналогичное положение было, как показано выше, и в Пишпекском уезде, в частности в Токмаке, в восточной части Чуйской долины, в Загорных волостях и в других районах Центрального Тянь-Шаня. Словом, весь Северный Кыргызстан оказался под огнем восставшего народа. Это обстоятельство вызвало у колониальной власти, да и в высших кругах царской власти, серьезное беспокойство. Проблема подавления восстания стала главным вопросом колониальной политики царизма.

Вопросом подавления восстания занялся сам император Николай II. Он как бы предвидел все. И когда началось восстание в Туркестанском крае, еще тогда, посоветовавшись с компетентными высшими должностными лицами – военным министром и министром внутренних дел, он решил начать дело с укрепления колониальной власти, в частности, администрации Туркестанского генерал-губернаторства. Император и его окружение считали, что во главе этого края необходимо поставить крайне ревностно настроенного колонизатора, способного быстро «смирить мятежников» и установить надлежащий порядок в глубоком колониальном тылу империи. На эту должность больше других подходил генерал-адъютант А.Н.Куропаткин, который в то время командовал северо-западным фронтом. Он имел большие заслуги в завоевании Туркестана, считался одним из знатоков

«азиатских дел». Еще в 70-х гг. XIX века, будучи полковником, он проявил жестокость при покорении коренного населения Средней Азии. Впоследствии А.Н.Куропаткин стал одним из видных и активных проводников колониальной политики царской власти в Туркестане. Вот почему на него пал выбор царя и его министров. Несмотря на тяжелое положение русской армии на фронтах, он был отозван и назначен (15 июля 1916 г.) генерал-губернатором Туркестанского края. На него возложили также обязанности главнокомандующего войсками Туркестанского военного округа.¹

Куропаткин был наделен широкими полномочиями и огромной властью. Ему подчинялся весь гражданский и военный аппарат генерал-губернаторства.

В начале августа новый генерал-губернатор прибыл на место назначения и сразу приступил к исполнению служебных обязанностей. Прежде всего Куропаткин пригласил к себе военных губернаторов всех пяти областей и заслушал их отчеты о политическом положении в крае. Сразу стало ясно, что военно-политическое положение в крае крайне тяжелое, а принятые меры по «смирению мятежников» и наведению необходимого порядка в Туркестане, особенно в районах Северного Кыргызстана были неудовлетворительными. По этой причине военные губернаторы всех областей, за исключением Закаспийской, были отстранены от занимаемых должностей, а на их места назначены новые военные губернаторы. Всем военным губернаторам было приказано объявить области на военном положении и принять все необходимые меры для подавления восстания. Но в это время колониальные власти на местах испытывали острый недостаток в войсках. А сформированные почти во всех местах «добровольческие дружины», в основе которых составляли офицеры запаса, отпускные солдаты, кулаки-переселенцы, шовинистически настроенные крестьяне, вооруженные имеющимся огнестрельным и холодным оружием, включая

топоры и т.д., оказались практически неспособными для подавления восстания. Вот почему местные власти, в частности военный губернатор Семиреченской области, в конце августа обратился к Туркестанскому генерал-губернатору оказать помощь в подавлении восстания. А он, в свою очередь, обратился к военному министру с просьбой прислать в край войска, необходимые для подавления повстанческого движения. Военный министр не оставил без внимания просьбу Туркестанского генерал-губернатора. По распоряжению военного министра в Туркестан были направлены значительные военные силы – 14,5 батальона и 33 казачьих сотни, имевшие на вооружении 42 орудия и 69 пулеметов.² Большая часть этих войск направлялась в Семиреченскую область, особенно в районы Северного Кыргызстана.

Поскольку в районах Северного Кыргызстана восстание приняло широкий размах, царское правительство, несмотря на тяжелое положение на фронтах, направило из действующей армии еще два казачьих полка с двумя пулеметами и одной конной батареей легких горных пушек.³ А из других областей Центральной России в Семиречье отправлено было еще 35 рот, 24 казачьих сотни, 240 конных разведчиков, располагавших 16 орудиями и 47 пулеметами.

В общей сложности, во второй половине августа и в начале сентября в районы Северного Кыргызстана прибыли десятки крупных карательных отрядов. Наиболее крупными из них, как перечислил К.Усенбаев, были следующие:

- отряд, возглавляемый подполковником Гейцигом, в состав которого входили 2 роты, 737 дружинников, 2 батареи, одна сотня казаков, команда саперов, телеграфистов и телефонистов, вооруженный четырьмя пулеметами;

- отряд подполковника Алатырцева, состоявший из 4-х рот стрелков, 3-х сотен казаков, 160 конных разведчиков, 100 добровольцев, одной батареи, команды саперов и имевший 8 пулеметов, 1 батарею;

- отряд капитана фон Бурзи, объединявший 3 стрелковые роты, 80 конных разведчиков, одну казачью сотню, команду саперов, вооруженный шестью пулеметами и двумя орудиями;
- отряд полковника Виноградова, состоящий из 4-х рот, 28 конных разведчиков, 546 дружинников, имевший 8 пулеметов;
- отряд войскового старшины Бычкова, объединявший 150 казаков, 170 нижних чинов, 50 конных добровольцев, вооруженный одним пулеметом;
- отряд полковника Городецкого, в составе двух рот, казачьей сотни, одной дружины, имевший 8 пулеметов;
- отряд полковника Силенко, объединивший одну роту, 200 конных разведчиков, казачью сотню, одну пешую батарею;
- отряд полковника Боброва, в составе 3,5 рот.⁴

В состав этих карателей входил и дунганский отряд, сформированный из зажиточных жителей села Александровки, во главе со старшим унтер-офицером запаса Матанью Люлюзой. Благославляя этот отряд, состоявший из 200 человек, местный мулла говорил: «Хотя идете бить мусульман, но этим творите волю государя, идите и помогите водворить порядок».⁵

Анализ изученных документов и опубликованных работ показывает, что все эти карательные отряды были размещены в главных очагах восстания. А главными очагами восстания, как уже отмечалось, считались - восточная часть Чуйской долины с центром Токмак, Загорные волости Пишпекского уезда, весь Пржевальский уезд, с прилегающей к нему и южной части Джаркентского уезда Казахстана. И, не случайно, уже в конце августа в указанные районы Северного Кыргызстана стали прибывать карательные отряды из Ферганы (Андижана), Ташкента, Верного, Оренбурга и других городов России.

Следует также сказать, что, по свидетельству этих же документов, карательные отряды для подавления восстания в Семиречье и в Северном Кыргызстане были высланы в трех направлениях: 1) со стороны Андижана - на Ат-Баши -

Нарынское укрепление; 2) со стороны Черняева (Чимкент) – Ташкент – вдоль почтового тракта на Пишпек и Токмак; 3) окружным путем по железной дороге – на Семипалатинск, а оттуда походным порядком через Сергиополь-Лепсинск на Верный, затем Верный - Токмак и Верный - Пржевальск. В результате, с 27 августа по 2 сентября один за другим в Пишпек, Токмак и Пржевальск вступили карательные отряды.

Карательные отряды, прибывшие в районы Северного Кыргызстана для подавления восстания.

Таким образом, царское правительство против восставшего народа двинуло огромную армию, вооруженную по последнему слову техники того времени, тогда как восставшие массы были вооружены лишь старорусскими ружьями – самодельными пиками с железными наконечниками, палками с ввинченной гайкой или просто палкой и т.д. Поэтому нет нужды доказывать, что силы были неравные. С одной стороны, обученная по всем правилам военного искусства армия с централизованным руководством, с орудиями и пулеметами, а с другой – народные массы, «вооруженные» палками без единого руководства. Большая часть этих карательных войск была направлена прежде всего против восставших кыргызов, т.к. нигде в Туркестане восстание не было таким ожесточенным,

как в районах Иссык-Куля, Центрального Тянь-Шаня и Чуйской долины.

О чем все это говорит? Это говорит о том, что восстание в Северном Кыргызстане, начатое в начале августа, а в конце августа 1916 г. поднялось на наивысший этап своего развития. Для подавления этого восстания генерал-губернатор Туркестанского края Куропаткин детально разработал адский план истребления кыргызов, организовал, как видно из вышесказанного, мощную военную силу, оснащенную сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем, и сосредоточил их в районах, где действовали основные силы повстанцев. Тем самым, исход борьбы в подавлении восстания был предрешен заранее.

Следует отметить, что карательные отряды, прежде всего, направлялись в такие районы, где местные колониальные власти уже не в состоянии были подавить восстание своими силами. Одним из таких райнов в конце августа был Токмакский участок Пишпекского уезда.

Поэтому в конце августа, как уже отмечалось, осажденный Токмак раньше всех получил серьезное военное подкрепление. 22 августа из Ташкента прибыл крупный карательный отряд подполковника Гейцига. Какими военными силами он владел, выше уже отмечалось. В этот же день около 9 часов утра повстанцы большими ударными силами еще раз предприняли попытку взять Токмак. Но повстанцы, встреченные сильным ружейным и артиллерийским огнем, были отброшены и рассеяны. Повстанцы не смогли устоять против хорошо вооруженных царских карателей и сняли осаду. Кровавая драма продолжалась до поздней осени. Повстанцы отступали с боями, неся громадные потери. Основные силы восставших фактически были истреблены, оставшиеся в живых стали уходить в горы.

Жители Атекинской, Сарбагышевской волостей – основные силы восставших, отступали в сторону Чон-Кемина. Вместе с

семьями они сосредоточились в местностях Уч-Каинды и Калмак-Ашуу. Вскоре сюда прибыл карательный отряд и стал жестоко расправляться с участниками восстания – с борцами за Токмак. Повстанцам пришлось преодолеть перевал Калмак-Ашуу и перейти на Иссык-Куль, затем «обратиться в поспешное бегство по направлению высоких сыртов в горах южного берега озера Иссык-Куля»⁶.

Острый недостаток в воинских частях ощущали в это время и колониальные власти в Пржевальском уезде. Но некоторое успокоение здесь наступило во второй половине августа, когда в Пржевальск стали прибывать карательные отряды. Так, 15 августа прибыл из Каркары карательный отряд ротмистра Кравченко, а на следующий день в город вступила казачья сотня хорунжего Угренинова. Это дало возможность выслать отряд для освобождения ряда русских поселков, осажденных повстанцами, вокруг озера Иссык-Куль, таких как Григорьевка, Семеновка, Сазановка (ныне Ананьево), Преображенское, Теплоключенка, Покровка и другие населенные пункты.

Таким образом, в это время в Пржевальском уезде очень остро стоял вопрос об окончательной ликвидации очагов восстания. Чтобы решить эту задачу из Токмака продвигался отряд подполковника Гейцига, и был выслан сильный отряд оренбургских казаков со стороны Ферганы, а из Верного прямым путем через горы переброшен был к Иссык-Кулю отряд войскового старшины Бычкова, в составе которого была казачья сотня и рота пехоты с пулеметом из 50 добровольцев.⁷ Между карателями и восставшими произошел ряд ожесточенных столкновений. Плохо вооруженные повстанцы были разбиты и потерпели поражение. Однако, это еще не означало конец восстания. Оно продолжалось до середины ноября, вспыхивая то в одном, то в другом месте Пржевальского уезда. Изученные документы показывают, что не только повстанцы, но и большая часть коренного населения

были вынуждены покинуть родные места и бежать в высокогорные сырты, преследуемые карателями.

В конце августа из Пржевальска один за другим были высланы крупные карательные отряды с целью окончательного подавления повстанческого движения вокруг озера Иссык-Куль.

Так, 28 августа на берегу реки Тюп (в районе Шаты и Карабаткак) между повстанцами и отрядом карателей под руководством фон Берга произошло кровавое столкновение. Завязался рукопашный бой, в результате повстанцы потеряли 80 человек убитыми и 12 ранеными.⁸

Более сильное сопротивление отряду фон Берга оказали 27 - 28 августа повстанцы и жители 4-х волостей (во главе со своими управителями) рода кунгейских саяков на северном берегу Иссык-Куля. По сведениям, взятым из дневника самого фон Берга, несколько тысяч восставших двигались со стороны пос. Рыбачье с семьями, скотом и имуществом. И среди них была самая храбрая волость – Бакачинская. В результате боя под Тюпом, в районе Кара-Баткак, восставшие понесли большие потери, лишь немногие кыргызы спаслись бегством в сторону Сан-Таша, Каркыра и Текес. Число трупов было до того велико, что обратно ехать или идти по ним было невозможно. Был убит и волостной управитель бакачинцев, и было отбито у них около миллиона скота, все имущество и провиант.⁹

28 августа в селе Даркан и в ущелье Чычкан восставшие численностью более 4000 человек героически сражались с карательным отрядом. Карателями было сожжено 400 юрт, убито около 400 человек, отбито около 1 миллиона баранов, принадлежавших коренному населению.¹⁰ В начале сентября в районе Ак-Терек, Малого и Большого Джаргылчака и Барскаун произошли ряд серьезных столкновений повстанцев с карателями. Потери повстанцев и здесь были огромны.

Кровавым было сражение повстанцев с карательным отрядом войскового старшины Бычкова 18 сентября в районе

ущелья Тон на южном берегу озера Иссык-Куль. Оно длилось почти целый день и закончилось поражением повстанцев. Это были фактически последние бои Иссык-Кульских повстанцев, с которыми почти все очаги восстания были подавлены в целом во всех волостях Пржевальского уезда.

Одной из особенностей сражений в Тонских ущельях и его перевалах было то, что в этом сражении принимали активное участие кыргызы – беженцы из восточной части Чуйской долины (жители Атекинской и Сарбагышевской волостей), а также повстанцы и жители родов: Чиркей, Кожояр, Калматай, Олжобай-Чон-Чарык - из Кунгей Ак-Суйской волости на севере озера Иссык-Куль.

Здесь сделаем небольшое отступление и отметим: в конце августа 1916 г. наиболее уважаемые и влиятельные аксакалы Кунгей-Аксуьской волости во главе с Темир Молдо (из рода Олжобай - Чон-Чарык) и Молтой аке (из рода Калматай) собрались и стали решать как безболезненно перебраться в Китай. Многие ратовали двигаться вместе со всеми родами кунгейских саяков вслед за бакачинцами через Тюп, Сан-Таш, Каркара и добраться до Текеса. Тогда Темир Молдо, обратившись к жителям рода Кожояр, Чиркей, Калматай, Олжобай-Чон-Чарык, сказал: «Не надо бросать свои земли, где мы родились и выросли. Чтобы обезопасить вас от карателей, хочу переговорить с начальством русских.» Однако, видя, что уже невозможно будет остановить многотысячную массу людей, он был вынужден сам тронуться в путь вместе с ними.

Здесь вкратце скажем несколько слов о Темир Молдо. Он был известным путешественником, просветителем, прогрессивным общественным деятелем своего времени. Он рано лишился родителей и стал круглым сиротой. В 12-летнем возрасте сородичами был отдан в русско-туземную школу города Верный (Алма-Ата). Окончив школу в 22-летнем возрасте, стал работать переводчиком в Пржевальском уездном волостном управлении.

Темир Молдо в разное время много раз вместе с русскими учеными участвовал в экспедициях по изучению растительного и животного мира Терской Ала-Тоо, Центрального Тянь-Шаня. Он не раз бывал в китайских городах Кашгар, Учтурфан, Аксу, Урумчи. Поэтому он хорошо знал все перевалы Иссык-Кульских сыртов, граничащих с Китаем. И он со знанием дела дал понять людям, что восточно-тютская сторона наиболее опасная, есть много препятствий и есть вероятность, что все могут погибнуть, наткнувшись на карателей. Он всех убедил, что направление через Балыкчы в сторону Тон менее опасно.

На следующий день кунгей-аксуйцы пропустили в сторону Тюпа всех беженцев из рода Бакачы, идущих с семьями и скотом, а сами направились через Балыкчы в сторону Тона. На этом пути кунгей-аксуйцы встретились в Тонском ущелье и на его перевале с атекинцами и сарбагышцами, шедших со стороны Малого и Большого Кемина. И вместе с ними они наткнулись на карательный отряд Бычкова. Сражения на Тонских перевалах, как уже отмечалось, были последними боями иссыкульских повстанцев. Потери имелись как со стороны повстанцев, так и со стороны карателей. Но потери Кунгей-Аксуйских повстанцев и беженцев во время кровавых сражений на Тонских перевалах и его сыртах были огромны. Погибших особенно много было из родов Чиркей и Калматай, не мало было жертв и из аила Корумду и Булан-Соготту: погибли такие известные люди, как знаменитый комузчу (комузист) Каптагай (современник и близкий друг великого комузчу Карамолдо Орозова), Жунуш, Ырсалы, Тургунбай и многие другие. По рассказам участника этих сражений Атабек уулу Ыса, отца автора данной работы, на Тонских сыртах от рук карателей пали его самые близкие люди: его супруга с двумя детьми-близнецами и его родной брат Атабек уулу Акмат с супругой, а их трехлетний сын Ахмедов Мукаш остался круглым сиротой (в годы Советской власти, получив высшее

образование, стал известным руководящим работником народного образования Иссык-Кульской области).

Ахмедов Мукаш (1913-2006) – участник Великой Отечественной войны и я, Исаев Нуриддин – студент Киргизского Пединститута. Снимок сделан в 1945 году в городе Фрунзе, когда он вернулся после войны.

Основная масса беженцев и повстанцев, пройдя через Тонские перевалы, переправившись через реки Үч-Эмчек, Буркан, преодолев Жаман-Эчки, подошли к Тарагаю. Темир Молдо на всем пути следования пропускал вперед наиболее слабых, а более крепким велел двигаться сзади, чтобы никто не отстал. По дороге, недалеко от китайской границы в высокогорной местности Тарагай, Темир Молдо стал задыхаться. От нехватки воздуха в условиях высокогорья он скончался от удушья - туток. Пришлось остановиться на два дня, чтобы проводить в последний путь Темира. Темир Молдо, хотя не занимал официально никакой должности, но фактически он был руководителем всех Кунгей-Аксуйских беженцев. Его смерть стала невосполнимой утратой, несоизмеримым горем и тяжелой трагедией для всех кунгей-аксуйцев, и особенно для рода Олжобай-Чон-Чарыков. Похоронили Темира в непроходимом замёрзшем, скользком

каменистом грунте недалеко от высокогорного перевала Бедель. После похорон акын-поэт Саалы сочинил кошок (оплакивание в стихах) про своего земляка и пел его в течении нескольких часов. Текст этого “кошока” (плача) сохранился в дневнике Жунушбая, который был одним из участников похорона. (Текст “кошока” был на кыргызском языке, на русском переводе не было). Такой печальной оказалась судьба известного человека, строителя и основателя знаменитого села – Темировка (ныне Темир айылы) Иссык-Кульского района.

Турдакун уулу Жунушбай (1898-1993) - житель села Корумду Иссык-Кульского района, один из беженцев и участник восстания 1916 г.

Простившись с Темир Молдо, беженцы продолжили свой нелегкий путь в сторону Китая. Как отмечалось в дневнике Жунушбая, это были беженцы следующих родов: Бапа, Желден, Кыдык, Саяк, Сарбагыш, Монолдор, Черик и др. В виду своей многочисленности они разделились на 15 перевалов от Кашгарского (Торугарт) до Кой-Капа, но основная масса беженцев стала перебираться через перевал Бедель. Китайские пограничники, пораженные видом измученных людей, стали пропускать их почти беспрепятственно.¹¹

Здесь следует отметить, что среди беженцев, перешедших через перевал Бедель во время восстания 1916 г., была и семья Байдоботова Орозобая, деда профессора А.Бедельбаева, декана исторического факультета Национального университета им.Ж.Баласагына. Он, по моей просьбе, составил своеобразный документ – в виде краткого очерка под названием

«Воспоминание деда», сделанный на основе рассказа своего деда.

В этом документе А.Бедельбаев пишет, что его дед Байдоботов Орозобай (1870-1972), уроженец с.Тегирменти Чон-Кеминской долины, был состоятельным человеком, т.е. баем. Участвовал в повстанческих движениях сарыбагышевцев и атекинцев, в сражениях с царскими карателями в селении Самсоновка (ныне Боролдой), в селе Ново-Российка (ныне Шабдан) и на пастбище Кок-Джон. После поражения восстания в Малом и Большом Кемине, как известно, все повстанцы были вынуждены отступить, затем бежать вместе с семьями через Калмак-Ашуу на западные окраины Иссык-Куля, а в конечном счете, вместе со всеми беженцами оказались на Тонских сыртах и в районе перевала Бедель.

По стопам шли каратели, был жуткий холод и обледенелый перевал. Беженцы, содрав шкуры с павших животных, накрывали ими ледяные покровы, которые намертво прилипали ко льду. Копыта лошадей обматывали тряпочками и устремлялись к перевалу.

Во время перехода через этот перевал, как отмечает А.Бедельбаев: «У моей бабушки начались схватки и она родила моего отца, прозванного в честь перевала Бедель – Бедельбаем.

Дедушка, посадив бабушку на коня, новорожденного сына засунул себе за пазуху, крепко обвязал свой тулуп поясом и вместе со всеми ушел в Китай. По рассказу деда, он не надеялся, что мой отец останется живым. Но, волею судеб отец остался живым.»

Да, ребенок не погиб, остался живым. Но радостного было мало, больше было страдальческого и трагического, поскольку ребенок родился не в родном доме, не в мирное время, а во время восстания, во время бегства в Китай, на высокогорном перевале, где могли погибнуть не только ребенок, но и мать ребенка – бабушка. И это были наиболее тяжелые и трагические страницы жизни семьи Орозобая. Но самое

главное, хочется отметить, что Бедельбай вырос и впоследствии стал трудящимся советским человеком (работал кузнецом), участником Великой Отечественной войны, а его сын Аскарбек Бедельбаев стал известным ученым – историком современности.

В 2006 году, в честь 90-летие восстания, общественностью республики была организована экспедиция на перевале Бедель.

На снимке участники экспедиции, среди них А. Бедельбаев, он сидит на переднем плане.

Далее А.Бедельбаев отмечает: «В 2006 году, в честь 90-летия восстания, была организована экспедиция на перевал Бедель. Являясь участником экспедиции, мне довелось побывать на перевале, где родился отец. В конце июля там ночью выпал снег, и небольшая речка покрылась льдом. Тогда я ясно представил, каково было беженцам, которые достигли перевала в середине октября. К тому же высокогорье и разряженный воздух затрудняет ходьбу, многие подвергаются горной болезни – туток.

А.Бедельбаев на перевале Бедель

*Участники экспедиции
собирают все кости на
перевале*

В том году мы собрали все кости животных и погребли камнями у скал. Собрав отдельно человеческие останки, предали их земле у пограничной заставы «Бедель». Там же установили памятник, а по возвращении в урочище Барскоон приняли участие в поминальном аше, устроенном в честь погибших в восстании 1916 года».

Таковы вкратце некоторые трагические, неожиданные и шокирующие события, которые происходили на перевале Бедель в период восстания 1916 г.¹²

Не лучше было положение повстанцев в Загорных волостях во главе с Канатом Абукиным. Они после поражения восставших в районе Токмака, как отмечалось выше, бежали через перевал Шамшы в районы Центрального Тянь-Шаня. Но они еще не покорились, продолжали сопротивляться, а в отдельных местах вели по-прежнему ожесточенные бои с карательными отрядами. Об их сопротивлении в Загорных волостях, Нарынском и Ат-Башинском участках против царских

карателей сообщается военному губернатору Семиреченской области в рапорте начальника Пржевальского уезда Иванова и начальника карательного отряда Бычкова от 3 сентября 1916 г. Они, прося подкрепление, писали: «По тщательно собранным сведениям киргизы в количестве 60-70 тысяч человек со скотом сосредоточились на сыртах... Имеющийся в наличии отряд в 500 человек является недостаточным для окончательного подавления восстания... необходимо увеличить состав отряда, хотя бы придать к нему одну батарею, одну роту, если возможно с пулеметом, и две сотни семиреченских казаков».¹³ Военный губернатор Семиреченской области, учитывая положение на этих участках, прислал значительную военную силу. Каратели, получив подкрепление, резко усилили атаки против повстанцев. Слабо вооруженные повстанцы отступали, но продолжали вести ожесточенные бои с карательными отрядами.

С конца августа по 5 сентября между повстанцами и карательными отрядами, прибывшими как со стороны Пишпека, так и со стороны Андижана через Нарын, произошли ряд серьезных столкновений. Так, 30-31 августа в местности Тогуз-Торо повстанцы около 500 человек во главе с Чулак (Чолок) батыром сражались с карательным отрядом, которым командовал офицер Носаев. 2 сентября в урочище Кара-Куджур повстанцы, фактически разгромив карательный отряд, двинулись дальше к китайским границам. Но эти и другие выступления повстанцев были локальными, разрозненными и в итоге все они потерпели поражение.

Отдельные представители местной феодальной знати, присоединившиеся к восстанию в период его подъема, изменили восставшим, предали их интересы, когда оно пошло на убыль. Они занялись спасением своей жизни, скота и имущества. Это отражено в официальных документах царских чиновников. В телеграмме начальника штаба Туркестанского военного округа от 19 сентября 1916 г. сообщалось: «В

Пишпекском уезде, в районе Сусамыра, среди группировавшихся там мятежных шаек замечаются признаки раскола, выражавшиеся в появлении перебежчиков из числа влиятельных киргизов».¹⁴

Канат-хан (1860-1917), Канат Абукин (Канат Ыбыке уулу) – один из главных руководителей восстания 1916 г.. Волостной управитель Абаильдинской волости Кочкорской долины.

В начале августа повстанцы во главе с Канат ханом вели ожесточенные бои за взятие города Токмак. Началась осада города, которая продолжалась с 13 по 22 августа. В изученных документах указывается: восставшими кыргызскими волостями за Токмак командовал почетный кыргыз Абаильдинской волости Канат Абукин.

Все военначальники и волостные управители его называли ханом, т.е. признавали его авторитет. А царские чиновники, как уже отмечалось, считали его главным мятежником, даже - главнокомандующим повстанцев в масштабе всего Северного Кыргызстана. Численность его армии равнялась 4-5 тыс. бойцов, они хорошо сражались с регулярным царским войском, у которого были не только винтовки, но и пулемёты и артиллерия. Мятежники потерпели поражение.

Раскол в рядах восставших, в свою очередь, способствовал появлению предателей среди влиятельных кругов – баев и манапов. Колониальная власть широко использовала их в ловле и наказании участников восстания, особенно их руководителей. Так, 17 октября, при активном содействии крупного манапа Курмана Лепесова и его джигитов специально сформированный военный отряд под начальством полковника Слинко «после 10 дневной погони поймал «главнейшего» и опаснейшего мятежника Пржевальского и Пишпекского районов киргиза Абаильдинской волости Каната Абукина» и

его сына. Сын Каната и многие другие были повешены в Нарыне.¹⁵ А его самого под усиленным конвоем отправили в город Верный, где военный суд приговорил его к смертной казни. Но он не выдержал сурового тюремного режима, заболел и в 1917 году в возрасте 57 лет скончался в Верном¹⁶.

Так казнили руководителей восстания в 1916 г.

Жена Каната в своем прошении от 9 ноября 1916 г., ссылаясь на преклонный возраст и былые заслуги мужа перед царским правительством, просила заменить смертную казнь каторжными работами,¹⁷ но ее просьба не была удовлетворена. Зато было удовлетворено ходатайство начальника карательного отряда о награждении манапа Курмана Лепесова и его сына Исхака за «большие заслуги» в поимке Каната Абукина.¹⁸ Однако, Канат Абукин в своих публикуемых показаниях это отрицает: «В октябре я узнал, что в Семиречье прибудет генерал-губернатор Куропаткин. Я хотел его лично видеть и поговорить с ним. Число 12 октября я хотел спуститься через Шамшинский перевал, но в Шамшинском ущелье была установлена застава из русских солдат, и я

вернулся обратно. Вернувшись домой, я услышал от Исаака Курманова, что меня разыскивает начальник Семиреченских отрядов. Я решил добровольно явиться к начальнику и поехать с Исааком и с двумя неизвестными киргизами в Нарын. Не доезжая до Нарына нас нагнали солдаты, и таким образом, я очутился в руках военной власти. Исаак меня вовсе не поймал и не задержал. Я с ним нахожусь в свойстве: мой сын женат на его родной сестре».¹⁹

Колониальные власти арестовали не только руководителей, но десятки и сотни участников восстания. Все арестные дома и тюрьмы были переполнены. Положение арестантов было ужасным. Чтобы показать это ужасное положение К.Усенбаев в своей работе приводит конкретные факты из воспоминаний очевидца восстания П.Коршуневой. Она в дни восстания посетила царскую тюрьму в Ташкенте, где содержались узбеки и кыргызы из Ферганской области и видела собственными глазами невыносимую трагическую картину. Вот, что она пишет: «Во дворе мы увидели много арб (телег), нагруженных голыми трупами умерших от голода ферганцев. Мы спустились в подвал к полуживым арестантам. В этом «жилище» по обе стороны лежали замученные умирающие люди. Они настолько скученно лежали, что проход между ними был очень труден, и, чтобы поставить ногу, с трудом можно был найти свободное место. Нас поразили вид этих людей: худые, грязные мужчины, женщины с распущенными волосами, с горящими от голода глазами, пугливо и с презрением встречавшие таких зевак, как мы... Одна пожилая женщина схватила мои ноги, стала глядеть в лицо большими черными, полными слез и скорби глазами, что-то говоря... Я не понимала торопливого, рыдающего ее говора и языка. Кто-то из идущих впереди потянул меня за руки, и я отошла от этого места. Только тогда разглядела я тысячи ползающих по женщинам насекомых. Я взглянула на ее соседа и там тоже, если не больше, издали насекомые имели вид

ползущей тонкой живой сплошной массы... Картина была страшная. Я увидела человека огромного роста, который вырвал вату из лохмотьев и грыз ее. Другой грыз сухое ухо какого-то животного... Многие лежали почти без дыхания, по всей вероятности, доживая последние свои мучительные минуты. Некоторые грызли себе руки. Многие как-то странно себя вели, по-видимому, они уже потеряли рассудок, другие глядели на нас огромными черными голодными глазами».²⁰ Разве это не трагедия. Таков один из трагических итогов колониальной политики царизма.

Кровавая расправа над повстанцами вокруг озера Иссык-Куль, подавление восстания в Токмаке, в Загорных волостях и в других районах Центрального Тянь-Шаня, массовый арест восставших, погоня и ловля крупных руководителей восстания – все это в конечном счете привело к поражению восстания 1916 г.

Хочется особо подчеркнуть – с конца августа восстание пошло на убыль, а к октябрю оно было подавлено повсеместно и окончательно. Под напором карательных отрядов восставшие были вынуждены отступить в горы, к высокогорным сыртам, к границам Китая. Карательные отряды нападали на кыргызские айлы, сжигали их и грабили имущество, скот, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей. Так, почти все население Северного Кыргызстана, спасаясь уходило в Китай, оставляя родные земли. Это была национальная трагедия кыргызского народа, которую нельзя забыть!

Царское правительство давало прямое указание карательным отрядам - жестоко наказывать повстанцев, беспощадно уничтожать коренное население, грабить их имущество, угонять скот, сжигать айлы и кыштаки.

В телеграмме туркестанского генерал-губернатора от 11 августа 1916 года, адресованной военному губернатору Семиреченской области, прямо указывалось: «При действиях

карательных отрядов истребляйте сопротивляющихся и нападающих... Весь отбитый скот, лошадей, имущество строго охраняйте и обращайтесь в достояние казны». ²¹ В другой его телеграмме от 31 августа требовалось: «Предупредить всех уездных начальников и начальников отрядов и всех офицеров о необходимости самоотверженной деятельности против бунтующего вооруженного киргизского населения, необходимости самого строгого наказания зачинщиков, главных виновников». ²²

Чтобы придать законную форму истреблению сотен и тысяч безвинных людей и оправдать кровавые действия карательных отрядов, царское правительство учредило военно-полевые суды. Такие суды были созданы при каждом карательном отряде и во всех уездных городах. В их состав входили царские офицеры, отличавшиеся жестокостью и беспощадностью к восставшим. Вся деятельность этих судов сводилась только к вынесению таких приговоров, как «расстрелять» или «повесить». Другие виды наказания они не применяли и не придумали.

Как видно из изложенного, карательным отрядам были предоставлены неограниченные права в подавлении восстания и наказании беззащитных коренных жителей. Царские каратели широко пользовались этими правами. Об этом свидетельствует деятельность казачьего отряда, возглавляемого приставом Токмакского участка Бакуревичем. Его отряд отличался особой жестокостью, истребляя почти всех жителей коренной национальности, независимо от того принимали они участие в восстании или нет. При этом Бакуревич не пренебрегал обманом и коварством. Так, в Кара-Булакской волости он взял несколько человек в качестве заложников, обещая сохранить им жизнь, однако их убили. По этому поводу у него ничего не оставалось, как равнодушно и цинично заявить: «Мои шутники потопили их по ошибке в Чу». ²³ Между прочим, как рассказывает очевидец восстания

Г.И.Бройдо, жители Кара-Булакской волости не восставали, наоборот выступали на стороне русских переселенцев, чтобы «спастись от действий карательного отряда». Он также рассказывал, по приказу Бакуревича были зверски убиты 16 мирных жителей Токмака. По его же приказу страшно пытали старика-кыргыза 20 лет, проживавшего в Токмаке и работавшего сторожем при Токмакской читальне, и его сына-гимназиста, служившего на почте. Измученный мальчишка-гимназист, не выдержав пыток, умолял царских палачей, «чтобы его не резали, а расстреляли».²⁴ По далеко не полным данным карательным отрядом Бакуревича было замучено и убито 300 человек.

*Бакуревич не жалел ни стариков, ни женщин, ни детей, ни девушек. Издевательства и произвол царских карателей, руководимых этим участковым приставом, не имели границ. Обесчестенные «киргизские девушки... бросались со скал вниз головой на глазах у казаков».*²⁵ Это были только известные факты. Наверное были и такие, которые остались неизвестными никому. *Как больно говорить и писать об этом! Разве это не трагично?! Это трагедия наших кыргызских девушек, над которыми издевались царские палачи – подобные бакуревичам в дни восстания 1916 года. Это трагедия кыргызских матерей, не сумевших защитить своих дочерей от царских палачей в дни восстания 1916 г.*

Таковыми же жестокими оказались действия и деяния царских карателей, когда они поголовно истребляли коренных жителей, не учитывая причастны ли они к мятежу или нет. По приблизительным, но далеко не полным подсчетам некоторых исследователей, в частности А.Н.Зорина, только в Пишпекском и Пржевальском уездах карательными отрядами было убито 3 тысячи человек.²⁶ *А в работе Ю.Абдрахманова «О восстании 1916г.» отмечено: «Восстание 1916г. потерпело поражение. Оно было подавлено царской властью с такой жестокостью, с какой была подавлена ею революция 1905-06 гг. Карательные*

отряды царизма наводнили территории, населенные киргизами и казахами, и расстреляли их вплоть до грудного ребенка. Около 150 тысяч человеческих жертв, погибших от пули и клинка царских палачей, погибших от руки кулацко-колониаторских элементов русских переселенцев... Это только жертвы «организованного» убийства, а сколько их, восставших, погибло в Китае, куда они бежали после восстания».²⁷

Поголовно истребленная семья кыргыза в 1916г.

Документов об убитых, умерших сохранилось достаточно много, но авторами даются разные цифры. Наиболее реальное количество приводит Т.Рыскулов в книге «Восстание туземцев 1916 года в Средней Азии», написанной в 30-х гг., - 275 тысяч погибших, т.е. 20% всего населения.²⁸

Массовое истребление коренного населения сопровождалось насилием и неприкрытым произволом, грабежом имущества и угоном скота, разрушением десятков и сотен кыргызских аилов и т.д. Грабежом занимались не только

карательные отряды и их начальники, но и кулаки-переселенцы. Этому в значительной степени способствовало учреждение царским правительством областных, уездных и участковых комитетов по возмещению за счет коренного населения убытков, понесенных русскими переселенцами в период восстания. В состав комитетов входили царские чиновники и колонизаторски настроенные кулаки. Комитеты имели право конфисковать скот, движимое и недвижимое имущество участников восстания, продавать его на рынке, а вырученные деньги раздавать пострадавшим переселенцам. Этим очень широко пользовались кулаки-переселенцы, обиравшие коренное население. В адрес комитетов поступали от переселенцев многочисленные заявления, в которых невероятно преувеличивался размер убытков. Среди них были и такие переселенцы, которые вообще материально нисколько не пострадали. Однако комитеты, как правило, всем заявителям разрешали возмещать свои убытки за счет «мятежников», т.е. грабить коренное население. Это развязывало руки шовинстически настроенным переселенцам и открывало перед ними широкие возможности для грабежа.

Следует отметить, эти комитеты фактически были не в силах справиться с конфискацией имущества и скота у восставших. Поэтому очень скоро это дело было передано в руки самих «пострадавших»-переселенцев, и они приступили к открытому грабежу коренного населения. По этому поводу старший гидротехник Пишпекского уезда в рапорте от 2 января 1917 г. отмечал: «После усмирения мятежа начался грабеж туземного имущества, которое открыто вывозится на Пишпекский базар и продается».²⁹

Такие факты грабежа были и в других местах. Например, прапорщик Кочергин в селении Столыпино в Кочкорской долине, из оставленного бежавшими жителями имущества, собрал целый склад железа, кошмы, колесной мази, самоваров, швейных машин, обуви, духов, гренок, машинного масла,

конфет, печенья, табака, чая, спичек, папиросной бумаги и т.д. Часть разграбленного он распродал нижним чинам и офицерам Столыпинского гарнизона, а другую часть отправил на 20 подводах в г.Токмак на распродажу, а вырученные деньги присваивал. Кроме этого, команда прапорщика Кочергина по пути следования от Нарына до с.Столыпина и в окрестностях Столыпина захватили несколько верблюдов, несколько десятков лошадей, несколько сот рогатого скота и около 10 тысяч баранов. При этом, за исключением 30 лошадей, около 100 голов рогатого скота и около 3 тысяч баранов, он скрыл от военного начальства и распродал, а вырученные деньги, не менее 30 тысяч рублей также присвоил.³⁰

Другая группа кулаков-переселенцев и карательные отряды разграбили кыргызский кыштак Утеген Пишпекского уезда. Отсюда увезли 826 одеял, 59 подушек, 251 кап (национальный мешок), 183 шт. веревок, 96 ковров, 8 швейных машин, 141 тулупов, 29 шуб, 263 национальных халатов, 13 тысяч пудов пшеницы и 27 тыс. рублей денег.³¹ Жители этого кыштака в своей жалобе от 10 октября 1916 г. заявили, что у них отнято буквально все. «Не оставили нам даже хлеба – писали они – наступают холода, а у нас нет даже одеял и кошм, которыми можно было бы укрыться от холода. Наступят скоро морозы, а вдовы и дети, уведенных дружиною мужчин, будут сидеть голодные в пустых ограбленных юртах. Самое главное - нет у нас хлеба... У нас ничего нет и не откуда ждать помощи».³² Из приведенной выдержки видно, как царские каратели отнимали последний кусок хлеба у вдов и сирот, оставляя их на произвол судьбы. Это был не единичный случай. Такие грабежи были везде, сплошь да рядом, а в результате страдали, даже погибали многие жители этих айлов и кыштак.

Так жестоко ограблено и разорено было население Кара-Кечинской, Курманкоджинской, Абаилдинской, Саяковской, Сусамырской и других волостей. А за счет грабежа и за счет пострадавших «мятежников» обогащались и многие

представители кыргызской феодальной знати, особенно такие известные крупные манапы-предатели, как Курман Лепесов, Исак Курманов, Чолпонкул Тыналин, Суеркул Чолпонкулов, Джантай Кенесарин и многие другие. Они начали пугать рядовых кыргызов смертной казнью и предупреждали, что такая участь может миновать их, если ими будут преподнесены подарки, т.е. взятки. Как заявили жители этих волостей в своей жалобе от 20 января 1917 г., что «киргизы, испугавшись смертной казни,... собрали 45000 рублей деньгами, 1200 лошадей и 200 верблюдов» и отдали этим манапам-предателям.³³ А они оправдывались, что сбор средств проводится якобы для того, чтобы преподнести подарки начальникам карательных отрядов.

После подавления восстания колониальная администрация решила жестоко наказать коренное население, особенно Северных кыргызов. Генерал-губернатор Туркестанского края Куропаткин, пользуясь поражением восстания, разработал план выселения кыргызов из районов восстания – из Чуйской и Иссык-Кульской долин. Куропаткин для этих двух кыргызских уездов решил применить особую меру жестокости – лишение кыргыз последнего клочка земли, так как нигде в Туркестане восстание не было таким жестоким, как в районах Чуйской долины, Иссык-Куля и Нарынского региона, т.е. в районах Северного Кыргызстана. Выступая по этому вопросу в специально проведенном краевом совещании 16 октября 1916 г., генерал Куропаткин говорил: «Главарей – волков необходимо переловить, а что касается массы баранов, то их можно простить. В этом смысле я буду доносить и государю по Загорной части Пишпекского уезда, где мятежники пролили слишком много русской крови, и где, поэтому будут наказаны все волости, все побережье Иссык-Куля и долины Кебени (Кемина), будут навсегда отняты у киргиз, и мятежники будут двинуты в горы Нарынского участка, это суровое наказание – лишение мятежников земли будет достойным для них

возмездием». Точно такого же взгляда придерживался и военный губернатор Семиречинской области Фольбаум, когда он сообщал свое мнение Куропаткину. Вот, что он говорил: «...Степные киргизы могут быть наказаны мягче, но пишпекских и пржевальских каракиргиз надо совершенно изъять из Токмакской (Чуйской) долины, Кебенья и побережья Иссык-Куля».³⁴

А во всеподданнейшем рапорте Николаю II от 22 февраля 1917 г. генерал-губернатор Куропаткин более откровенно излагал свой бесчеловечный план наказания коренного населения: «Необходимо, чтобы туземное население твердо усвоило, что пролитая русская кровь карается не только казнью непосредственных виновников, но и изъятием земель у туземцев, оказавшихся недостойными владеть ею».³⁵

Так, царские генералы решили применить к северным кыргызам особую меру наказания – лишение их последнего клочка плодородной земли, рассчитанную, в конечном итоге, на их вымирание.

Под видом наказания «мятежников» колониальная администрация собиралась отнять у кыргызов всю Чуйскую долину, Малый и Большой Кемин, Иссык-кульскую котловину, районы Кочкора и Джумгала. Территорию этих районов предполагали передать русским переселенцам, а коренных жителей выселить в высокогорные районы и образовать там, обособленно от русских, Нарынский уезд. Отобранные земли кыргызов было намечено передать вновь созданному Пржевальскому уезду с чисто русским населением.

По плану русских генералов на территории этого обособленного Нарынского уезда намечалось разместить 37355 кыргызских хозяйств, и вместе с еще ранее проживающими здесь местными кыргызами (13171 хозяйств, из них 9325 – кыргызы Ат-Башинских участков, 3846 – кыргызы загорных волостей), должны были разместиться всего 50526 кыргызских хозяйств.³⁶ Это были кыргызы, ранее

проживавшие на берегах Иссык-Куля, в Кемине, Чуйской долине, в районах Ат-Баши, Нарына, Кочкора и Джумгала. Туда же предполагалось поселить часть казахов Джаркентского уезда. Наиболее виновные волости - Сарыбагышевскую, Атекинскую, намечали устроить особо - переселить на Балхаш.³⁷ Коренное население не имело права селиться в тех районах, где росли естественные леса, им не полагалось иметь пахотные земли и сенокосы, им оставались только высокогорные пастбища, где можно было заниматься только скотоводством, причем лишь в летнее время. Иначе говоря, кыргызы северных районов, заселяемые в этом обособленном уезде, были целенаправленно обречены на вымирание и неминуемую гибель.

Этот бесчеловечный адский план, рассчитанный, в конечном итоге, на изживание кыргызов, был одобрен на состоявшемся 16 октября 1916 г. специальном краевом совещании под председательством Куропаткина.³⁸ На этой основе, он же, как генерал-губернатор Туркестанского края, подписал приказ об образовании Нарынского уезда и утвердил его административно-управленческий аппарат. Однако завершению образования этого уезда помешало свержение царской власти в результате февральской революции 1917 г.

Источники и литература:

1. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов.- с.42 (док №20); Ковалев П.А. Кризис колониального режима и реформы Куропаткина в Туркестане 1916 года. Труды САГУ. Новая серия, вып.57, Ист. науки, кн.7.1954.- с. 33-34.

2. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. док.-с.97 (док.№49);Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане.-с.402.

3. Восстание 1916 года в Средней Азии. «Касный архив», 29, № 3 (34).-с. 70.

4. ЦГА Кыргызской Республики, ф.75,д.34,л.4-5;ф.77,д.41,л.53-54;Усенбаев К. Указанная работа.- с.220.

5. Усенбаев К. Указанная работа. - с.220.
6. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов.- с.411 (дело №268); с.658-659 (дело № 449).
7. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб.документов.-с.413 (док.№268).
8. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов.-с.652-653 (док №448).
9. ЦГА Кыргызской Республики, ф.75,д.11, л.32-33; Рукописный фонд ИЯЛ им. Ч.Айтматова НАН Кырг. Республики,инв.№135, л.276-280.
10. ЦГА Кырг. Республики, ф.75,д.11,л.40-41;Рукописный фонд ИЯЛ им.Ч.Айтматова НАН Кырг. Республики, инв.135, л.41-42, 251-253.
11. Дневник участника восстания 1916 года Турдакунова Жунушбая, л.2.
12. Бедельбаев А. Воспоминание деда. Рукопись на трех страницах. (Составлена 20 мая 2014 г.)
13. ЦГА Кыргызской Республики,ф.75,д.41, л.34 (84); Рукописный фонд ИЯЛ им.Ч.Айтматова НАН Кыргызской Республики, инв.135, л. 315.
14. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов. - с.66 (док.№46).
15. ЦГА Республики Узбекистан,ф.1,оп.31,д.1136,л.76-77.
- 16.Белек Солтоноев Кызыл кыргыз тарыхы, 2 китеп, Бишкек,- 110-111 б.
17. ЦГА Республики Узбекистан, ф.1,оп.31, д.1093, л.298.
18. Там же, ф.1,оп.31, д.1136,л.76-77; Усенбаев К. Указанная работа.- с.231.
19. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане.Сб. документов.- с.379 (док.№ 256).
20. Коршунова П.Зверская расправа царского правительства с повстанцами Ферганы (воспоминания очевидца). «Советское краеведение». М.1936, №9.-с. 57-78;Цитировано по указанной работе К. Усенбаева.- с.232.
21. ЦГА Республики Узбекистан, ф.1, оп.31, д.1205, л.12-13;Усенбаев К. Указанная работа.-с.221.
22. ЦГА Кырг. Республики, ф.75,д.41,л.29; Рукописный фонд ИЯЛ им. Ч.Айтматова НАН Кырг. Республики, инв.№ 59,л.159; инв.№ 135, л.304.

23. Бройдо Г.И. Материалы к истории восстания киргиз в 1916 году. Научная ассоциация Востоковедения при ЦИК СССР. М.1925.-с.22.
24. Бройдо Г.И. Там же.- с. 22-23; Усенбаев К. Указанная работа.-с.221.
25. Бройдо Г.И. Там же.- с.22.
26. Зорин А.Н. Революционное движение в Киргизии (Северная часть). Фрунзе, 1931.-с.20.
27. Абдрахманов Ю. Указанная работа.-с. 229.
28. Правда о восстании 1916 года. См: «Вечерний Бишкек», 11 августа 2006 год.-с.11.
29. ЦГА Кыргызской Республики, ф.54, д.80, л.2-3; НАН Кыргызской Республики, Рукописный фонд ИЯЛ им. Ч. Айтматова НАН Кыргызской Республики, инв. №59, л.167.
30. Восстание 1916г. в Киргизстане. Документы и материалы.-с.52.
31. ЦГА Кыргызской Республики, ф.77, д.17, л.2-3; Рукописный фонд ИЯЛ им. Ч. Айтматова НАН Кыргызской Республики, инв. № 59, л. 161-163.
32. Там же, Усенбаев К. Указанная работа.-с.225.
33. ЦГА Республики Казахстан, ф.76, оп.1, д.515, л.11; Усенбаев К. Указанная работа.- с. 226.
34. Выступление генерала Куропаткина и Фольбаума цитированы по указанной работе Ю. Абдрахманова.-с.271.
35. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов.- с.97 (док. № 49).
36. Восстание 1916г. в Киргизстане. Документы и материалы.-с.87.
37. Там же.- с. 88.
38. Более подробно о плане Куропаткина о выселении кыргызов из районов Северного Кыргызстана см.: Восстание 1916 года в Киргизстане. Документы и материалы.-с.85-88, с.165 (примечание 15); Усенбаев К. Указанная работа.- с.233-235.

2. Бегство восставших кыргызов в Китай

После поражения восстания, теснимые со всех сторон, повстанцы – коренные жители Северного Кыргызстана, искали спасение в бегстве на Западный Китай. Сюда направлялись коренные жители из 39 волостей. Это были почти все коренные жители Пржевальского уезда, многие кыргызы Пишпекского уезда и часть казахов Верненского, Копальского и Джаркентского уездов Казахстана. По далеко не полным статистическим данным общее число беженцев, как отмечает К.Усенбаев, составило 164 тыс. человек, из них более 130 тысяч были кыргызы, т.е. почти третья часть северных кыргызов¹.

В первых числах сентября в китайских пределах кыргызы начали появляться небольшими партиями. Беженцы с семьями и большими стадами скота, не позволявшие им быстро двигаться, массово начали переходить китайскую границу только в 20-х числах сентября. К этому времени в Семиречье и в районах Северного Кыргызстана, как уже отмечалось, собралось достаточное количество вооруженных сил, которые энергично преследуя беженцев, загоняли их в Китай.

Изученные документы показывают, что кыргызы двигались в китайские пределы по трем направлениям.

Первая группа - это были беженцы с южного берега озера Иссык-Куля, из восточной части Чуйской долины и Центрального Тянь-Шаня. Они шли в основном через перевал Бедель и направлялись в Уч-Турфан и Аксу. Они двигались по высокогорным сыртам, их путь был тяжелым, но сравнительно безопасным: беженцы здесь почти не встречали карателей, да и скот их был обеспечен подножным кормом. Только отряды повстанцев и жители, шедшие из Кочкорской, Джумгалской долин и озера Сон-Куль, были настигнуты, окружены и разбиты карательными отрядами. При этом было разграблено все их имущество.

Бегство повстанцев 1916 года в Китай.

(С картины С.А. Чуйкова, 1936г.)

В долинах Уч-Турфана и Аксу расселились кыргызы из 32 волостей Пржевальского и Пишпекского уездов. Это были большей частью те, которые принимали активное участие в восстании. Общее число беженцев здесь составило примерно 100-120 тысяч человек.² Вся эта масса появилась здесь в конце сентября и в начале октября. Двигаясь по горам и по малодоступным перевалам, беженцы, преследуемые карательными войсками, мало заботились о сохранении своего скота, поэтому большая часть скота у них пала по дороге. По одному только пути через перевал Бедель, по которым, главным образом, направились кыргызы в Уч-Турфанский район, пало свыше 10 тысяч голов скота и лошадей³. Скот, который им удалось привести в китайские пределы, вследствие отсутствия корма, пал почти полностью, если что и осталось, это небольшое количество баранов и верблюдов, как более выносливые и малотребовательные животные.

Если учесть, что новый корм в горах появляется не ранее мая месяца, приходилось предполагать, что и эти незначительные остатки скота к тому времени падут, тем

более, вид этого скота не давал никакой надежды, что они перенесут оставшиеся 3-4 зимних месяца.

Потеряв свои стада, главное свое богатство и состояние, кыргызы очутились здесь в крайне бедственном положении.

Вторая группа беженцев – это жители двух волостей Ат-Башинского участка. До начала восстания они кочевали на юге от Нарына. Здесь почти не было волнений в больших масштабах. Они должны были двигаться через долины Ак-Сай и Торугарт в Кашгарскую провинцию. Но их путь фактически был закрыт, поскольку на Торугарте стоял военный гарнизон и карательные отряды. Поэтому беженцам-повстанцам приходилось идти по глубокому снегу и преодолевать труднодоступные перевалы Кельте-Бух в верховьях реки Как-Шаал, на их пути почти не было подножного корма.

Бегство кыргызов в Китай через Тянь-Шанские горы.

Третья группа - это кыргызы, населявшие северную часть Иссык-Кульской котловины, и казахи вышеназванных (Верненского, Копальского, Джаркентского) уездов. Они много раз задерживались и сталкивались с карательными отрядами на берегу реки Тюп, около с.Преображенского, Талды-Суу, в

Кен-Суйском ущелье, на Каркаре, в верховьях реки Текес, и достигли китайской границы с большим трудом.

Когда большая группа беженцев подошла к речке Музарт, ее настиг карательный отряд. Беженцы, не имея оружия, не смогли оказать сопротивление и бросились в бурную горную реку. На другом берегу реки китайские пограничники также обстреляли идущих им навстречу беженцев. Не считая убитых пограничниками, только царскими карателями за все время преследования было истреблено более 12 тысяч человек⁴. Кроме этого, многие беженцы утонули в горных реках Музарт и Текес, в числе которых были старики, женщины и дети. Переправившись через Музарт, беженцы из 7 волостей Джаркентского и Пржевальского уездов направились в Кульджинскую провинцию в районе Текеса. Не успели беженцы перейти границу, на них напали калмыки, кочевавшие в этих районах. Воспользовавшись беззащитностью кыргызов, они отбили у них большую часть скота, отобрали немало имущества и женщин.⁵ Но ничем нельзя было остановить движение повстанцев, они в массовом порядке стали переходить на территорию провинции Кульджи Западного Китая.

Трудности, которые испытывали беженцы на пути в Китай, не поддаются описанию. Среди беженцев было много стариков, женщин и детей. Особенно тяжело было беднякам: не имея лошадей, теплой одежды, продуктов, они шли пешком, многие из них погибали от голода и холода. Их настигали и истребляли каратели. Сравнительно легко переносили переход баи и манапы. Имея хороших верховых лошадей, они шли впереди и меньше страдали от преследователей.

Из-за отсутствия подножного корма, трудностей перехода по глубокому снегу и сильных морозов начался массовый падеж скота. Как свидетельствуют рассказы очевидцев восстания, скот у беглецов падал сотнями и тысячами в день; все пути следования были завалены трупами павших

животных. Значительная часть скота была отбита карателями. Беженцы при переходе через горные перевалы на китайскую территорию с конца сентября до первой половины ноября потеряли почти весь свой скот – лошадей осталось 10%, баранов – 25%, верблюдов 50%⁶.

Представители китайских властей враждебно относились к беженцам и всячески преследовали их, опасаясь влияния беженцев-мятежников на коренное население Восточного Туркестана. Для того, чтобы не допустить беженцев в пределы Китая, вдоль границы, особенно на перевалах, были поставлены усиленные отряды пограничников и страж. Во всех пограничных населенных пунктах появились многочисленные объявления, запрещающие переход мятежников на китайскую территорию. Такое отношение к беженцам объяснялось нежеланием местных китайских властей осложнять взаимоотношение с Россией, которая требовала вернуть беженцев (кыргызов, казахов и дунган) на основе существующих договоров между Китаем и Россией (Кульджинский договор 1851 г., Пекинский договор 1860 г.), согласно которым перебежчики немедленно передаются друг другу.⁷ А с другой стороны, беженцы, находясь в крайне тяжелом положении, нуждались в помощи, а китайские чиновники не только не думали помочь, а наоборот, смотрели на беженцев как на источник эксплуатации и делали все, чтобы захватить и присвоить жалкие остатки их имущества. Военный губернатор Семиреченской области в своем отчете за 1916 г. отмечал: «Представители китайской власти обрадовались легкой наживе, отобрали у беглецов скот, имущество и даже женщин, а затем начали гнать их обратно в наши пределы»⁸.

Фактически благополучно могли перейти границы Китая только те, которые платили богатую мзду китайским пограничникам и местным властям. Так, сыновья Шабдан батыра заплатили 35 тысяч рублей и беспрепятственно перешли границу вместе со своими соплеменниками и

стадами.⁹ И не случайно Мокуш и Самудин Шабдановы и другие манапы быстро нашли общий язык с правителем Кашгарии и находились под его защитой и покровительством. Когда в Уч-Турфан и Кашгарию прибыл войсковой старшина Бычков с 60 казаками, как представитель царского правительства, и потребовал выдать этих манапов, правитель Кашгарии ответил, что «Шабдановы являются такими же гостями на китайской территории, как и Бычков со своим отрядом, имеющими поэтому такое же право рассчитывать на китайское гостеприимство, как и сам войсковой старшина Бычков».¹⁰ Покровительствовал над представителями феодальной знати, бежавших в Китай, и правитель Кульджи, который также получил от баев и манапов немало подарков – скот, лошадей, деньги и очень много опиума.

Основная же масса беженцев-кыргызов бедствовала, многие умирали от холода и голода. Об этом свидетельствуют изученные архивные документы. Царский чиновник, приезжавший в Западный Китай, чтобы вернуть беженцев, в своем рапорте от 9 декабря 1916 г. писал: «Встречая в базарные дни наших киргизов в Уч-Турфане, приходится удивляться их бедности: все они полураздеты и босы. Одежду их составляет халат из дабы, а подошвы из сырой животной шкуры».¹¹ Опухшие от голода, обездоленные беженцы в поисках куска хлеба и в надежде найти какую-нибудь работу бродили по селам и городам западного Китая. Но их встречали враждебно и отовсюду гнали. Чтобы не умереть от голода, беженцы продавали все, что можно было отнести на рынок. На базарах цены на одежду и обувь, на предметы домашнего обихода (кошмы, арканы, чайники, седла, уздечки, казаны и т.д.) намного снизились, а на продукты питания, на хлеб повысились в 5-6 раз. Все это не могло не ухудшить и без того тяжелое положение беженцев. Нередко были случаи, когда они обращались к местным коренным жителям с просьбой усыновить их детей, которые умирали от голода. Были и такие

случаи, когда местные баи вынуждали бедняков-беженцев отдавать им несовершеннолетних девушек и жен за гроши и горсть зерна.

Войсковой старшина П.В.Бычков, побывавший в Кашгарии и Уч-Турфане по делу беженцев, в своем рапорте отмечал, что киргизы «продают последнюю свою одежду; весь Уч-Турфанский базар завален киргизскими вещами, как то: войлоками с юрт, казанами, арканами, седлами и остальными домашними вещами». Он особо отмечал: «Даже есть случаи – матери оставляют своих грудных детей, продают подростков, как девочек, так и мальчиков».¹²

*Ахунбаев И.К. (1908-1975)-
Стал личностью
национального значения*

В числе таких проданных детей был и 8-летний мальчик Иса Ахунбаев из с.Тору-Айгыр Иссык-Кульского района, когда его родители в 1916 г. вынуждены были пойти на это, находясь на положении беженцев в Китайском городе Уч-Турфан. В связи с этим, здесь уместно привести слова самого Исы Коноевича Ахунбаева, ставшего при Советской власти знаменитым ученым и хирургом, президентом АН Кыргызской Республики:

«Жизнь киргизов на китайской земле была тяжела и трагична. Голодные и холодные, они стали продавать своих детей за несколько фунтов кукурузной муки, за несколько аршинов маты. В числе таких детей 8-летним я был продан уйгурскому богачу Алахуну, у которого был подпаском. Трудно описать горе киргизов в этой стране. Хорошо помню, как беженцы спасались в поймах рек, в кустарниках джерганака (облепихи). В поисках пищи они нанимались к богатым китайцам и уйгурам в батраки. У моих родителей кроме меня

было еще двое детей – старший брат и младшая сестра. Их жизнь была спасена ремеслом отца, который умел сапожничать. А весной 1918 г., когда все торуайгырцы (всего 15 семей) готовились вернуться на Родину – как вспоминает Иса Коноевич – Алахун не отдал меня моему отцу, и мои родители ушли дальше на две ночевки от стойбища Алахуна. К моей великой радости через два дня отец вернулся на саврасовой кобылице и украдкой увез меня».¹³

В крайне тяжелом положении были семьи Ырамана и Асана, беженцев из аила Корумду Кунгей-Аксуйской волости Иссык-Кульской котловины. Когда они оказались в Уч-Турфана Ыраман уулу Эстебес, чтобы не умереть от голода, согласился ухаживать днем и ночью за одной дунганской старушкой, а 15-летний Абдыкерим Асан уулу работал конюхом у того же богатого дунгана. Он днем и ночью присматривал и ухаживал за 5 лошадьми-иноходцами богача, фактически ничего не получая за свой труд. У этого богача работала еще 12-летняя девочка-киргизка по имени Зуура, тоже из села Тору-Айгыр, она пекла хлеб. Абдыкерим и Зуура познакомились и вместе стали кормить и поить лошадей богача.

Когда все беженцы-кыргызы стали возвращаться в родные края дунганский богач не хотел отпускать их, но все трое украдкой убежали. И весной 1918 г. они (Эстебес, Абдыкерим и Зуура – будущие супруги) вместе со всеми родственниками, с большим трудом добрались до берегов озера Иссык-Куль.¹⁴

Так, кыргызы-беженцы в Китае очутились в таком положении, что большая часть их вынуждена была существовать продажей своих детей, жен и дочерей. По заявлению самих беженцев после возвращения из Китая около 4 тысяч девушек и женщин были отданы в рабство местным китайским богачам.¹⁵

На почве систематического недоедания, отсутствия элементарных санитарных условий среди беженцев вспыхнула эпидемия брюшного тифа, цынги, оспы, которые унесли около

10 тысяч человек. Общее число кыргызов и казахов, погибших в Западном Китае, к 1 мая 1917 г. достигло 70-87 тысяч человек.¹⁶

Беглецы не могли долго оставаться на чужбине и были вынуждены просить помощь у официальных представителей русского государства в Китае (в Кульдже и Кашгарии).

Русский консул в Кашгарии в донесении от 1 декабря 1916 г. отмечал, что «доведенные до такой крайности киргизы проявляют сговорчивость и желание возвратиться в пределы России, и даже те из них, которые теперь еще упорствуют».¹⁷ Они даже прислали своих представителей в Нарын и просили разрешить вернуться в наши пределы».¹⁸ Однако царское правительство поставило такие условия, которые невозможно было выполнить. В частности, требовали выдать руководителей восстания, сдать все виды оружия, поставить от каждой волости по 200 лошадей для армии и возместить материальный ущерб, нанесенный восстанием. По существу это означало отклонение колониальными властями просьбы беженцев.

Но вскоре в России в феврале 1917 г. произошла революция, и радостная весть о свержении царского режима быстро распространилась среди кыргызов и казахов, находившиеся на территории Китая. Усилилось среди них стремление вернуться в родные края.

Источники и литература:

1. См. Усенбаев К. Указанная работа .- с.236 ; Турсунов Х . Указанная работа.- с.49.
2. Восстание 1916 года в Киргизстане. Документы и материалы .- с.114.
3. Там же.- с. 114.
4. РГИА , ф. 1291, оп. 84, д.57, л.13; Усенбаев К. Указанная работа.- с.238.
5. ЦГА Республики Узбекистан, ф.1, оп.31, д.1136, л.132, 184-195; Рукописный фонд ИЯЛ им.Ч.Айтматова НАН Кырг.Республики, инв.№

1491, л.5; инв.1519(2), л.89; инв.№1519(10-а), л.97-98; инв.1519(3), л.13 – 14, Усенбаев К. Указанная работа.- с.239.

6. Восстание 1916 года в Киргизстане . Документы и материалы.- с.103.

7. Там же.- с.118 – 119.

8. ЦГА Республики Узбекистан , ф.1 , оп.31 , д. 1182, л.17 – 18; см.Усенбаев К. Указанная работа .- с. 240.

9. Восстание 1916 года в Киргизстане . Документы и материалы .- с.166.

10. Там же.- с.108,121.

11. ЦГА Республики Казахстан , ф.44 ,оп.2 , д.16924 , л.184 – 193 ; Рукописный фонд ИЯЛ им.Ч.Айтматова НАН Кырг. Республики , инв.№ 136, л.37 -38; Усенбаев К. Указанная работа.- с.241.

12. Восстание 1916 года в Киргизстане. Документы и материалы .- с.103, 108, 115 .

13. Ахунбаева Н.И., Фингер М.Г., Ахунбаев М.И. Хирург Ахунбаев.(Очерк о жизни и деятельности.) Фрунзе, «Кыргызстан» , 1983.- с. 10 – 11.

14. Воспоминание Абдыкерима Асанова (по записи его сына Абла Абдыкеримова,5 августа 2013 г.).

15. ЦГА Республики Узбекистан , ф.0.17, д. 285. л.9; Рукописный фонд ИЯЛ им.Ч.Айтматова НАН Кырг.Республики, инв.№62, л.131; Усенбаев К. Указанная работа.- с.242.

16. РГИА ,ф.1291, оп.84, д.57, л.13; Усенбаев К. Указанная работа - с.242.

17. ЦГА Республики Узбекистан,ф.1,оп.31,д. 1136 ,л. 195; Усенбаев К. Указанная работа.- с.242.

18. Рукописный фонд ИЯЛ им.Ч.Айтматова НАН Кырг. Республики, инв.№ 60, л.62, Усенбаев К. Указанная работа.- с.242.

3.Возвращение кыргызов из Китая на Родину

Возвращение кыргызов из Китая началось с марта 1917 г. Они группами шли со стороны Кашгарской, Уч-Турфанской и со стороны Кульджинской провинций. Большинство из них двигались по реке Сары-Джаз и Текес-Каркара в Пржевальский уезд. А в центральный Тянь-Шань – через Торугарт, Ат-Башы и

Нарын. Многие из них не имели теплую одежду, обувь и продовольствие. Голодные и истощенные кыргызы умирали в пути. Так и обратный путь беженцев из Китая был усеян трупами. Неизмеримые картины ужаса и страдания людей не поддаются описанию. Кыргызы и казахи возвращались нищими и обездоленными. К маю 1917 г. возвратились около 64 тысяч человек, 38 тысяч все еще оставались в Китае¹.

После свержения царизма беженцы-кыргызы надеялись, что новое правительство вернет им утраченные земли, предоставит им долгожданную социальную и национальную свободу. Но эти надежды не оправдались. Здесь возникает вопрос: что произошло в России и Туркестане и почему надежды обездоленных народных масс не оправдались? Чтобы ответить на этот вопрос отметим: после свержения царской власти, в процессе революционной борьбы, в центре страны создавались Советы рабочих и солдатских депутатов. По идее эти Советы должны были стать органами народной власти. Однако, в них в то время преобладали меньшевики и эсеры. Они предали интересы народа и отдали власть буржуазии, образовавшей Временное правительство.

События в Туркестане, в частности в Семиречье и в районах Северного Кыргызстана, развертывались под влиянием революционного процесса в России и являлись его неотъемлемой составной частью.

Органы Временного правительства первое время скрывали от населения Семиречья поступавшие из Петрограда телеграммы о свержении царского режима. Сообщения о революционных событиях в Петрограде, Москве и Ташкенте доходили до населения от работников почты и телеграфа, из частных писем и другими путями. Народные массы с радостью встретили весть о свержении царизма и начали приобщаться к активной политической жизни.

Весной 1917 г. в Верном, Пишпекке и др. городах Семиречья были созданы, по примеру революционных центров страны,

Советы рабочих и солдатских депутатов. Но все эти Советы в первые месяцы после Февральской революции находились под влиянием мелкобуржуазных соглашательских партий – меньшевиков и эсеров. Они занимали позицию поддержки политики Временного правительства.

Но вопреки меньшевистско-эсеровскому руководству революционные настроения и требования народных масс не могли не отразиться на решениях и деятельности Советов. Революционное движение народных масс развертывалось как в областном центре, так и в уездах Семиреченской области. Так, 3 апреля на митинге рабочих и солдат в г. Верном было принято постановление об отстранении от власти всех царских чиновников, в частности, об аресте всех уездных начальников, всех начальников полиции и т.д. Все эти лица на основании этого постановления были арестованы, был арестован и начальник Пишпекского уезда Рымшевич².

По требованию народных масс объединенное заседание Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов 30 марта 1917 г. приняло постановление об отстранении генерала Куропаткина от власти и его домашнем аресте, а также об отделении в крае гражданской власти от военной, что означало ликвидацию Туркестанского генерал-губернаторства³.

По постановлению Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов 7 апреля 1917 г. был образован так называемый Туркестанский комитет Временного правительства под председательством кадета Щепкина. В состав комитета вошли эсер О.Шкапский, алашординцы Букейханов, Тынышбаев, генерал-майор Давлетшин и др. Так образовались органы Временного правительства в Туркестане⁴. И на местах власть была сосредоточена в руках областных и уездных комиссаров Временного правительства, которые также назначались из числа бывших царских чиновников и алашординцев, тесно связанных со старой колониальной администрацией. Так, в июне 1917 г. комиссарами Временного

правительства в Семиречье были назначены бывший чиновник Переселенческого управления, активно проводивший царскую колонизаторскую политику, тот самый эсер О.Шкапский и один из главарей алашординцев – М.Тынышбаев.

Во всех кыргызских и казахских волостях и аулах были сохранены волостные управители и сельские старшины и т.д. Таким образом, вся перемена, по существу после февральской революции, в Туркестане свелась к переходу власти из рук ставленников царя в руки представителей империалистической буржуазии, которая продолжала считать Туркестан своей колонией, как источник сырья и рынка. Поэтому вся политика, проводимая Временным правительством, ничем не отличалась от политики царской власти. Особенно жестоко великодержавная колонизаторская политика Временного правительства и его местных органов проявилась в отношении к кыргызам и казахам, которые еще находились в Западном Китае, и всячески препятствовала возвращению их в родные края.

В начале мая Туркестанский комитет Временного правительства принял даже специальное постановление, в котором говорилось о нежелательности появления беженцев в крае. Временное правительство, пытаясь сдержать поток беженцев, не останавливалось ни перед чем. Создавались военные и кулацкие отряды, действовавшие против кыргызов, возвращающихся из Китая. В ход было пущено даже оружие. К границам двигались войска и казачьи полки. В горных проходах выставлялись охрана и сторожевые заставы. Однако ничем нельзя было остановить движение беженцев в родные места.

Одним из этих беженцев был Юсуп Абдрахманов: в то время ему было 15-16 лет. Вернувшись из Китая, добывая средства на жизнь, работал конюхом, дворником у офицеров Пржевальского военного гарнизона. Он видел все эти описанные события своими собственными глазами.

Позже, при Советской власти, он, бывший беженец, став крупным государственным деятелем, отдавая заслуженную дань глубокого уважения памяти борцов за национальное и социальное освобождение кыргызского народа, в своей работе «О восстании 1916 года», опубликованной в 1932 г., писал: «После февральской революции, когда беженцы начали возвращаться из Китая, у них не оказалось ни земли, ни приюта. Они группами работали у русских кулаков, у татарских купцов за кусок хлеба, за фунт чая и местами за то только, чтобы их кормили». Далее он отмечал: «Поскольку Временное правительство было правительством буржуазии и помещиков, действия его органов нельзя было отличать от действий органов царской власти. Никакой реальной помощи со стороны Временного правительства беженцам-киргизам в организации возврата им земельной территории и оказании материальной помощи не было. Наоборот, при Временном правительстве были такие случаи, когда в Каракольском уезде один татарский купец, некто Ибрагимов, десяток киргиз запрягал в молотильный каток, как будто у него не хватало лошадей, и силой батраков обмолачивал киргизскую пшеницу, ячмень, которые они не успели убрать во время восстания в 1916 г., и клал их в свой амбар.

Этот же купец в Джеты-Огузском ущелье, в роще дикой смородины, которую он сделал своей собственностью, заставлял киргиз собирать смородину, и когда у кого-нибудь из киргиз видел язык, почерневший от того, что он покушал смородины, он вытягивал его и бил колючкой по языку. Все это делалось на виду у представителей Временного правительства»⁵.

Временное правительство и его местные органы вместо того, чтобы помочь беженцам вернуть им земли, отобранные царским правительством и кулаками колонизаторами, приняли все меры к осуществлению плана царской власти о выселении коренных жителей из Чуйской долины, Кемина и Иссык-

Кульской котловины в так называемый Нарынский уезд. На специальном совещании, состоявшемся в Пишпеке, было решено заселить районы Нарына «мятежниками», в первую очередь, кыргызами-беженцами, возвращающимися из Западного Китая. Это решение вызвало резкий протест и возмущение кыргызов и казахов 17 волостей Пржевальского, Пишпекского и Джаркентского уездов. Они настойчиво требовали вернуть им земли, отнятые царизмом и захваченные кулаками-переселенцами. С этим требованием они телеграммой обратились к Туркестанскому комитету Временного правительства и Краевому Совету рабочих и Солдатских депутатов. Однако ни Временное правительство, ни его меньшевистско-эсеровские Советы не удовлетворили требования беженцев. Ничего не сделали и не хотели делать комиссары Туркестанского комитета Временного правительства О.А.Шкапский и М.Тынышбаев, специально назначенные по Семиреченской области для решения вопросов землеустройства беженцев – казахов и кыргызов. Когда они ехали в Верный, их в Пишпеке встретили представители беженцев и рассказали о своей горькой доле: как кулаки убивают беженцев группами, как беженцы умирают от голода, и просили принять меры, чтобы оградить их от кулацкого террора, и помочь им устроиться на земле. И что же сделали Тынышбаев и Шкапский? Ответ Тынышбаева был коротким и ясным: «Не я заставлял вас поднимать восстание и не мое дело теперь заниматься этим»⁶.

В этом нет ничего удивительного. Февральская революция и рожденное ею, так называемое «демократическое» правительство, обманули надежды, возлагавшие на них кыргызами-беженцами, когда они возвращались из Китая. Органы этой власти фактически отказались спасти беженцев от кулацкого террора и голодной смерти, отказались вернуть им земли, отобранные царским правительством и кулаками-переселенцами - колонизаторами.

Кулаки-переселенцы, казачья верхушка и другие колонизаторски настроенные лица при активной поддержке Временного правительства и его местных органов чинили произвол над коренным трудовым населением, особенно над участниками восстания. Они не останавливались перед открытым грабежом и даже истреблением коренных жителей. Русское кулачество, потерпевшее некоторый материальный урон в восстании 1916 г. создавало отряды, которые ездили по аулам и убивали кыргызов. А кыргызы фактически были беззащитными. Вот что пишет Ю.Абдрахманов по этому поводу: *«В Каракольском уезде, где восстание было наиболее жестоким, для кыргиз национальный костюм стал национальным позором, национальным врагом. В кыргызской шапке, в кыргызском халате нельзя было показаться на каракольских улицах. Кулаки, которые приезжали на базар, обязательно устраивали самосуд, избивали камнями, издевались, а представители власти – полицейские – «хранители» порядка стояли тут, накручивали ус и смотрели, как хорошо кулаки, колонизаторы расправляются с беззащитными кыргизами.»*⁷ Разве это не трагедия народа? Безусловно, - это была трагедия народа. Кыргызы, вернувшись из Китая, на своей родине стали беззащитными! Разве это не трагедия, когда они на своей родине не могли одевать свою традиционную национальную одежду, боясь показаться в кыргызской шапке, боясь ходить в национальном «Ак-Калпаке» на каракольских улицах?! Это была национальная трагедия кыргызского народа!

Кулацкий террор принял широкий размах, особенно в Пржевальском уезде. Так, в районе села Валерьяновское, озверевшие кулаки-переселенцы, руководимые бывшим начальником карательного отряда полковником Гейцигом и при поддержке местного комиссара Временного правительства Шабалина, зверски перебили группу беженцев, возвратившихся из Китая. Произошла кровавая расправа и грабеж над

беженцами в местности Ичтык (Ыштык на сырте Иссык-Куля, в районе пересечения рек Бедель и Баралбас), где было убито 42, ранено 15 человек. В Западной части Пржевальского уезда кулаки-переселенцы, организовав специальный отряд, напали на группу беженцев, в результате которого погибли 200 человек.

В апреле кулаки из с.Покровка и Кольцовка Пржевальского уезда и их сыновья, вернувшиеся из армии, зверски убили 9 человек – бывших участников восстания. Они завернули их в кошмы, облили керосином и сожгли. А на севере озера Иссык-Куль действовал кулацкий отряд из 40 человек. Он постоянно грабил беженцев, которые возвращались из Китая. Жестоким грабежам, издевательствам и истреблению подвергалось коренное население Центрального Тянь-Шаня, Загорного и других участков Пишпекского уезда. И повсеместно кыргызы-беженцы зверски уничтожались кулацкими отрядами под предлогом наказания за участие в «мятеже». Достаточно сказать, что только в Пржевальском уезде таким способом было убито около 2 тысячи человек. А общее число беженцев и участников восстания, убитых колонизаторами и погибших от голода и эпидемии в период деятельности Временного правительства, достигло до 20 тыс.человек.⁸

Следует отметить, в результате жестокого подавления восстания и истребления участников восстания численность коренного населения Северного Кыргызстана уменьшилась на 119 215 человек или на 41,4%, а по Семиреченской области – на 25%.⁹ Это значит, как отмечает К.Усенбаев, коренное население Северного Кыргызстана, особенно Пржевальского и в значительной степени Пишпекского уездов, находилось под угрозой поголовного истребления и вымирания.¹⁰

Только победа Советской власти, как в центре страны, так и в национальных районах, давшая всем угнетенным народам социальную и национальную свободу, спасла участников восстания от неминуемой гибели. С установлением Советской

власти, ликвидацией колониального режима прекратилось преследование трудящихся за участие в восстании. Коммунистическая партия и Советское правительство приняли срочные меры по оказанию помощи бедствующим и голодающим кыргызам, устройству их на земле и возвращению беженцев, оставшихся в Китае.

Для оказания материальной помощи кыргызам-беженцам в начале 1918 г. были организованы специальные комитеты, получившие название Комитеты беженцев – «Комбеж», открыты ряд пунктов по снабжению хлебом для голодающих кыргызов. Комитеты беженцев проводили большую работу по сбору продовольствия, скота, одежды, обуви, кошм, частей юрт и пр. Для спасения голодающих кыргызов, особенно беженцев, на основных путях их следования, были организованы «питательные пункты». Такие пункты были созданы в Пржевальске, Кольцевке, Нарыне, Токмаке, Пишпеке, в местностях Каркыра, Тон, Кутемалды, и в результате, этими мерами и были спасены от голодной смерти сотни и тысячи обессиленных беженцев.

Советская власть сама испытывала огромные финансовые и экономические трудности, но, несмотря на это, выделила для беженцев 100 млн.рублей и сотни, тысячи беженцев получили денежные пособия. Только в Пишпекском участке пособия получили более 250 кыргызских семей¹¹.

В решении экономических и социально-политических вопросов в жизни участников восстания большую роль играла Особая комиссия, созданная специальным решением ЦИК Туркестанской ССР от 3 февраля 1920 г.¹² Эта комиссия приняла ряд решительных мер, чтобы все коренное население Семиреченской области, которое находилось еще в пределах Китая, могли вернуться в родные края и пользоваться своими землями. Особой комиссии были предоставлены широкие полномочия. Она имела право арестовывать и передавать в суд кулаков-переселенцев и всех эксплуататоров в случае, если

они будут препятствовать передаче земли и всего другого имущества прежним владельцам. Только благодаря всесторонней поддержке и содействию трудящихся, а также местных органов Советской власти Особая комиссия ТуркЦИКа с честью выполнила возложенные на нее обязанности.

Следует также отметить, что вести об установлении Советской власти, уничтожении колониального режима и эксплуататорского строя были встречены беженцами-кыргызами, оставшиеся еще в Китае, с огромной радостью. До них дошла подлинная достоверная информация о всесторонней помощи, оказываемая Советским правительством участникам восстания и всем беженцам. Узнав о коренных политических и социальных изменениях, произошедших в стране, они твердо решили возвратиться на родину. Однако, многие беженцы-кыргызы без помощи и вмешательства Советского правительства не могли вырваться из цепких рук местных эксплуататоров Китая. Поэтому Коммунистическая партия и Советское правительство приняли ряд срочных мер. В Западный Китай были отправлены две делегации, которые вели переговоры об устранении всех препятствий, созданные местными феодалами и китайскими властями беженцам при возвращении их на Родину. Китайские местные власти требовали за них выкуп. Это условие было принято Советским правительством. Оно выделило необходимые средства для выкупа беженцев, находившихся на положении рабов у местных феодалов и купцов-ростовщиков. Таким образом, лишь благодаря заботам Коммунистической партии и Советского правительства с 1918 по 1924 гг. почти все беженцы-кыргызы вернулись на Родину.

В Кыргызстане теперь остро стоял вопрос о землеустройстве всего коренного трудового населения, в частности, все земельные владения, захваченные русскими кулаками-переселенцами, должны были быть возвращены беженцам-кыргызам. В решении этой проблемы важную роль сыграла

земельно-водная реформа, проведенная в 1921-1922 гг. Одной из основных задач этой реформы состояла в том, чтобы вернуть кыргызскому народу земли, которых они лишились в результате колонизаторской политики царизма. И на этой основе, прежде всего, землеустроились все кыргызы-беженцы. Аграрная реформа 1921-1922 гг. носила преимущественно антиколониальный характер и разрушила устои эксплуататорского общества.

Источники и литература:

1. РГИА, ф.1291, оп.84, д.57, л.13; Усенбаев К. Указанная работа.- с.243; Турсунов Х. Указанная работа.- с.49.
2. «Семиреченские областные ведомости», 1917, 8 апреля, Верный; ЦГА Республики Казахстан, ф.9, оп.1, д.7, л.41; Покровский С.Н. Победа Советской власти в Семиречье. Алма-Ата, 1961.- с.64.
3. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Сб. документов. Ташкент, 1947.- с.42.
4. Там же, с.43.
5. Абдрахманов Ю. Указанная работа.- с.273.
6. Цитировано по указанной работе Ю.Абдрахманова.- с.274.
7. Там же. с.272.
8. По изложенным материалам см. Усенбаев К. Указанная работа.- с.248-249.
9. ЦГА Республики Узбекистан, ф.1, оп.31, д.1182, л.18; РГИА, ф.1291, оп.84, д.57, л.13; Усенбаев К. Указанная работа.- с.249.
10. Усенбаев К. Указанная работа.- с.249.
11. ЦГА Республики Узбекистан, ф.17, д.485, л.3; д.285; Рукописный фонд ИЯЛ им. Ч.Айтматова НАН Кирг.Республики, инв.№62, л.119, 120-121.
12. ЦГА Республики Узбекистан, ф.17, д.485, л.3; Рукописный фонд ИЯЛ им. Ч.Айтматова НАН Кирг.Республики, инв.№62, л.119.

4. Характер, движущие силы, особенности восстания и его политическое значение

Восстание 1916 г. было вызвано национальным и колониальным гнетом царского самодержавия и своим острием было направлено против его угнетательской и грабительской политики.

Широк был масштаб и размах восстания. Оно охватило почти всю Центральную Азию с 10-миллионным населением. Особенно бурным и ожесточенным это восстание было в Кыргызстане, в частности в его Северных районах. Восстание в этих районах было порождением, неизбежным результатом той системы колониального гнета, грабежа, который складывался на севере Кыргызстана, как следствие земельно-переселенческой политики царизма.

В северных районах Кыргызстана, особенно накануне восстания, усилилось изъятие земель и вытеснение кыргызов в бесплодные горные районы, где они были бы обречены на медленное вымирание. И это стало *главной причиной* восстания 1916 года. Кыргызский народ поднялся прежде всего на борьбу против захвата его земель колонизаторами, против антинародной аграрно-земельной политики царизма, и боролся за свои права на жизнь, за социальную и национальную свободу.

Кыргызский народ, как и все восставшие народы этого края, боролся также против военной политики царизма – против разорительной Первой мировой войны, одним из участников которой была царская Россия. Эта война, как империалистическая, разрушившая хозяйство России и уносившая миллионы человеческих жизней, как известно, еще больше усилила колониальный гнет народов Центральной Азии, откуда во всевозрастающем размере выкачивались на нужды войны сырье, продовольствие, скот, деньги, а также значительно увеличилось налоговое бремя. Все это резко обострило недовольство и ненависть народных масс к царизму,

самодержавию и ко всем царским чиновникам, независимо от их национальной принадлежности.

Восстание 1916 г., происходившее в Кыргызстане и почти на всей территории Центральной Азии в весьма сложных условиях - условиях крайнего обострения всех внутренних и внешних (особенно военно-геополитических) противоречий империализма, было подготовлено всем ходом социально-экономического и политического развития царской России конца XIX и начала XX веков.

Из многих причин, которые вызвали восстание, длившееся 4-5 месяцев и охватившее почти весь регион и всю разрозненную территорию Кыргызстана, очень ярко вырисовываются следующие моменты: усиление национального и колониального гнета, аграрно-переселенческая политика царизма и массовое изъятие земель, увеличение различных налогов и поборов, царский указ о мобилизации «туземцев» на военно-тыловые работы, царская политика насильственной русификации, распространение коррупции, разжигание национальной розни, всяческое культивирование среди русского населения великодержавного шовинизма – *все это и определило характер восстания 1916 г., не только как национально-освободительного, но и как антиколониального, антиимпериалистического и антивоенного движения.*

Антивоенный характер восстания очень ярко проявился в открытых выступлениях трудящихся против войны, и в первую очередь, против мобилизации коренного населения на военно-тыловые работы. Никто не верил, что набор идет именно на тыловые работы. Почти все были уверены в том, что под этим предлогом набирают в солдаты, а служить солдатом в царской армии никому не хотелось.

Немаловажную роль в таком отрицательном отношении трудящихся масс к набору сыграло и их знание действительного положения на фронте. Живя в близком

соседстве с русскими крестьянами, имея среди них большой круг знакомств, многие кыргызы были хорошо осведомлены, что многие из тех русских людей, которых отправили на фронт, живыми не вернулись.

Поэтому трудящиеся массы кыргызского народа, как и другие народы края, категорически отказывались служить в трудовой армии. Они открыто выражали свою ненависть, прежде всего царю, подписавшему указ о мобилизации «туземцев» на военно-тыловые работы. Повсеместно, особенно в Северных районах Кыргызстана, они уничтожали портреты императора и даже бумажные деньги, серебряные монеты с изображением царя, посылали проклятия в адрес членов его семьи. Они гневно заявляли: «Зачем мы будем защищать царя, именем которого нас грабят русские кулаки, манапы-болуши и аткаминеры? Не дадим рабочих! Лучше умереть дома, чем на войне!» и т.д.

Восстание 1916 г. по своему характеру было и общенародным выступлением. Общенародным, поскольку оно активно поддерживалось и сочувствовалось огромным большинством населения. Если исходить из этого, в восстании 1916 г. принимали участие самые широкие слои населения, различные социальные группы, представители разных классов: рядовые скотоводы, земледельцы и батраки, изнемогавшие под гнетом колонизаторов и местной феодальной знати, что и составили фактически движущие силы восстания.

То, что народные массы составляли движущую силу восстания, признавали даже сами царские чиновники. Об этом свидетельствуют сведения, содержащиеся в рапортах, телеграммах и других документах, составленные царскими чиновниками. Один из этих документов гласит: «Огромное число мятежников состоит из беднейшего класса киргизов. Преданными правительству остались лишь привилегированные классы киргиз – богачи»¹.

Наиболее активное участие в общенародном восстании принимала молодежь, подлежавшая мобилизации. Бедняки и молодежь зачастую были организаторами общенародных выступлений. Именно они, прежде всего, подняли знамя борьбы за национальную свободу и выступили против царских колонизаторов.

Об общенародности движения свидетельствует и такой момент: в нем принимали участие представители почти всех национальностей, населявшие территорию Кыргызстана: казахи, дунгане, уйгуры, сарт-калмаки. Они оказывали братскую помощь кыргызам и вместе боролись против царских колонизаторов.

Восстание 1916 г. протекало в условиях, когда массовое и систематическое изъятие земель губительно отразилось на жизнь коренного населения, когда беднота задыхалась от безземелья и малоземелья, а часть местной феодальной знати служила царизму и выражала интересы колонизаторов. Поэтому восстание казалось было направлено не только против царизма, против его аграрно-переселенческой политики, но и против местных «собственных» феодалов, бай-манапской верхушки. Но это не означало, что восстание было направлено против феодализма и носило антифеодальный характер, как это изображают некоторые авторы. В этом плане особо выделяются взгляды А.Г.Зимы (Институт истории АН Кирг.ССР) и А.В. Пяковского (Институт истории АН СССР).

В мае 1953 г. в г.Фрунзе проводилась научная конференция историков Кыргызстана совместно с историками Москвы, Санкт-Петербурга и других союзных республик, посвященная специальной проблеме о характере национальных движений народов Средней Азии и Казахстана дореволюционного периода. С докладами по этим проблемам выступили проф.А.В.Пяковский («О характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX и в начале XX веков») и доц. А.Г.Зима («О характере восстания 1916 года в Киргизии»). Они

опубликованы в специальном выпуске в трудах Института языка, литературы и истории Кир.ФАН СССР.² В этих докладах восстание 1916 г. в Средней Азии и Кыргызстане в целом получило объективную оценку и характеризовалось как прогрессивное, национально – освободительное движение.³ Однако, это движение, как указывал А.В.Пясковский, использовалось феодально– клерикальными элементами в своих классовых интересах, им удавалось в отдельных районах захватить руководство движением и «превратить прогрессивное, антиимпериалистическое, антицарское движение масс в националистическое, антирусское движение.»⁴

А.Г.Зима в своем вышеотмеченном докладе «О характере восстания 1916 г. в Киргизии» говорила: «Причины, а следовательно, и характер восстания определились двумя основными фактами: во-первых, колониальным положением Киргизии, господством в ней российского военно-феодального империализма и во-вторых, патриархально-феодальным гнетом местной эксплуататорской верхушки. Накануне, и особенно, в условиях Первой мировой войны этот двойной гнет достиг особой силы, что и вызвало волну народного восстания».⁵ Если исходить из этого положения, то кыргызский народ в дни восстания 1916 г. боролся на два фронта: против царизма и против местных «собственных» феодалов, а восстание 1916 г. по своему характеру было не только национально-освободительным, но и антифеодальным движением. А вопрос «о двойном гнете» – это своеобразная попытка сбалансировать гнет царских колонизаторов и гнет местных «собственных» феодалов, и свести на нет остроту колониального гнета, и усилить так называемый антифеодальный характер восстания, и на этой основе уменьшить роль и значение национально-освободительного характера восстания 1916 года.

Профессор А.В.Пясковский - ответственный редактор крупного сборника документов «Восстание 1916 года в Средней

Азии и Казахстане», изданного АН СССР в 1960 г., написавший предисловие этого сборника, фактически давал установку в определении содержания и характера восстания 1916 года. Он утверждал: «Это была по сути дела крестьянская война, направленная своим острием против царского самодержавия. Она начинала вместе с тем перерастать кое-где (видите - не повсеместно, а лишь «кое-где»-Н.И.) в антифеодальное движение, направленное одновременно против местной феодально-байской верхушки. Восставшие расправлялись не только с волостными управителями и сельскими старшинами, но и нападали иногда (видите - не всегда, а «иногда»-Н.И.) на имения крупных феодалов».⁶

К взглядам А.В.Пяковского мы еще вернемся ниже, а теперь скажем несколько слов и о взглядах К.Усенбаева. В изучении истории восстания 1916 г. роль ныне покойного и уважаемого нами ученого К.Усенбаева, безусловно, огромна, но у него есть и ряд ошибок. Восстание 1916 г. он характеризует, в целом, как национально-освободительное, но в тоже время он говорит: «На юге Киргизии, особенно в оседлых районах, выступление носило ярко выраженный антифеодальный характер, хотя и здесь оно сохранило свое основное национально-освободительное содержание».⁷ А, говоря о выступлении трудящихся на севере Кыргызстана, он указывает, что «антифеодальный характер носило восстание и на севере Киргизии».⁸

К таким движениям он отнес: восстание рядовых дыйкан Тулебердинской волости против «своего» волостного управителя Чолпонкулова и стражника Инчина, которые пытались отправить в трудовую армию только бедняков; восстание жителей местности Шамшы против волостного управителя; выступление более 200 кыргызов, угрожавших убить Кара-Кечинского волостного управителя; выступление жителей Санташ Пишпекского уезда, которые под угрозой смерти заставили волостного управителя прекратить запись

мобилизуемых; выступление рядовых скотоводов (приблизительно 100 человек), которые намеревались убить Он-Арчинского волостного управителя и айльного старшину (Ат-Башинский участок); выступление бедняков Тынаевской волости, возглавленный смелым джигитом Джунусом Мырзабаевым, которые спустились с урочища Ак-Торкой и напали на должностных лиц и пытались отнять у них именные печати и т.д.⁹

Перечень этих выступлений показывает, что народные массы в этих местах выступали не против обычных феодалов, а против тех манапов и баев, которые занимали определенные должности в аппарате «Туземной администрации» т.е. фактически выступали против царских чиновников, в лице волостных управителей, сельских старшин, которые намеревались отправить на военно-тыловые работы только сыновей бедняков, вместо байских и манапских сынков.

Теперь отметим, как выглядело восстание на юге Кыргызстана: действительно ли выступление здесь носило ярко выраженный антифеодальный характер? Изученные документы показывают, что трудящиеся массы во всех местах выступали прежде всего против ненавистных волостных управителей, старшин и пятидесятников. Именно среди них и оказалось наибольшее число кровавых жертв восставших. На юге Кыргызстана, по официальным данным, которые приводит К.Усенбаев, только убитых из представителей местной феодальной знати, служившей колониальным властям, насчитывалось 34 человека, а всего по Туркестанскому краю – 55.¹⁰ О чем говорят эти данные? Они говорят о том, что восстание, как и на юге Кыргызстана, так и в Северных его районах носило не антифеодальный, а антиколониальный характер.

Здесь следует отметить, что эти авторы не хотели понять, что основная часть восставшего народа - это беднота, которая задыхаясь от безземелья и малоземелья, фактически

выступала не против местных феодалов, а против царских колонизаторов, поскольку все земельные массивы уже находились в руках царских колонизаторов, часть местной феодальной верхушки и их представители в местной администрации (волостные управители, сельские и аильные старшины и т.п.), против которой боролись повстанцы, как уже отмечалось выше, были не типичными феодалами, а служа царизму, фактически стали царскими чиновниками. Таким образом, царизм, царские колонизаторы и все продажные элементы местных феодалов в лице волостных управителей и т.д., объединились в один антинародный фронт и противостояли восставшему народу (можно ли здесь и в этих условиях говорить о двойном гнете?), а восставший народ повсеместно боролся не на два фронта, а выступал фактически единым фронтом против царских колонизаторов и против царских чиновников, независимо от их национальной принадлежности. Именно этого не хотели понять вышеуказанные авторы, в том числе, к сожалению, и проф. К.Усенбаев.

Он, повторяя свои ошибочные положения, утверждал: «Своеобразие восстания 1916 года заключается еще и в том, что оно было направлено не только против колониальной эксплуатации, но и против гнета местных феодалов (здесь фактически повторяются слова А.В.Пяковского и А.Г.Зимы – Н.И.)». ¹¹ И исходя из этого ошибочного положения, он делает ошибочный вывод: «Движение 1916 года носило ярко выраженный национально-освободительный, антифеодальный, антивоенный, антиимпериалистический и революционный характер». ¹² Когда он перечисляет и говорит о том, что движение носило национально-освободительный, антивоенный, антиимпериалистический и революционный характер, с ним можно согласиться, но когда к этому перечню добавляет и тезис «антифеодальный» и делает упор на то, что «на юге Киргизии, особенно в оседлых районах, выступление носило

ярко выраженный антифеодальный характер», трудно с ним согласиться.

Мы не можем согласиться и с утверждением А.Пясковского, когда он необоснованно утверждает: «В некоторых районах на северо-востоке Киргизии феодально-клерикальным элементам удалось захватить руководство восстанием и «превратить прогрессивное, антиимпериалистическое, антицарское движение масс в националистическое, антирусское движение».¹³ Он в тоже время говорил, что в этих районах «совершенно ясно вырисовывается реакционный очаг восстания». Такими реакционными очагами он считал «большинство волостей Токмакского участка и некоторые, так называемые Загорные волости (волости в районах Джумгальской и Кочкорской долинах – Н.И.) Пишпекского уезда, а также значительную часть волостей Пржевальского уезда» – это фактически все районы Северного Кыргызстана. Он даже утверждал, что феодально-клерикальные элементы в этих очагах восстание превратили «в реакционное, антирусское, феодально-монархическое, феодально-националистическое движение».¹⁴

«Руководство восстанием, - как заявляет А.В.Пясковский, - было захвачено в этих очагах манапскими элементами во главе с такими крупнейшими манапами и родовыми вождями, как сыновья известного Шабдана, как Батыркан Ногоев, Канат Абукин, Султан Далбаев и др.». И здесь же он ставит вопрос: «Какие же цели преследовала манапская ... верхушка?». Этими целями, как пытается доказать А.В.Пясковский, было отделение этих районов от России и создание своего «самостоятельного ханства».¹⁵ Кстати, как отмечает К.Усенбаев, «даже в официальных документах нет сведений о том, что восставшие стремились отделиться от России».¹⁶

Свои взгляды, высказанные в этой работе, проф. А.В.Пясковский фактически повторяет в работах, написанных им в позднее время, в частности, в предисловии

вышеуказанного сборника документов «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане». Вот, что он пишет здесь: «Руководство восстанием было захвачено в ряде волостей этого региона (районы Северного Кыргызстана – Н.И.) феодальными элементами во главе с такими крупнейшими манапами и родовыми вождями как сыновья Шабдана, Батыркан Ногоев, Канат Абукин, Султан Далбаев и др. Волостные управители, сельские старшины, избиравшиеся из среды манапско-родовых и байских элементов, не только примкнули к реакционному движению, но зачастую организовывали и возглавляли его в отдельных волостях и аулах. Манапская, феодально-родовая верхушка и здесь мечтала об отделении от России и о создании своего «самостоятельного ханства».¹⁷

Хочется здесь отметить: *во-первых*, изученные документы и другие материалы показывают, что *никто из этих манапов не мечтал об отделении от России и создании своего «самостоятельного ханства», и нет ни одного документа, доказывающего эту мечту манапов. Во-вторых*, если даже и были бы такие документы, доказывающие эти факты об отделении и создании «самостоятельного ханства», не стоило бы за это упрекать этих манапов, поскольку и они боролись против царского самодержавия. Раз они боролись, они имели право ставить вопрос о создании «самостоятельного ханства», но к сожалению, ни один из них, даже те, которые были избраны ханами, не ставили вопрос об отделении от России. Получается, профессор Пяковский просто голословно заявляет об этом, т.е. он делает то, что не сделал никто из царских чиновников. Ни один царский чиновник не обвинил этих манапов, как обвиняет их профессор Пяковский в том, будто они «мечтали об отделении от России, и хотели создать свое самостоятельное ханство» и т.д.

В-третьих, в истории национальных движений, борьбы народов за независимость есть много примеров, когда во главе

этих движений стояли феодальные верхушки, беки, ханы, дворяне и т.п., но эти движения не всегда считались реакционными. Например, в России в ноябре 1905 г. во главе восстания матросов на крейсере «Очаково» стоял дворянин лейтенант Шмидт, но это восстание никто из историков не считал реакционным. То же самое можно сказать о крестьянском движении, возглавленный Емельяном Пугачевым. И это движение ни один историк не считал реакционно – монархическим движением, несмотря на то, что Пугачев считал себя русским царем – Петром Третьим.

А профессор А.В.Пясковский, как уже отмечалось, в своих работах пытается доказать, что восстание в Северных районах Кыргызстана возглавлялось крупными манапами и оно превратилось «... в реакционное, антирусское, феодально-монархическое, феодально-националистическое движение». Но ведь в истории есть и такие примеры, когда освободительные движения возглавлялись не только крупными феодалами, но и даже ханской властью. Но от этого не менялся революционный характер этих движений.

В связи с этим, здесь уместно привести слова видного государственного деятеля Ю.Абдрахманова из его работы «О восстании 1916 года»: «Участие в восстании отдельных прослоек бай-манапов, руководство ими в отдельных случаях восстанием, и внесение в движение струи феодальной реакции в смысле восстановления ханской власти не могло изменить революционного характера восстания».¹⁸ Здесь он приводит слова И.В.Сталина, который отмечал: *«Революционный характер национального движения в обстановке империалистического гнета (подчеркнуто - Ю.А.) вовсе не предполагает обязательного наличия пролетарских элементов в движении, наличия революционной или республиканской программы движения, наличия демократической основы движения. Борьба Афганского эмира за независимость Афганистана (под руководством Амануллы-хана в 1919 -1921*

гг. – Н.И.) является объективно революционной борьбой, несмотря на монархический образ взглядов эмира и его сподвижников, ибо она ослабляет, подтачивает империализм, между тем как борьба таких «отчаянных» демократов и «социалистов», «революционеров» и республиканцев, как скажем, Керенский и Церетели, Ренодель и Шейдеман, Чернов и Дан, Гендерсон и Клайнс, во время империалистической войны была борьбой реакционной, ибо она имела своим результатом подкрашивание, укрепление, победу империализма».¹⁹ Эти слова И.В.Сталина полностью и целиком применимы для характеристики и восстания кыргызов в Северных районах Кыргызстана, во главе которых стояли такие крупные маналы, как сыновья Шабдана, Батыркан Ногоев, Канат Абукин, Султан Далбаев и многие другие, т.к. национально – освободительный революционный характер восстания 1916 г. вытекал именно из той его природы, что это было национально-освободительным движением в *«обстановке империалистического гнета»*, и имело своим результатом *ослабление, разложение и подтачивание российского империализма*.²⁰ Следовательно, и рассматриваемое движение в указанных районах Северного Кыргызстана носило не реакционный, а национально-освободительный и революционный характер. Причем, здесь оно приобрело наиболее широкий размах и имел массовый характер. Поэтому мы не можем согласиться с теми авторами, в частности А.В.Пясковским и А.Г.Зимы, которые находят в этих районах какие-то «реакционные очаги» движения 1916 г. Наоборот, на основе выше изложенного можно сказать, что эти районы были «не очагами реакционных движений», а основными районами национально – освободительных движений. А самое главное, в этих районах, как уже отмечалось, восстание, преодолев в определенной степени свою неорганизованность, поднялось в высшую стадию своего развития.

Не выдерживает критики и довод А.В.Пяковского, согласно которому в этих районах, названных «реакционными очагами», имело место убийство русских переселенцев: «...огромный процент убитых и пострадавших падает именно на мирное русское население». Пытаясь это доказать, он приводит некоторые данные из таблички, приведенной в докладе Окружного генерал-квартирмейстера за ноябрь 1916 г.: «В Верненском уезде убито всего 15 человек русских (главным образом чины администрации и воинские чины); в Джаркентском – 32 человека убито и 20 пропало без вести; в Пржевальском уезде убито 2179 и 1299 пропало без вести».²¹

На наш взгляд, даже эти данные не дают основания считать, что выступления коренного населения в указанных районах были реакционными и антирусскими лишь из-за того, что здесь имело место убийство русских переселенцев. Безусловно, восстание 1916 г., в частности выступление коренного населения в районах Северного Кыргызстана, как часть национально-освободительного движения, направленного против царского самодержавия, не могло обойтись без насилия и без убийств по отношению к колонизаторам и русским переселенцам, - это было неизбежным явлением. Но разве можно только из-за этого считать реакционным выступление народных масс против царских колонизаторов, их борьбу за землю и за национальную свободу? Это был бы, как правильно отмечает К.Усенбаев, нигилистический подход к истории,²² (т.е. полное отрицание общепризнанного принципа истории и необоснованное оправдание реакционной политики правящих кругов). Если сказать конкретно, это приведет к оправданию колониальной политики царского правительства, а в современных условиях – к оправданию политики «нового» неокOLONиализма мирового империализма во главе с США по отношению к Афганистану, к арабским странам – Ирак, Ливия, Сирия и другим странам мира.

Следовательно, выступления коренного населения в Северных районах Кыргызстана, в частности, в районах Токмака, Малого и Большого Кемина, в Иссык-Кульской котловине и в Центральном Тянь-Шане (в Загорных волостях), несмотря на некоторую жестокость, проявленную по отношению к русским переселенцам - колонизаторам, были прогрессивными, т.к. основную движущую силу здесь составляли трудовые массы, а острие выступления в этих районах было направлено против царских колониальных властей.

Ошибка историков, в данном случае А.В.Пяковского, на мой взгляд, в значительной степени объясняется односторонним и некритическим подходом к документам колониальных властей. Дело в том, что эти официальные документы преследовали цель оправдать колониальную политику царского правительства и его репрессивные меры. А повстанцы характеризуются как грабители, разбойники, головорезы, как непримиримые враги русского населения. Если к этому вопросу подходить реально и дать правильную оценку, повстанцы свою ненависть и гнев направляли не против мирного русского населения, а прежде всего, против представителей колониальных властей: уездных начальников, участковых приставов, писарей и других царских чиновников, а также кулаков-переселенцев и полицейских, зорко охранявшие интересы царского колониального режима. Чтобы наглядно это показать, приведем только некоторые факты, уже отмеченные нами выше. Так, 10 августа на южном берегу озера Иссык-Куль в с.Кольцовке повстанцы убили помощника Пржевальского уездного начальника Канчева и его охрану.²³ Восставшие кыргызы 10 августа напали на заведующего Загорным участком Меньшикова, известного своим самочинством и жестокостью, убили его и его писарей, одного солдата и нескольких чиновников Переселенческого управления.²⁴ Повстанцы Пржевальского уезда убили

судебного пристава Ташкентского окружного суда, двух полицейских стражников, 32 казака-карателя, 28 солдат и нескольких офицеров.²⁵ В целом по Туркестанскому краю восставшие убили и ранили 227 военных, в том числе по Семиреченской области – 171.²⁶

Весьма странной и даже непонятной была позиция А.В.Пяковского, когда он говорил о том, что «народные киргизские массы в этом реакционном очаге восстания были отвлечены от действительного источника их недовольства и озлобления – от их действительных угнетателей и притеснителей. Благодаря этому на северо-востоке Киргизии (т.е. в Северных районах Кыргызстана – Н.И.) не пострадал от восстания ни один манап, ни один бай, ни один представитель низовой царской администрации из состава местного коренного населения. Фактически никто не пострадал и из царских властей и администрации (русских по национальности)».²⁷ Чтобы показать абсурдность этих заявлений ученого, еще раз, повторно приведем некоторые данные. Например, в Южной Киргизии по официальным данным только убитых из представителей местной феодальной знати, служивших колониальным властям, насчитывалось 34, а всего по Туркестанскому краю – 55.²⁸ А в Семиреченской области повстанцами было убито 2025 и пропало без вести 1088 человек, большую часть которых составляли представители царской власти, должностные лица, военные и кулаки-переселенцы.²⁹ Можно ли после этого говорить, что никто не пострадал от восстания: ни один манап, ни один бай, ни один представитель низовой царской администрации из состава местного коренного населения; никто не пострадал и из царских властей и администрации, русских по национальности.

Хотя от рук повстанцев не пострадал ни один манап – манапы, не занимавшие чиновничьей должности, а сколько манапов, сколько баатыров и вождей повстанцев погибло от

рук карателей колониальных властей в период колонизации и в дни восстания 1916 г. Между тем, свободолюбивый кыргызский народ никогда не забудет имена таких лиц, как Балбай баатыр, Төрөгелди баатыр, Канат хан, Темир Молдо и многих других общепризнанных влиятельных людей, павших от рук царских палачей и погибших во время восстания 1916 г.

А сколько всего участников восстания было убито колонизаторами и карателями за весь период восстания 1916 года?

«Карательные отряды царизма, - отмечает Ю.Абдрахманов – наводнили территории, населенные киргизами и казахами, и расстреливали их вплоть до грудного ребенка. Около 150 тысяч человеческих жертв погибших от пуль и клинков царских палачей, погибших от рук кулацко-колонизаторских элементов русских переселенцев».³⁰ Это, как отмечает Ю.Абдрахманов, только жертвы «организованного» убийства, а сколько их, восставших погибло в Китае, куда они бежали после поражения восстания. Кыргызы, населявшие северную часть Иссык-Кульской котловины, и казахи Джаркентского уезда Казахстана двигались, бежав через Каркыра, Текес и Музарт, в направлении Кульджинской провинции Китая. И они неустанно преследовались карательными отрядами. Не считая убитых пограничниками, только царскими карателями за все время преследования было истреблено, как уже отмечалось, более 12 тысяч человек.³¹ Так, этот страшный путь бегства стал трагедией кыргызского и казахского народов. Такими же трагичными стали для кыргызов и все другие пути в пределах Китая: через все сырты, через все высокогорные перевалы – Бедель, Ак-Өгүз, Үзенги-Кууш, Торугарт, Сан-Таш, Каркыра, Текес шли кыргызы, оставляя за собой бесчисленное количество не преданных земле погибших родных и близких. Также трагичным был для кыргызов и обратный путь из Китая: голодные и истощенные они гибли, и их трупы также оставались непохороненными в тех же перевалах и сыртах. А в

период деятельности Временного правительства, когда они возвратились после февральской революции, как отмечает К.Усенбаев, общее число погибших от голода и эпидемии достигло 20 тысяч человек.³²

Одной из особенностей восстания 1916 г., как уже отмечалось, является то, что в основе этого движения стоял земельный вопрос. Вся земля кыргызов и всего Туркестанского края, согласно положению, принятым царским правительством в 1868 г. и дополненным к нему положением 1886 г., была экспроприирована и превращена в собственность Российского государства.³³ На этой основе земля предоставлялась кочевникам-кыргызам лишь на условиях бессрочного пользования, но не в частную собственность. Царское правительство отлично понимало, что предоставление земель в частную собственность кочевникам (т.е. кыргызам), сделает невозможным дальнейшее углубление аграрно-переселенческой колонизации. Царизм в то же время преследовал цель задержать кыргызов на том уровне общественного развития, на котором они их застали, что было удобным условием для колониального порабощения. В результате происходило обнищание и массовое обезземеливание народных масс коренного населения. Вот где была главная причина, почему кыргызы поднимались на ожесточенную вооруженную борьбу за землю. Отсюда ясно, что борьба кыргызского народа за уничтожение национального гнета тесно переплеталась с аграрным вопросом, с его борьбой за землю, которая давно была захвачена царскими колонизаторами, отсюда и национально-освободительный характер восстания 1916 г.

А как стал толковать эту проблему профессор А.В.Пясковский? Он утверждал: *«Это была по сути дела крестьянская война, направленная своим острием против царского самодержавия, а кое-где она переросла в антифеодальное движение, направленное одновременно против местной*

феодално-байской верхушки». ³⁴ Трудно согласиться и с этим мнением А.В.Пяковского. Дело в том, что во всем Туркестанском крае, особенно в Северных районах Кыргызстана, не было глобальных причин для крестьянской войны и антифеодального движения, направленного против местной феодално-манапской верхушки, поскольку они, как уже отмечалось, давно уже не являлись собственниками на землю.

Накануне восстания было изъято царскими колонизаторами все землевладение даже у такого крупного манапа, как Шабдана Джантаева. Он, как известно, пользовался большим авторитетом и большим влиянием у царского правительства. Под началом этого крупного манапа находились почти все племена Северного Кыргызстана. Хотя царское правительство и не забыло былых заслуг Шабдана и продолжало на него опираться, однако, оно сочло нужным обуздать этого крупнейшего и чрезмерно влиятельного манапа. С этой целью колониальные власти отобрали у него часть земель. Еще в начале XX века на землях, изъятых у Шабдана и подвластных ему кыргызов, возникло с.Новороссийское (ныне с.Шабдан, в Большом Кемине), станица Самсоновка (ныне Бурулдай, в Малом Кемине) и ряд хуторов. Царское правительство, сильно урезав земли Шабдана, тем самым «дало ему понять, что его время прошло». Но, учитывая былые его заслуги, в пожизненное владение ему было отведено 400 десятин земли. Однако вскоре после смерти Шабдана царское правительство решило передать и эти земли в фонд переселенческого управления, что вызвало недовольство у его сыновей. Кроме того, давно была ограничена власть Шабдана и его сыновей над местным населением. А во время восстания сыновья Шабдана присоединились к восставшему народу и стояли во главе восставшего народа в восточной части Чуйской долины, в частности в Сарыбагышевской и Атекинской волостях. После всего этого, о какой крестьянской войне, о

каком антифеодальном движении нужно было говорить, направленном против местных феодально-байских верхушек.³⁵

Таким образом, восстание 1916 г. кыргызов, на наш взгляд, нельзя рассматривать как антифеодальное движение, потому что среди местных феодалов еще в колониальный период, как правильно отмечают отдельные авторы, в частности А.Арзыматова, произошел раскол: одни составляли лагерь туземной администрации (волостные управители, сельские старшины, пятидесятники и т.д.), фактически ставшими царскими чиновниками, о чем неоднократно отмечалось выше, осуществлявшие на местах колониальную политику царизма. Поэтому выступления против них следует рассматривать не как антифеодальную, а как антиколониальную борьбу. Другой лагерь - родовые феодалы, оставшиеся как господствующий класс и в то же время ненавидевшие колониальное господство, принимали активное участие в событиях 1916 г., придавая им всенародный характер.³⁶ Поэтому правы и те авторы, которые считают: «Несмотря на различия в общественном положении и имущественном состоянии, в трудные для всего народа времена коренные интересы феодальной верхушки и простых людей нередко совпадали. Когда речь заходила о судьбе всего народа, отечества, социальные различия отходили на второй план.»³⁷ Иначе говоря, здесь сыграли свою роль традиции и обычаи родо-племенных отношений кочевых народов: «вместе защищаться от врагов и вместе выступать против них», т.е. в дни восстания социально-классовые различия не мешали им выступать против царизма единым фронтом.

Здесь еще важно отметить, что при оценке освободительного движения обычно исходят из того принципа – против какого общественного порядка и строя оно было направлено. Если исходить из этого, то восстание 1916 г. было направлено против российского царского самодержавия, проводивший жесточайшую и грабительскую колониальную политику. Восставший народ и его руководители боролись

против царских колонизаторов, но не против русских трудящихся. Между кыргызскими и русскими трудящимися не было чрезмерно враждебных отношений. Об этом свидетельствуют многочисленные факты и примеры, которые имели место в период восстания:

- Так, в показании очевидца восстания Г.И.Бройдо, данным прокурору Ташкентской судебной палаты 3 сентября 1916 г., говорится: «На обратном пути из Токмака... в Дмитриевке... начальник дмитриевской дружины Семен Потапов сообщил, что прибежала вооруженная толпа киргизов, человек 700, дружинники выступили против них и хотели стрелять, но он их удержал и, оставив оружие, пошел на переговоры. «Зачем вы вооружились?» - спросил он. «А зачем вы вооружились? Вы хотите нас всех перерезать», - был ответ. Потапов сказал: «Нет, мы вооружились, считая, что вы нас будете резать. Ведь вы бунтуете». В ответ киргизы сказали: «Нет, мы так понимаем, что вы бунтуете». А у старшего из них (восставших киргизов – Н.И.)... слезы бежали из глаз. Пожали друг другу руки и поехали в разные стороны».

- Еще один пример. А.Ходысев, работавший учителем в Пржевальске, попал в плен к восставшим. «Киргизы, узнав, что он учитель, сейчас же потребовали обучать детей по-русски, и пленный, не знавший ни одного слова по-киргизски, стал обучать киргиз, не слыжавших русской речи. Школьной аудиторией была киргизская юрта. Ученики-киргизята и добровольные слушатели – взрослые киргизы приходили в восторг от деловитой строгости учителя к детям».

- Восставшие жители Иссык-Кульской котловины, в частности Тюпа, не разрушили школьное здание, в котором обучались дети. «Оно осталось в неприкосновенности – сказано в дневнике настоятеля Иссык-Кульского монастыря. Может быть, потому что они знали о его назначении, потому что ценят учение, хотят быть грамотными и просвещенными».

- Имеются и такие факты и примеры, когда некоторые русские крестьяне переходили на сторону повстанцев и боролись против царского самодержавия. «Повстанцам иногда удавалось привлечь на свою сторону некоторых из бедняков-крестьян из числа переселенцев. Например, фигурировали среди восставших киргиз некие Седов и Власенко». Иван Седов в Чуйской долине и Марк Власенко в Иссык-Кульской котловине командовали группами восставших киргизов. Крестьянин села Сазановка Данило Кашаев принимал участие в борьбе против карательных отрядов.

- Иногда были такие случаи, когда русские трудовые крестьяне, рискуя собственной жизнью, спасали жизнь многим участникам восстания, пряча их от царских карателей и кулаков-переселенцев. В свою очередь киргизы сообщали русским друзьям о готовящемся нападении повстанцев против русских переселенцев.

- Один из сотрудников Туркестанского районного охранного отделения, расследовавший причины восстания в Пржевальском уезде, в своем рапорте от 30 декабря 1916 г. отмечает, что «были многочисленные случаи предупреждения русских киргизами о готовящейся резне... Многие киргизы предупреждали русских о подготовке к мятежу». Жители Кара-Булакской волости Пишпекского уезда выступали фактически «против своих же киргизов и отстаивали русское селение».

- Представители коренного трудового населения с большой заботой и вниманием относились к русским женщинам, детям и рядовым переселенцам, попавшим в плен к повстанцам. Так, пленницу Прасковью Мячину выручил добропорядочный кыргыз Кыдыралы. Он велел своей жене лучше заботиться о ней. Как вспоминает Мячина: «Кыдыралы говорил, что не даст нас в обиду, пока он жив».

- Жительница с.Ак-Суу Пржевальского уезда Абрамова с большой теплотой вспоминает старика-повстанца Абылгазы, который вступился за нее с такими словами: «Не трогайте, у

нее много детей». Благодаря ему ее жизнь была спасена. Попавшие в руки повстанцев 12 переселенцев из с.Юрьевки Пишпекского уезда тоже были освобождены и отпущены.

Таких примеров много и они более подробно изложены в работе проф.К.Усенбаева.³⁸ И на этой основе, опираясь на эти правдивые факты, можно сделать вывод, что среди трудящихся коренного населения Кыргызстана закоренившейся внутренней вражды к русским не было.

Таким образом, на основе вышеизложенных фактов можно утверждать, что восстание 1916 г. кыргызского народа, направленное против царского самодержавия и его колониальной грабительской политики, носило революционный национально-освободительный характер и не имело ничего общего с реакционным феодально-монархическим, антинародным, антирусским националистическим движением.

Восстание 1916 г. имело и некоторые свои специфические особенности, которые обуславливались наличием среди коренного населения, особенно у кыргызов, остатков родоплеменных отношений, наложившие сильный отпечаток на возникновение, ход, характер и движущие силы этого восстания. Поэтому нередко ряды участников восстания состояли из людей, находившихся в кровнородственных отношениях. И не случайно, почти во многих местах Северного Кыргызстана повстанцы выступали под знаменем своих бывших родовых и племенных вождей, выдвигали родовые и племенные «урааны» (боевые кличи) и т.п. Восставшие в известной степени придерживались родовых и племенных делений и старались избирать своих руководителей или ханов из среды своих родов и племен. Так, Мокуш Шабдан уулу был избран ханом из Сарыбагышевского племени Восточной части Чуйской долины, Канат Ыбыке уулу (Канат Абукин) – ханом племени Сарыбагышев в Загорных волостях Кочкорской долины, Батыркан Ногоев – ханом племени Бугу Пржевальского уезда, Талканбай – ханом Кунгейских саяков на

севере озера Иссык-Куль и т.п. Так, во время выступления и отступления члены родовых и подродовых объединений старались быть вместе на основе этих выборов. *Вся эта родоплеменная раздробленность не давала кыргызам возможность во время восстания в масштабе всего региона создать единый общенародный фронт, направленный против царских колонизаторов и его карательных отрядов. И царским карательным отрядам легко было расправляться и подавлять восставший народ по одиночке в разное время, в разных районах Северного Кыргызстана. Именно в этом и заключалась одна из специфических особенностей, вернее слабостей восстания кыргызов 1916 г.*

Одна из особенностей изучаемой проблемы, по мнению некоторых историков, состоит в том, что восстание 1916 г. не имело пролетарское руководство. Они даже считают, что это одна из причин поражения восстания. Если объективно подходить к этому вопросу то следует сказать, что в то время в Кыргызстане еще не созрели те исторические условия для рождения и созревания революционного пролетариата, способного возглавить освободительное движение. А пролетариат является, как известно, продуктом буржуазного общества. А в общественной жизни кыргызов в то время преобладал еще полуфеодальный строй. «Этот полуфеодальный строй, - как правильно отмечает Ю.Абдрахманов, - в связи с колонизацией края царизмом, законсервировался, не пошел дальше в смысле образования чисто феодальных отношений».³⁹ Значит не стоило говорить, что восстание 1916 г. не имело пролетарского руководства, поскольку этого класса еще не было в Кыргызстане, и не должно было быть и речи о пролетарском руководстве восстанием 1916 г.

Восстание 1916 года составляет одной из ярких страниц многолетней истории борьбы кыргызского народа за свободу и независимость. В этом плане это восстание явилось большой

политической школой, обогатило трудящиеся массы значительным опытом освободительной борьбы против колониального гнета, научило их вовремя узнать истинных друзей и врагов. В период восстания еще больше усилилась ненависть народных масс как к царским колонизаторам, так и к «своим» продажным байско-манапским элементам. Трудовые массы воочию убедились и поняли по какую сторону баррикад станут некоторые состоятельные и привеллигерованные верхушки, когда дело дойдет до последней, решительной схватки с царскими колонизаторами. Таким образом, уже в ходе восстания и после него глубже и шире стали противоречия между ними. Именно восстание 1916 г. окончательно привело к обострению всех социально-экономических и политических противоречий и усилению революционных выступлений народных масс, а также обострению классовой борьбы в стране. В этом заключается историческое и социально-политическое значение восстания 1916 г.

Несмотря на то, что восстание 1916 г. потерпело поражение, оно сыграло важную роль в политической жизни кыргызского народа. Без всякого преувеличения можно сказать, что история кыргызского народа не знала столь массового повсеместного и активного революционного выступления, каким было движение 1916 г. На опыте данного движения кыргызский народ сблизился с русским народом, с революционным русским пролетариатом и трудовым крестьянством. А русский пролетариат, под руководством Коммунистической партии во главе с В.И. Лениным, сплотил вокруг себя все поработанные народы России, обеспечил победу Великого Октября. В результате победы Великого Октября произошел коренной исторический перелом в судьбе кыргызского народа.

Источники и литература:

1. ЦГА Республики Казахстан, ф.44, оп.2, д.16921, л.2; Рукописный фонд ИЯЛ им.Ч.Айтматова НАН Кыргызской Республики, инв.№1488-а, л.4; Усенбаев К. Указанная работа.- с.264.

2. Труды Института языка, литературы и истории. IV выпуск. Изд-во Кир.ФАН СССР. Фрунзе. 1954.- с.5-43; с.89-113.

3. Там же.- с.31.

4. Там же.- с.31-32.

5. Там же.- с.92.

6. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов. М.1960.- с.5 – 6.

7. Усенбаев К. Указанная работа.- с.306; Его же, «1916: Героические и трагические страницы», Б.1997.- с.189.

8. Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе. 1967 г.- с.260.

9. Там же.- с.260-261.

10. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов.- с.83-84 (док.№48); Усенбаев К. Указанная работа. - с.260.

11. Усенбаев К. Указанная работа.- с.300; Его же, «1916: Героические и трагические страницы».- с.184.

12. Там же.- с.306; Его же, «1916: ...» - с.189.

13. Труды ИЯЛИ, IV выпуск, Фрунзе, 1954.- с.31-32.

14. Там же.- с.33.

15. Там же.- с.34.

16. Усенбаев К. Указанная работа.- с.287.

17. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. док.- с.16.

18. Абдрахманов Ю. Указанная работа.- с.268.

19. Там же.- с.268-269 (см. Сталин И.В. Вопросы Ленинизма. Издание одиннадцатое, М. Политиздат, 1939.- с.48.)

20. Абдрахманов Ю. Указанная работа.- с.269.

21. Труды ИЯЛИ, IV выпуск, Фрунзе, 1954.- с.39-40.

22. Усенбаев К. Указанная работа.- с.285-286.

23. Усенбаев К. Там же.- с.209.

24. Восстание 1916 года в Киргизстане. Документы и материалы.- с.66.

25. ЦГА Кыргызской Республики, ф.75, д.34, л.18-20, Рукописный фонд ИЯЛ им. Ч.Айтматова НАН Кыргызской Республики, инв.№135, Л.139, 193, 198; Усенбаев К. Указанная работа.- с.257.

26. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов.- с.83-84 (док.№48).

27. Труды ИЯЛИ, IV выпуск. Фрунзе. 1954. - с.41.

28. Усенбаев К. Указанная работа.- с.260.

29. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов.- с.83-84(док.№48); Усенбаев К. Указанная работа.- с.257.

30. Абдрахманов Ю. Указанная работа.- с.229.

31. РГИА, ф.1291, оп.84, д.57, л.13; Усенбаев К. Указ. работа.- с.238.

32. Усенбаев К. Указанная работа.- с.249.

33. Более подробно см.: Арзыматова А.А. Земельный вопрос и восстание 1916 года в Кыргызстане. Вопросы Истории Кыргызстана, №3. (Материалы научной конференции. 90-летие восстания 1916 года), Б.2006.-с.18-19., 22.

34. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов.- с.5.

35. Более подробно см.: Усенбаев К. Указанная работа.- с.272-275.

36. Арзыматова А. Указанная работа. см: Вопросы истории Кыргызстана. №3 Б.2006.-с.21.

37. Омурбеков Т.Н., Чоротегин Т.К. История Кыргызстана (XIX в. – 1917 г.), Бишкек «Бийиктик», 2005.- с.168.

38. См. Усенбаев К. Указанная работа.- с.287 – 290.

39. Абдрахманов Ю. Указанная работа.- с.240.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Восстание 1916 г. имеет свои глубокие исторические, социально-политические корни. Оно было подготовлено всем ходом общественного развития кыргызского народа с момента его колониального захвата царской Россией.

Восстание 1916 г. было прогрессивным движением, оно носило ярко выраженный национально-освободительный, антивоенный, антиимпериалистический характер и было направлено своим острием против царского самодержавия. Начавшись под влиянием всеусиливающегося в это время общереволюционного движения народов России, оно стало составной частью национально-освободительного движения, которое охватило не только Центральную Азию, но и все национальные районы, начиная с Поволжья, Закавказья до Алтая, Западной Сибири и другие национальные районы царской России. Оно приняло широкий размах особенно во время Первой мировой империалистической войны. Это движение объективно вливалось в общий поток революционной борьбы всех народов России против царского самодержавия. Оно, подтачивая устои царского режима, явилось одним из звеньев в подготовке Февральской и Октябрьской революций 1917 г.

Восстание показало, что только объединенными усилиями пролетариата и крестьянства метрополии и борющихся народов национальных районов можно свергнуть общих врагов. Эти уроки восстания были целиком и полностью использованы трудящимися всех народов в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции.

В годы гражданской войны и иностранной военной интервенции росло и крепло в сознании кыргызского народа твердое убеждение, что только в результате совместной борьбы со всеми народами России они смогут окончательно сбросить с себя ярмо колониального рабства и добиться свободной жизни. Вооруженный этим сознанием и опытом

революционной борьбы, кыргызский народ принимал активное участие в боях за победу Великой Октябрьской социалистической революции, за установление и упрочение Советской власти.

Восстание кыргызского народа 1916 г., хотя оно закончилось тогда трагично, но оно имело и имеет огромное значение в возрождении у трудящегося народа национального самосознания, воспитания, особенно молодежи, в духе беспредельной любви и преданности своему Отечеству, выработке и укреплении в их сознании высокого идеала служения Родине, постоянной готовности защитить ее свободу и независимость.

Восстание 1916 г. в Кыргызстане, его опыт имеет международное значение. Оно не потеряло свое значение и в наши дни, ибо исторический опыт борьбы кыргызского народа и других народов Центральной Азии за социальную и национальную свободу и независимость поучителен для многих народов современного мира, в частности для таких стран, как Афганистан, стран Арабского мира – Ирак, Ливия, Сирия и другие, которые также борются за свою свободу и независимость.

Мечта эксплуатируемых и угнетенных масс кыргызского народа, совершивших восстание 1916 г., сбылась в результате победы Великого Октября и при Советской власти. И лишь в условиях Советской власти кыргызский народ, получив национальную свободу и независимость, приобрел и свою национальную государственность (кстати, мною – автором данной работы, на материалах Киргизии, в 1983 г. была защищена кандидатская диссертация на философскую тему – «Закономерности и особенности возникновения советской национальной государственности народов СССР, миновавших капитализм». Многие его проблемные вопросы тесно связаны с восстанием 1916 г.). Ныне кыргызский народ строит и борется за создание Правового суверенного демократического государства – за свое светлое будущее.

Нуриддин Исаев

Восстание 1916 года в Кыргызстане – национальная трагедия
кыргызского народа

Ответственный редактор: А.И.Нарынбаев

Технический редактор: Исаев Талантбек

Компьютерный набор: Исаева Жаркын, Исаева Гульзат

Компьютерная верстка: Казакбаева Замиргуль

Формат 60x84/16. Печать офсетная.

Объем 11,05 п.л. Тираж 500 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
MAXPRINT
БАСМАСЫ

Типография «Maxprint»

Адрес: 720045, г. Бишкек, ул. Ялтинская 114

Тел.: (+996 312) 36-92-50

e-mail: maxprint@mail.ru

Исаев Нуриддин Исаевич родился 20 декабря 1926 года в селе Корумду Иссык-Кульского района Кыргызской Республики.

Трудовую деятельность начал с 1945 г. после окончания исторического факультета Учительского института. Работал учителем истории и географии в Сары-Камышской средней школе Пржевальского района, затем с 1946 г. по 1948 г. работал учителем истории и географии в Темировской средней школе им. Токтогула.

В 1948 г. поступил на 2ой курс исторического факультета КазГУ им. С.М.Кирова, который успешно окончил в 1952 г. После окончания КазГУ с 1952 г. по 1956 г.

работал в Кыргызском женском педагогическом и Фрунзенском педагогическом институтах – преподавателем кафедры Марксизма-Ленинизма, затем с 1956 г. более 3х лет работал руководителем лекторской группы ЦК ЛКСМ Киргизии.

С 1959 г. более 40 лет работал в научных учреждениях и ВУЗах Республики, в частности в Кыргызском Государственном и Алма-Атинском Мединститутах, Бишкекском Гуманитарном Университете.

В 1984 году защитил кандидатскую диссертацию по философской теме: «Закономерности и особенности возникновения Советской национальной государственности народов СССР, миновавших капитализм (на материалах Кыргызской ССР)».

Им написаны и опубликованы свыше 30 научных и научно-методических работ, книга «О религии Ислама» (на кырг. языке, Фрунзе, 1962). Научные труды посвящены в основном исследованию проблем национальных отношений и национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах. Они изданы на кыргызском и русском языках на страницах республиканских газет и журналов «Коммунист» Кыргызстана и Казахстана и в трудах ВУЗов и научных учреждений.

Во время работы в ВУЗах и научных учреждениях он пользовался авторитетом. За плодотворную, безупречную работу в подготовке квалифицированных кадров и активную общественную работу награжден Почетной грамотой Министерства здравоохранения Кыргызской ССР и Казахской ССР, ветеран труда и труженик тыла.!

С тех пор, когда произошло восстание 1916 года прошло целое столетие и многое изменилось в современном мире. Нет больше Советского Союза и сейчас многие понятия оцениваются по-другому. Многое изменилось и в Кыргызстане, но самое главное, в судьбе кыргызского народа произошел коренной исторический перелом. Ныне Кыргызский народ строит и борется за создание правового суверенного демократического государства- за свое светлое будущее!